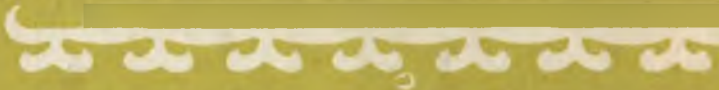

ЧС(КЧР) 223135-2
XIV

Х.-М. И. Хаджилаев

Очерки
**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ**

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Черкесск—1970

Х-М. И. ХАДЖИЛАЕВ

ОЧЕРКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРАЧАЕВО - ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Черкесск—1970

Научный редактор
профессор У. Б. Алиев

223135 - 8

Карачаево-Чаркесская
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ТРАНСКРИПЦИЯ

- оь* — знак для широкого губного переднего гласного звука
уь — знак для узкого губного переднего гласного звука
кь — знак для обозначения заднеязычного смычного глухого согласного звука
гь — знак для обозначения заднеязычного фрикативного звонкого согласного звука
á, é — знак для обозначения чувашских гласных звуков *á, é*
у — знак для обозначения узбекского гласного звука *у*
э — знак для обозначения татарского гласного звука *э*

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН* — Академия Наук
ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961
ИСГЛЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, М., 1962
НИИ — Научно-исследовательский институт
СМОМП — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, вып. 40, 1909
Кн. — книга
Газ. — газета
Журн. — журнал
Сб. — сборник
Изв. — известия

ПОМЕТЫ К СЛОВАМ И ФОРМАМ

- азерб.* — азербайджанский язык
алт. — алтайский язык
башк. — башкирский язык
букв. — буквально
в.м. — вместо
гаг. — гагаузский язык
гл. — глагол
грамм. — грамматический
досл. — дословно

др.-тюрк. — древнетюркский язык
ед. ч. — единственное число
диал. — диалектное
каб. — кабардинский язык
к-калт. — каракалпакский язык
казах. — казахский язык
кар. — караимский язык
кирг. — киргизский язык
кр.-тат. — крымско-татарский язык
кумык. — кумыкский язык
мн. ч. — множественное число
монг. — монгольский язык
нареч. — наречие
ног. — ногайский язык
прил. — прилагательные
пр. дѣй тв. залога — причастие действительного залога
пр. стр. залога — причастие страдат. залога
сущ. — существительное
ред. — редигиозное
тат. — татарский язык
тур. — турецкий язык
тунг — тунгусский язык
туркм. — туркменский язык
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский язык
ук. соч. — указанное сочинение
хак. — хакасский язык
част. — частица
чис. — числительное
чув. — чувашский язык
як. — якутский язык

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

|| параллельно употребляющаяся форма, сочетание и т. п.

≈ чередование

→ или > превратилось в . . . , перешло в . . .

< развилось из . . . , возникло из . . .

≡ равняется, полностью соответствует

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

В лингвистической литературе наших дней язык карачаевцев и балкарцев относится к западной ветви тюркских языков, составляя в ней вместе с карaimским, крымско-татарским и кумыкским языками особую подгруппу.¹

На языке карачаевцев и балкарцев говорит более 150 тысяч человек, издаются газеты, учебники, художественная, научно-популярная и политическая литература. На этом языке по радио и телевидению ведутся передачи. Он изучается в педагогическом училище и в вузах Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

История карачаево-балкарского языка, как и история носителей этого языка, пока что изучена слабо.²

По вопросу этногенеза носителей этого языка — карачаевцев и балкарцев — до последнего времени в науке существуют самые различные высказывания, подчас доходящие до диаметральной противоположности.³ Так, например, акад. А. Н. Самойлович карачаевцев и балкарцев считал „отуреченными яфетидами“⁴.

„Если мы стоим на точке зрения развития языка, мы этим самым утверждаем, что, например, карачаево-балкарский язык не всегда был таким, как он есть сейчас, что он не от природы тюркский, что это есть определенная ступень развития

¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 142, 145, 152.

² Подробно см.: Х. И. Хаджилаев. К вопросу исследования и истории карачаево-балкарского языка. «Уч. зап. Азгосуниверситета», серия общественных наук. Баку, 1961, № 1, стр. 83—94.

³ О происхождении карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1960.

⁴ Яфетический сборник, вып. II, П., 1923, стр. 111.

языка¹, — писал и проф. А. К. Боровков по проблеме этногенеза карачаевцев и балкарцев.¹

Нечто аналогичное было высказано по этому поводу еще в прошлом веке лингвистом В. Ф. Миллером и социологом М. Ковалевским, считавшими карачаевцев и балкарцев „отатарившимися осетинами“².

Разумеется, подобные высказывания далеки от истины и их нельзя принять всерьез. Едва ли можно считать вполне удовлетворительными и выводы научной сессии, специально посвященной происхождению карачаевского и балкарского народов (Нальчик, 22—26 июня 1959 г.), они сделаны были главным образом на основе данных археологии и отчасти языка, а данные этнографии, ономастики и топонимики почти не использованы. Более того, исторический и языковой материал, приведенный на указанной сессии, не дает полного основания для категорического утверждения о том, что „карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, „черные болгары“ и, в особенности, одно из западнокипчакских племен“³.

Известный археолог Е. П. Алексеева считает, что наряду с „черными болгарами“ и кипчаками одним из основных компонентов в формировании карачаевской и балкарской народностей были древние кавказские племена, носители так называемой „кобанской культуры“, и северокавказские аланы, подвергнувшиеся тюркизации в средние века⁴.

Само собою разумеется, что в этногенезе карачаевской и балкарской народностей принимали участие различные пришлые и автохтонные племена, но считать основным этническим ядром для них якобы тюркизированных кипчаками кавказских племен, даже самих кипчаков, едва ли будет правильно.

То обстоятельство, что в последней генеалогической клас-

¹ Яфетический сборник, вып. VII, Л., 1932, стр. 58.

² Б. И. Абаев. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. Журнал «Язык и мышление». № 1, Л., 1933, стр. 73.

³ О происхождении балкарцев и карачаевцев, Нальчик, 1960, стр. 310.

⁴ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, Черкесск, 1963, стр. 41.

сификации тюркских языков подгруппа, к которой отнесен язык карачаевцев и балкарцев, называется кипчакско-половецкой или куманской, не может служить основным аргументом в пользу только кипчакской гипотезы. Ведь хорошо известно, что кипчакский (кипчакско-половецкая подгруппа) язык был йокающим, предка же карачаево-балкарского языка, как справедливо указывают проф. У. Б. Алиев и доц. Ш. Х. Акбаев, нужно искать в джокающих и зокающе-цокающих языках¹.

Здесь уместно отметить и то, что антропологический материал приносит дополнительную аргументацию в пользу отсутствия генетической связи между кипчаками, с одной стороны, и карачаевцами и балкарцами,—с другой. Общеизвестно, что у карачаевцев и балкарцев монголоидная примесь полностью отсутствует, тогда как кипчаки отличались наличием сильной монголоидной примеси².

Надо полагать, что тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев жили на Северном Кавказе задолго до появления здесь кипчаков (половцев). Возможно, они были еще в среде скифов и сарматов. Ведь известно, что некоторые ученые скифов считали тюркоязычными³.

Обнаружение древнетюркских рунических надписей на стенах аланского Хумаринского городища⁴, рунических знаков внутри и у входа аланских катакомб⁵ и некоторые другие факты дают основание говорить о том, что часть алан, а именно носители этнонима **алан** были тюркоязычными и явились одним из основных компонентов в формировании кара-

¹ См. выступление У. Б. Алиева в сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 249 — 250; Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963, стр. 94.

² В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 312—332.

³ Я. Лазарев. О гуннах Дагестана. Тифлис. 1852, стр. 5; С. М. Середоини. Историческая география, II, 1916, стр. 8, 30. Из более новых работ см.: К. Т. Лайпанов. О тюркском элементе в этногенезе осетин. Сб. «Происхождение осетинского народа», Орджоникидзе, 1967, стр. 207—214.

⁴ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. Журнал «Советская археология», № 1. 1963, стр. 298 — 305.

⁵ У. Б. Алиев, А. Д. Баучиев, К. Т. Лайпанов, М. А. Хабичев. О некоторых алано-тюркских памятниках в верховьях Кубани. Газ. «Ленини байрагы» (на карач.-балк. языке), 20 апреля 1963.

чаевцев и балкарцев. Эту мысль впервые высказал видный исследователь карачаево-балкарского языка проф. У. Б. Алиев на научной сессии, посвященной проблеме происхождения карачаевцев и балкарцев. „Язык карачаевцев и балкарцев является осколком языка тюркского племени, давшего наименование аланскому союзу племен. Этот язык мог быть одной из многочисленных ветвей тюркских языков, который затерян и не учтен тюркологией“, — читаем у проф. У. Б. Алиева по этому вопросу.¹

В пользу всего сказанного говорят и данные археологии. Так, в работе Е. П. Алексеевой „Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии“ по этому поводу сказано следующее: „О том, что аланы, наряду с горцами — „кобанцами“, болгарами и кипчаками, явились одним из компонентов в формировании карачаево-балкарской народности, неопровержимо говорят и данные археологии“².

Вопрос о языке алан, разумеется, нельзя считать окончательно решенным и проблема эта пока что продолжает оставаться актуальной.

Здесь отметим только то, что и доводы сторонников теории об изначальной ираноязычности алан, основанные на фразе, записанной византийским автором XII века И. Цецом, на надписи Зеленчукского памятника, а также на ономастике и, особенно, на топонимике, изо дня в день, по мере развития и совершенствования исторической и лингвистической наук и исследовательских методов, становятся все более и более убедительными.

Одним из тех, кто в известной степени дезориентировал последующих исследователей в вопросе о языковой принадлежности аланских племен верховьев Кубани, был Вс. Миллер³.

Как известно, все началось с того, что при дешифровке надписи с надмогильной плиты, найденной еще в 1888 году Д. М. Струковым на правом берегу реки Большой Зеленчук, Вс. Миллер надпись признал древнеосетинской (аланской).

¹ О происхождении балкарцев и карачаевцев, Нальчик, 1960, стр. 251.

² Труды КЧГНИИ, вып. V, 1966, стр. 238.

³ Вс. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. Материалы по археологии Кавказа. III, 1893, стр. 110—118.

Зеленчукская надпись—единственный известный пока памятник аланского языка и представляет собой надмогильную плиту, покрытую греческими письменами. Надпись содержит 21 строку. Вс. Миллер датировал Зеленчукскую надпись XI—XII вв., однако, по последним исследованиям (см. Г. Ф. Турчанинов, Изв. АН СССР ОЛЯ, т. VII, вып. I, 1948), надпись относится к 941 г. Основанием для утверждения надписи древнеосетинской послужило то, что после внесения ряда произвольных поправок и при определенной разбивке текста четырежды встречается одно и то же слово, имеющее чисто внешнее созвучие с осетинским словом (в дигорской форме), обозначающим понятие „сын“ (*фурт* > *фрт*).

„Хотя некоторые слова не поддаются точной дешифровке,—писал Вс. Миллер,—но четыре раза явственно читающееся осетинское слово и два употребительных у осетин личных имени несомненно свидетельствуют о том, что перед нами древняя осетинская надпись, представляющая попытку выразить греческими буквами осетинские слова. Мало того, интерес памятника возвышается местом его нахождения и христианской эмблемой. Он найден в местности, где указываются развалины поселения и в недалеком расстоянии от обширных развалин древнего христианского города, который, судя по числу церквей, мог быть центром Аланской епархии (митрополии), упоминаемой византийскими писателями. Подробное археологическое исследование развалин этого города, его христианских памятников и могил, должно разъяснить национальность и культуру его древнего населения. Но уже на основании рассмотренного нами памятника мы можем заключить, что одним из элементов населения были некогда предки современных осетин—аланы или яссы,—знавшие греческие письмены и делавшие попытки выражать ими звуки родного языка“¹.

Так, Вс. Миллер одним из первых попытался показать этническую связь современных ираноязычных осетин с аланами и тождество древнеосетинского и аланского языков.

О том, насколько все это доказательно, говорят слова самого же Вс. Миллера, наиболее полно характеризующие основной принцип его исследовательского метода. „Мы склонны думать,—писал Вс. Миллер в своих „Осетинских этю-

¹ В. А. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 260—261.

дах¹ по аналогичному случаю, что даже неудачная попытка к объяснению того или иного лингвистического факта полезнее для дальнейшего движения науки, нежели молчаливое занесение темного факта в столбцы грамматики¹.

Расшифровкой надписи Зеленчукской надмогильной плиты занимались также В. И. Абаев, В. А. Алборов, Г. Ф. Турчанинов².

Все они, как и акад. Вс. Миллер, к разрешению этого вопроса подошли только с позиций осетинского языка и подтвердили прежнее ошибочное мнение о том, что надпись выполнена греческими буквами на древнеосетинском языке и окончательно поставили знак равенства между предками современных осетин и древними аланами, между древнеосетинским языком и языком аланских племен Северного Кавказа.

В этой связи считаем уместным привести мнение Е. И. Крупнова, по интересующей нас проблеме из его статьи „Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа“, где сказано: „Решение этого вопроса, начатое еще в начале XIX в. Ю. Клапротом, позднее продолженное академиком Вс. Миллером, в наши дни было окончательно запутано и искажено одним из последователей и пропагандистов „нового учения о языке“ Марра лингвистом В. И. Абаевым в ряде его печатных работ“³.

В последнее время Зеленчукскую надпись прочли специалисты, не только исходя из осетинского, но и из кабардинского и карачаево-балкарского языков.

Так, в 1963 году А. Ж. Кафоев опубликовал работу, в которой предложил свой вариант расшифровки Зеленчукской надписи на основе кабардино-черкесского (адыгского) языка и все прежние варианты чтения текста этой надписи, а также датировку, сделанные до него Вс. Миллером, В. И. Абаевым, В. А. Алборовым и Г. Ф. Турчаниновым, признал недо-

¹ Вс. Миллер. Осетинские этюды, ч. II, стр. 1. «Уч. записки Императорского Московского университета», вып. 1, 1881.

² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, ч. I, М.—Л., 1949, стр. 260—270; В. А. Алборов. Новые чтения Зеленчукской надписи. «Уч. записки СОГПИ им. К. Хетагурова» т. XXI, вып. II, 1951; Г. Ф. Турчанинов. Еще раз о древнезеленчукской надписи. «Эпиграфика Востока», изд. АН СССР, № 12, 1958.

³ Против вульгаризации марксизма в археологии, М., 1953, стр. 146.

стоверными и выполненными без соблюдения элементарных правил расшифровки древних надписей¹.

„Поскольку Зеленчукская надгробная плита была найдена на территории, где в прошлом жили аланы,—пишет А. Ж. Кафоев,—надписи на ней могли быть выполнены на языке одной из северо-кавказских народностей, входивших в аланское племенное объединение. Допуская вероятность вхождения в аланское объединение предков адыгского народа, наряду с предками осетин, мы считаем возможным читать зеленчукскую надгробную надпись на кабардинском языке, причем для этого не требуется вносить в первоначальный текст никаких поправок и дополнений. Надпись читается свободно“².

Из изложенного видно, что А. Ж. Кафоев не отрицает определённой этно-культурной связи предков современных осетин с древними аланами, но в то же время считает ошибочным существующее мнение о том, что средневековые северокавказские аланы будто бы являются прямыми предками одного лишь осетинского народа. Что же касается расшифровки зеленчукской надписи, то, по уверению А. Ж. Кафоева, его вариант чтения на основе кабардинского языка является наиболее достоверным из всех вариантов, выполненных до него, и „слова текста в новой расшифровке подчиняются логике языка, язык—логике писца, писец—логике событий“³.

Появление работы А. Ж. Кафоева вызвало соответствующую ответную реакцию. „Ираноязычность зеленчукской надписи обоснована столь детально,—пишут В. И. Абаев и В. А. Кузнецов,—что иное чтение ее А. Ж. Кафоевым производит странное впечатление.“⁴ И это вполне понятно, так как иное чтение Зеленчукской надписи сводит на нет один из важных доводов в пользу ираноязычности алан. Ведь в „Истории Северо-Осетинской АССР“ В. И. Абаев писал: „Перед историками стал вопрос, существуют ли языковые доказательства приемственной связи современных осетин с аланами и скифо-сарматами. Оказалось, что такие доказательства имеются. На территории, которая была заселена в прошлом аланами, была обнаружена надгробная надпись, сделанная греческими буквами на осетинском языке... Надпись, как показало исследова-

¹ А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники, Нальчик, 1963, стр. 10.

² Там же, стр. 23.

³ Там же

⁴ Журн. «Вопросы истории», М., 1965, стр. 151—154.

ние, относилась к XI веку. Она убедила историков в единстве аланского и осетинского языков¹.

В 1965 году М. Кудаев опубликовал результаты своей многолетней работы по расшифровке (чтению) текста надписи того же Зеленчукского памятника на основе цокающего (малкарского или черекского) диалекта современного карачаево-балкарского языка и дал серьезный палеографический и историко-филологический разбор, заслуживающий внимания².

И все-таки возникает вопрос: что эта за надпись, одинаково удобочитаемая на осетинском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках.

Итак, хотя упомянутые исследования содержат много интересных фактов и теоретических обобщений, как по аланской проблеме в целом, так и по вопросу расшифровки надписи Зеленчукского памятника, наличие подобного количества диаметрально противоположных точек зрения убедительно доказывает, что многие аспекты затронутых вопросов все еще ожидают своего серьезного научного освещения.

Тем не менее, после обстоятельного знакомства с перечисленными вариантами дешифровки надписи Зеленчукской надмогильной плиты, мы можем сказать, что наибольший интерес представляют результаты дешифровки М. Кудаева, так как сам этноним „алан“ до сих пор сохранился в языке карачаевцев и балкарцев в значении „единоплеменник“, „друг“, а отчасти и как самоназвание народа и имеет четкую этимологию³.

окъ + -лан → огълан || олан |→ алан „единоплеменник“
„наследник“ „сын“ |→ улан „сын“, „юноша“

(от карачаево-балкарского *окъ* „мужское семя“ + аффикс именного словообразования *-лан*).

¹ История Северо-Осетинской АССР, изд. АН СССР, 1959, стр. 32.

² М. Кудаев. Опыт расшифровки Зеленчукской надписи на основе балкарского языка. Газета «Коммунизмге джол», Нальчик, 14 февраля, 1965, № 31 (6571).

³ Об этом же см. выступление проф. У. Алиева. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 250—251; Х. И. Хаджилаев. К вопросу исследования и истории карачаево-балкарского языка. «Уч. зап. Азерб. госуниверситета». Баку, 1961, № 1, стр. 93. Ш. Х. Акбаев. Аланла, Аляния? Газета «Ленинин байрагы», Черкесск, 1963, 21 апреля, № 80.

В тюркских языках при помощи аффикса *-лан* образовано достаточное количество существительных. Большинство их, как указывает проф. Э. В. Севортян, обозначают названия диких зверей и восходят к глаголам в учаательной форме *-ла*, и таким образом, аффикс *-лан* состоит из *-ла+--н*. К данной группе имен относятся карач.-балк. *кѡаблан* „тигр“, др. -тюрк. *qarlan* „тигр“, тат. *каплан* „леопард“, узб. *коплан* „барс“ и др., где *кѡаб* || *кап*— „хватать, похищать, кусать, вырывать, нападать“ и т. д.; карач.-балк., азерб. *аслан*, туркм., тур., кр.-тат., ног., алт. *арслан*; узб. *арслон*, казах. *арыстан*; кирг. *арстан*; с.-юг. *арсылан* „лев“, где *арс*— звукоподражание собачьему лаю (в кирг., к.-кал.) и рычанию, рыку (казах.). Оно представлено в кирг. *арс-ыл-да* „рычать“, который образовался от модифицированной основы *арсыл*, в хакасском означающей „дикий, лютый, свирепый“¹.

Как указывает Б. Аталай, производные имена на *-лан* в турецком языке могут образоваться также от имен и выражать другие значения: места, признака и т. п., например: *каплан* „каменистая и скалистая местность“ от *каја* „скала“, *вајлан* „избалованный, капризный“ от имени *вај* „богач, богатый“ и др.².

Таким образом, слово *алан* этимологически восходит к слову *окѡлан* || *огѡлан* || *олан* и является исконно тюркским словом. Явление же выпадения заднеязычного фрикативного звука *гъ* (*огѡлан* > *олан*) и замены лабиализованного гласного *о* нелабиализованным *а* (*олан* ~ *алан*) широко представлено в тюркских языках³.

Здесь нелишне заметить и следующее. А. Бахтиаров в статье „Осколки исчезнувших аланов“ по интересующей проблеме и относительно этнонима „алан“ писал следующее. „При изучении племенного состава туркмен удалось выяснить, что незначительная часть аланов (их потомков) прожи-

¹ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 337—338.

² Atalay Besim. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. İstanbul. 1942, стр. 190.

³ Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку, 1958; М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии (на азерб. яз.), Баку, 1962; Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения), Черкесск, 1963, стр. 44. Его же. Аланла, Алания? Газета «Ленини байрагы», Черкесск, 1963, 21 апреля.

вает в Турк. ССР... В частности, в Туркмении аланы встречаются под названием *олам* в Серахском районе, в составе племени Салыр (ветвь „караман“) и *улам*, в Хаджамбасском районе, где они живут обособленно от туркмен-арсаринцев¹.

Что же касается стремления некоторых лингвистов доказать на основании данных топонимики ираноязычность северокавказских алан, то и их утверждения, к сожалению, также далеки от истины. В частности, высказывание Ес. Миллера, а в наши дни известного ираниста В. И. Абаева, об „обилии“ ираноязычных топонимических названий на территории современного Карачая, где некогда жили аланы, не находит подтверждения на фактическом языковом материале.

Забегая вперед, мы должны сказать, что не только топонимика Карачая, но и всей огромной территории, начиная от нынешней Чечено-Ингушетии и кончая западными границами Карачаево-Черкесии, т. е. той территории, где свыше тысячи лет жили северокавказские аланы, изобилует тюркскими географическими названиями. Что же касается иранских топонимических названий, то они встречаются лишь в ираноязычной Осетии, причем там имеется немало и тюркских топонимов.² Наличие тюркских топонимов даже там, где никогда не живут тюркоязычные народы, где долгое время жили аланы (горная часть Чечено-Ингушетии, Осетии, юго-запад Карачаево-Черкесии) говорит в пользу теории о тюркоязычности **алан**.

В настоящей работе мы не намерены касаться широкого круга вопросов, связанных с этногенезом карачаевцев и балкарцев, а остановимся лишь на языковых данных, используемых при изучении исторического прошлого любого народа, а именно:

- 1) на данных топонимики той территории, где проживают в настоящее время карачаевцы и балкарцы;
- 2) на особенности словарного состава карачаево-балкарского языка.

¹ А. Бахтияров. Осколки исчезнувших аланов. Журн. «Туркменоведение», № 8—9, Ашхабад, 1930, стр. 39.

² См. К. Т. Лайпанов. О тюркском элементе в этногенезе осетин. Сб. «Происхождение осетинского народа», Орджоникидзе. 1967, стр. 207—214; там же: А. Дз. Цагаева. Вопросы этногенеза осетин по данным топонимики, стр. 226—233.

ГЛАВА I

К ТОПОНИМИКЕ КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ

В настоящем разделе постараемся раскрыть этимологию тех топонимических названий Карачая и Балкарии, которые до последнего времени пытались объяснить, исходя из осетинского языка, а также некоторых важных топонимов, значения которых непонятны современным носителям карачаево-балкарского языка.

Изучение топонимики Карачая и Балкарии имеет несомненную важность и принципиальное историческое значение для выявления этно-культурной связи карачаевцев и балкарцев с более ранними обитателями Северного Кавказа, ибо „до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга“.¹

Как известно, топонимия упорней многих сфер языка сопротивляется изменениям и является важнейшим источником для исторической лексикологии и этнографии древнего времени. Свидетельства топонимики очень часто помогают реконструировать былое размещение тех или иных племен даже там, где их речь давным-давно умолкла. По образному выражению В. А. Никонова, „подчас географические названия—единственное эхо умолкшего языка; исчезли народы, забыт язык, в прахе мощные сооружения, а хрупкое слово названия оказалось прочней гранита“². Ср. еще высказывание его же о том, что следы исчезнувших границ сохраняются как диалектные не дольше трех столетий, а топонимия, в отличие от живой речи, сохраняет границы более ранние³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч. т.3, 1955, стр. 16. Примечание.

² В. А. Никонов. Вопросы топонимики Востока. Сб. «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 9.

³ Балканско езикознание. III, 2. София. 1961, стр. 14.

Однако, к сожалению, до сих пор в этом отношении почти ничего не сделано и не все сделанное можно принять всерьез, ибо в подавляющем большинстве случаев желаемый смысл топонима был преднамеренно вымучен этимологической попыткой некоторыми исследователями.

В исторической и лингвистической литературе до последнего времени поддерживается мнение о том, что территория нынешних Карачая и Балкарии некогда входила в состав исторической Алании и что территория эта будто бы и поныне пестрит ираноязычными (аланскими) топонимическими названиями¹. Сравните высказывание В. И. Абаева по данному вопросу: „На запад от осетин на Кавказе живут балкарцы и карачаевцы. Осетины по языку являются иранским народом, балкарцы и карачаевцы—тюркскими. На основании топонимических данных установлено, что территория, заселенная ныне балкарцами и карачаевцами, была в прошлом занята предками осетин—аланами“².

То, что в течение более чем тысячи лет предгорья и горы Северного Кавказа (в том числе и территория Карачая и Балкарии) были заселены аланскими племенами, научно доказано и ни у кого в настоящее время сомнений не вызывает. Позволяет вызвать сомнения вторая сторона этого вопроса, а именно: были ли аланские племена верховьев Кубани и территории нынешней Балкарии вообще ираноязычными и действительно ли на данной территории встречаются ираноязычные (осетинские) топонимические названия.

О том, что прав был проф. А. К. Боровков еще в тридцатые годы говоря, что „для нас совершенно не убедительны доводы В. Ф. Миллера и других в том, что географические, например, названия в Карачае и Балкарии—„осетинского“ происхождения“,—мы ниже убедимся на конкретном языковом материале³.

Переходим к этимологии некоторых наиболее значительных топонимических названий Карачая и Балкарии.

¹ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, тт. 1—III. М., 1881—1887; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, М., 1949; Б. А. Калоев. В. Ф. Миллер как этнограф осетинского народа. «Изв. Сев.-Осет. НИИ» т. XXIV, вып. I, 1964, стр. 28—29.

² Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, стр. 115.

³ А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. «Яфетический сборник» вып. VII, Л., 1932, стр. 58.

Изучение топонимики верховьев Кубани и Балкарии может быть успешным только в том случае, если будет привлечен неиспользованный до сих пор языковой материал. В данном случае таким материалом могут служить диалектные данные как современных (живых), так и древних (мертвых) языков тюркской языковой семьи. Не секрет, что во многих случаях только диалектология способна разъяснить этимологию топонима. Сравните высказывание В. А. Никонова по этому вопросу о том, что, например, „русское село *Мошенники* не населяли *мошенники* (слово общерусского литературного языка, значащее „жулики“, „обманщики“), — название образовано от севернорусской основы *мох* „болото“, — диалект сохранил древнее общеславянское значение слова, отразившееся в топониме“¹.

Изложенный подход к изучению топонимики соответствует тем требованиям, которые представляются научным исследованиям диалектическим и историческим материализмом, а именно: „Материя и формы родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы, и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“².

Указанное обстоятельство дает нам возможность сделать еще один важный вывод, а именно: история бесписьменного или младописьменного языка может быть в той или иной мере прослежена и в условиях отсутствия косвенных данных в виде фиксированных памятников, если каждое явление в изучаемом языке рассматривать исторически в связи с аналогичными фактами в близкородственных живых и мертвых письменных языках.

Прежде всего несколько слов о самом топо-этнониме **Къарачай**.

Довольно широко распространено заблуждение, согласно которому топо-этноним **Къарачай** этимологизируется или как „Черная река“ (от общетюркского *къара* „черный“ и *чай* „река“) или же само название **Къарачай** возводится к имени „родоначальника“ — **Къарчи**, под предводительством которого

¹ Балканско езикознание, III, 2, София, 1961, стр. 12.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XIV, стр. 327).

карачаевцы якобы переселились в эту местность¹. В наши дни аналогичную ошибочную точку зрения по этому вопросу разделяет В. А. Никонов в „Кратком топонимическом словаре“ (М., 1966, стр. 178), у которого читаем: „Карачаевцы названы по местности по р. Карачай (из тюрк. *кара* „черная“ и *чай* „вода“)²“.

Следует отметить, что на территории Карачая не было и нет никаких рек под названием *Къарачай*. Более того, карачаевцы и балкарцы для передачи понятий „вода || река“ словом *чай* абсолютно не пользуются, а передают словами *суу* || *къобан* || *черек*.

Нам представляется, что топо-этноним *Къарачай* в действительности имеет не цветное, а производное значение.

В говорах южных и юго-восточных районов Башкирии встречается слово *къарэсэй* в значении „бабушка“ (досл. „старая мать“). Как указывает Х. Г. Юсупов, это слово образовано из *къарт* „старый(ая)“ + *эсэй* „мать“: *къарт + эсэй = къарэсэй* (средний звук т в данной фонетической позиции в ряде тюркских языков выпадает)².

В то же время в говорах восточных и юго-восточных районов Башкирии в значении „бабушка“ употребляется слово *олэсэй* (досл. „большая мать“).

Отметим еще и вот такую особенность башкирской терминологии родства южных и юго-восточных районов в восходящем поколении: термин *олэсэй* в значении „бабушка“ употребляется и здесь, но этим словом называется мать матери, а термином *къарэсэй* — мать отца.

Учитывая то, что карачаево-балкарский и башкирский языки в последней генеалогической классификации тюркских языков отнесены к одной и той же группе в составе западнохунской ветви³, нетрудно догадаться, что *къарачай* является фонетической разновидностью *къарэсэй* с заметно трансформировавшимся значением: *къарэсэй* || *къарачай* („старая мать“ → „место, где родились отцы“ → „родина (предков)“).

¹ «Известия Кавказского отд. РОГ», № 6, Тифлис, 1880, стр. 345. «Яфетический сборник», вып. VII, Л., 1932, стр. 52.

² Х. Г. Юсупов. Термины родства в башкирском языке. Сб. «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 126.

³ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 142.

Надо полагать, что топоним первичен и по нему стали именовать всю местность, а по ней и жителей—карачаевцев. Что же касается звуковых чередований *э—а* и *с—ч* (кьарэ-сэй || кьарачай), то это фонетическое явление является нормой сравнительной грамматики тюркских языков. Сравн., например, тат. *энэ* и азерб., кумык., карач.-балк. *ана* „мать“; узб., уйг., тур. *сач* и карач.-балк., кир., алт., тат. *чач*—„брызгать, сеять“; азерб. *сычан* и карач.-балк. *чычхан* „мышь“ и т. п.

Къобан. Карач.-балк. название Кубани. В лингвистической литературе наших дней гидроним Кубань этимологически связывается с этнонимом *куман*. Так, проф. А. П. Дульзон в статье „Гидронимический ареал *-ман* в южной части Сибири“ пишет: „Тюрками гидронимы на *-ман* были вынесены в Европу, например: *Чулман* (Вятка), *Чулыман* (Кама), *Караман* (приток Волги), *Тюменка* (приток Терека), *Кубань* (из Куман). От названия последней происходит, вероятно, и древнее название половцев (куманы, команы)¹.

Аналогичного мнения по этому вопросу придерживается и К. И. Петров: „Топо-этноним *Куман* (*Кубан*) был известен, как указано, в качестве самоназвания группы кымакских племен, переселившихся в Причерноморье. Принесенный куманами топоним Кубань сохраняется до сих пор на Северном Кавказе“².

Во-первых, в данном случае *-ман*, как самостоятельный топоформант в гидрониме *Куман* || *Кубан* отсутствует, он возможен при неправильном чтении этого слова: *Ку-ман* || *Ку-бан* вместо *Кум-ан* || *Куб-ан*.

Во-вторых, большому числу наиболее древних топонимов верховьев Кубани, Карачая и Балкарии свойственна точная передача геоморфологии, признаков, качеств и свойств географических объектов.

Сам гидроним *Кубань* (карачаево-балкарское название *Къобан* < *Къобхан*, причастие на *-ан*, *-хан* от глагола *къоб* „подниматься, вздуться, разливаться“)³ в этом отношении

¹ Топонимика Востока, М., 1962, стр. 25.

² К. И. Петров. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963, стр. 52.

³ Аналогичного мнения относительно названия р. Кубань придерживается и Л. Г. Гулиева (см. сб. «Топонимика Востока». М., 1969, стр. 140).

не является исключением, и в переводе с карачаево-балкарского языка означает „бурная~вздувающаяся~разливающаяся~полноводная“, что достаточно полно передает свойства этой реки.

Явление **кьобхан** > **кьобан** широко представлено в самом карачаево-балкарском языке. Сравн.: **бургъан** > **боран**, **бичген** > **бичен**, **кебген** > **кебен** > **гебен** и т. п. Гидроним *Кьобан* еще в VI в. н. э. был известен как Кофин. (См. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 136.) Исходя из законов сравнительной фонетики тюркских языков, можно предположить, что Кофин и Кобан являются различными фонетическими вариантами одного и того же слова.

О бурном характере Кубани в свое время, как нельзя лучше, высказался проф. В. И. Абаев, еще в 1933 году посетивший ее верховья: „Доехав до города Микоян-Шахара, мы двинулись оттуда вверх по Кубани и скоро углубились в теснину, которую река в течение долгих геологических эпох прогрызла в Боковом хребте. В этом стремительном, бурном и клокочущем потоке трудно было узнать широкую и величественную реку, какой Кубань становится, выходя на североквказскую равнину“¹.

А вот описание верховьев Кубани в 1841 году штабс-капитаном Петуховым—автором „Статистического описания предгорной полосы между реками Кубанью и Лабой“: „Кубань вытекает из снежной вершины Кавказских гор немного южнее Эльбруса, двумя истоками Уччулан и Хурзук, кои по соединении ниже г. Шулап в карачаевском обществе образуют ее русло, отсель она протекает северным направлением весьма крутым, узким, глубоким и скалистым ущельем, на пути своем до Каменного моста имеет множество порогов и водопадов, от коего вырывается на долину с чрезвычайным стремлением, через весьма узкий проход, образовавшийся природою между гранитными скалами“².

В исторической литературе указывается, что р. Кубань была известна еще Геродоту (V в. до н. э.) под названием *Гиппанис*—„конская“. Под тем же названием древние греки знали и Южный Буг. Один из ведущих советских топонимистов В. А. Никонов связь этого гидронима с греческим „гиппанис“ „конская“ справедливо считает переосмыслением. Вот

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949, стр. 272.

² См. гос. архив. Краснодарского края, Ф. 347, оп. I, ед. хр. 3, л. 5.

что он пишет по этому поводу: „Не исключено, что сообщенные Геродотом (V в. до н. э.) названия рек и народов нашей страны с прозрачными древнегреческими этимологиями (меланхлены „черные одежды“, р. Кубань—Гиппанис „конская“) могли быть не переводами подлинных названий, как полагают, а, напротив, переосмыслениями их по внешне сходным греческим словам. Не объяснит ли это неудач истолкователя Геродота? В таком случае, современная форма гидронима *Кубань*, может быть, ближе к подлинной, чем *Гиппанис*, а не наоборот“¹.

Абсолютно псевдонаучное толкование гидронима *Кубань* встречаем у Г. Ф. Турчанинова, утверждающего, что когда-то (до начала н. э.) эта река называлась „рекой адыгов“².

Вот что пишет известный историк Л. И. Лавров в письме редакции журнала „Советская этнография“ по этому вопросу: „Насколько вольно обращается Г. Ф. Турчанинов с лингвистическими фактами, продемонстрирую двумя примерами. Первый из них относится к объяснению „Антикитос“, одного из древнегреческих названий р. Кубани. Г. Ф. Турчанинов утверждает, что задолго до нашей эры абхазы будто бы обитали на берегах р. Кубани и будто бы называли ее *Адзгыта*. Такое неизвестное в абхазском языке название Г. Ф. Турчанинов реконструировал из абхазского *адзгы*—„быстрая река“ и аффикс *-та*, непонятного абхазам, но, предположительно, означавшее „место“ (подобно *эти*, показателю местности и страны в современном грузинском языке). Позже, по уверению Г. Ф. Турчанинова, на берегах р. Кубани сменили их адыги, переделавшие *Адзгыта* в *Адыге-та*. Последний термин состоит из адыгейского этнического самоназвания и уже известного нам „абхазского“ аффикса *-та*. Из „места быстрой реки“ став „адыгейским местом“, это „адыго-абхазское“ наименование Кубани воспринималось как „река адыгов“ и потом было переделано греками в „Антикитос“. Столь сложную историю образования последнего термина Г. Ф. Турчанинов, к сожалению, ничем не подтвердил, и она осталась голословной декларацией“³.

¹ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 131.

² Г. Ф. Турчанинов. Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 96.

³ Л. И. Лавров. К попытке чтения Майкопской надписи. Журн. «Советская этнография», М., 1967, стр. 204.

Басхан (Бахсан || Баксан)—река в Кабардино-Балкарии. Отсутствие научной этимологии до последнего времени открывало простор ошибочным домыслам: из адыгского *бахе* „пар“ и *сана* „вино“; из имени богатыря кабардинского эпоса и т.п.¹ На самом деле гидроним **Басхан || Бахсан** имеет значение „затопляющая~разливающаяся“ (причастная форма на *-хан* от карачаево-балкарского глагола *бас*—„затопить“) и наиболее полно характеризует свойство этой реки, которая ежегодно в соответствующие времена года, выходя из берегов, затопляет прибрежные низины.

Топонимические названия, выраженные одним словом, представляющим собой причастие на *-хан*, *-гъан*, *-ан* не являются специфической особенностью только карачаево-балкарского языка. Как указывает Г. И. Донидзе², и в других тюркских языках аналогичные отглагольные географические названия имеют широкое распространение. Например: *Ачилман*, река (алт. отриц. причастие на *-ан* от страдательной формы общетюркского глагола *ач*—„открывать“) и т. п.

А метатеза типа *Бахсан—Басхан* является нормой карачаево-балкарского языка. Сравн., например, балк. *ахча*, карач. *ачха* „деньги“; балк. *ахчыч*, карач. *ачхыч* „ключи“; балк. *ахсакъ*, карач. *асхакъ* „хромой“ и т. п.

Здесь уместно отметить и то, что с гидронимами *Къобан* *Басхан* в тесной семантической связи находятся и названия таких смежных с ними рек, как *Уруп || Уруб* „бурная“ (деепричастная форма на *-б* от глагола *ур*—„бить, биться“); *Терек* (<*Терк*) „быстрая—стремительная“ (от карачаево-балкарского прилагательного *терк* „быстрый(ая), стремительный(ая)“³).

Из изложенного видно, что гидронимы *Къобан*, *Басхан*,

¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 40.

² Г. И. Донидзе. Глагольные топонимы в тюркских языках. Сб. «Топонимика Востока», 1964, стр. 40—41.

³ Значение гидронима Терек из карачаево-балкарского *терк* «быстрый», «стремительный» объясняет и М. Фасмер. См. Max Fasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch, III, Heidelberg, 1958. Ср. еще древнетюркское *теркин* «скоро», «быстро» (А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тефсира. М., 1963, стр. 300). Новейший же иностранный топонимический словарь гидроним *Терек* ошибочно этимологизирует как «река турок». См. W. Sturmfels, H. Bischof. Unsere Ortsnamen. Bonn, 1961, стр. 245.

Уруб, Терк образуют своего рода семантический пучок, имеют прозрачную этимологию и ни в какой другой дополнительной конкретизации значений не нуждаются.

И, наконец, отметим, что до последнего времени слово *Къобан* карачаевцами очень часто употребляется и как имя нарицательное в значении вообще „река“. Например, *Дуут къобан* р.—*Дуут, Хурзук къобан*—р. Хурзук и т. п. Аналогичное употребление в речи балкарцев имеет слово *черек*: *Черек*—приток Терека и *черек* употребляется в значении река вообще. Сравн., например, у Кайсына Кулиева:

Чегем череги саркъады энше,
Бизни тюбюбюзде дауур эте.

(К. Кулиев. Изб. соч., т. I, стр. 27).

„Река Чегем (досл. черек Чегем) несетя с шумом под нами“.

Бизни суучукъладан къуралалла *черекле*.

(К. Кулиев. Изб. соч., т. I, стр. 50)

„От наших ручейков (речек) создаются реки“.

Надо полагать, что в древнем карачаево-балкарском языке слова *къобан, черек* употреблялись в значении „горный поток“, „бурная река“ и переход нарицательного в топонимическое собственное название произошло значительно позднее¹.

Нечто аналогичное наблюдается и в русском языке, где слово „река“ в глуби веков значило „бурный поток, стремнина“, и, по Л. Успенскому, этимологически связано со словами „рой, реять, ринуться“².

Минги-Тау—карачаево-балкарское название Эльбруса. Вторая часть этого составного оронима *тау* „гора“—общетюркское слово и встречается в качестве составного компонента в названиях ряда других смежных гор. Например, в районе

¹ Ср. еще у В. И. Филоненко: «Терек — река из ледника, в противоположность — суу — река из родника» (см. «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору», Нальчик, 1962 стр. 138).

² Л. Успенский. Краткий этимологический словарь. Журн. «Наука и жизнь», № 5, М., 1966, стр. 134.

Главного Кавказского хребта и Кавказских Минеральных Вод на Северном Кавказе встречаются следующие названия: *Беш-тау* (пятигорье от общетюркского *беш* „пять“ + *тау* „гора“), *Темир-тау* (*гора железная* от общетюркско-монгольского *темир* „железо“ + *тау* „гора“), *Дых-тау* (<*Тик-тау*) (*гора Крутая* от общетюркского *оых* (<*тик*) „крутой(ая)“ + *тау* „гора“), *Къашха-тау* (*гора Лысая* от общетюркского *къашха* „лысы(ая)“ + *тау* „гора“) и т. п.

Аналогичные составные оронимы с самостоятельным компонентом *тау*—*тив*—*таг*—*даг*—*тоо*—*ту* и т. д. встречаются и на остальной территории расселения тюркских языков. Например, *Темиртау* „гора Железная“—в карагандинской области Казахской ССР, *Къашкытау* „гора Лысая“—в Мечетлинском районе Башкирии и т. д.¹

Что же касается первого составного компонента рассматриваемого оронима—*минги*, то значение его неясно для современного носителя карачаево-балкарского языка. Это обстоятельство до последнего времени открывало полный простор бесконтрольным домыслам относительно этимологии и семантики этого слова. Даже в новейшем „Кратком топонимическом словаре“ карачаево-балкарское название Эльбруса ошибочно объяснено как „тысяча гор“².

Существует и другое толкование этого слова—народная этимология возводит его к глаголу *мин* „восходить“. Несостоятельность и ошибочность подобных толкований значения первого компонента оронима Минги-тау с исчерпывающей полнотой показаны в статье доц. Ш. Х. Акбаева „К вопросу о происхождении названия Минги-Тау“³.

Отметим, что и в этом случае для уточнения семантики этого слова на помощь приходят лексические данные родственных живых и мертвых языков тюркской языковой общности. Так, например, в современном киргизском языке имеется слово *мобнгуь* в значении „горный ледник, вечный снег“⁴. В ойротском языке встречается другая фонетическая разновидность этого слова—*мобнкуь* почти с теми же

¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь, М., 1966, Башкирская лексика. Уфа, 1966, стр. 66.

² В. А. Никонов. Ук. соч., стр. 484.

³ Ш. Х. Акбаев. К вопросу о происхождении названия Минги-Тау. Доклады АН Азерб. ССР, том XX, № 2, Баку, 1964, стр. 75—78.

⁴ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 305.

значениями, что и в киргизском — „вечный, вечный снег, горный ледник“¹. В тувинском же языке слово *моьнге* || *менги* употребляется в значении „ледник“².

Это слово встречается и в других современных тюркских языках (башкирском, уйгурском, хакасском, крымско-татарском, татарском и др.) в более узких значениях — „вечно, вечный“³.

В аналогичном же значении в монгольском языке употребляется слово *моьнх*.

Из мертвых языков оно встречается в языке памятников древнетюркской письменности и в куманском⁴.

Таким образом, слово *менги* > *минги*⁵ в различных фонетических вариантах существовало в древних и существует в современных тюркских языках.

Следовательно, первый компонент этого географического названия *Минги* является определением к *тау* „гора“ и орним *Минги-Тау* означает „вечная ледниковая гора → гора с вечным снегом, с вечными ледниками“, что вполне соответствует главному внешнему признаку этого исполина.

Этимология и второго названия этой высочайшей вершины Европы — *Эльбрус* тоже вполне объяснимо на основе карачаево-балкарского языка, хотя до последнего времени в топонимической литературе его пытаются объяснить то из иранского *Айтибарес* „высокая гора“, то из армянского *Альберис*, связанного с общеиндоевропейским *Альпы* „горы“ или с основой *альб* „белый“ и т. д.⁶ Следует заметить, что и грузинское название *Ялбузи* „грива снега“ является не переосмыслением из тюркского *Ял* „буря“, *буз* „лед“, как это считает В. А. Никонов, а прямым переводом тюркских слов *ял* „грива“ и *буз* „лед“.

¹ Н. А. Баскаков, П. М. Тошак ова. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 111.

² И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 213.

³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, часть 2, СПб, 1911, стр. 2082.

⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 100.

⁵ О закономерности перехода *моьнгу* > *менги* > *минги* в тюркских языках. см. Ш. Х. Акбаев. К вопросу о происхождении названия Монги-Тау. Доклады АН Азерб. т. XX, № 2, Баку.

⁶ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь, М., 1966, стр. 483.

Хотя двуглавый Эльбрус и является потухшим вулканом, покрытым вечными ледниками, его огненное сердце и по сей день время от времени дает о себе знать вулканологам.

Так, в газете «Правда» (9 января 1969 г.) сообщалось, что совсем недавно ученые отметили землетрясение и выход горячих источников на северных склонах Эльбруса, а на восточной вершине обнаружены выходы горячих газов. Все это, по мнению доктора географических наук проф. Г. К. Тушинского, свидетельствует о том, что под ледяной шапкой Эльбруса имеется живой магматический очаг.

Надо полагать, что Эльбрусом эта гора названа в ту эпоху, когда вулкан еще был действующим и своей смертоносной лавой разрушал все окружающее. Вот почему ороним *Эльбрус* этимологизируется как *Эльбуз* (>*Эльбрус*) — «страны разрушитель» (от общетюркского *эл* «страна» и *буз* «разрушать»).
Эльбуз—Эльбуз—Эльбрус—Эльбрус.

Слово *эл* в значении «группа племен, племенной союз, государственное устройство» встречается и в языке памятников древнетюркской письменности VIII в. н. э¹. В современном карачаево-балкарском языке это слово употребляется в значении «селение, народ».

Небезынтересно отметить, что *Эльбрус* под названием *Эльбуз* был известен персоязычному ученому XV в. Шериф-аддин-Йезиди².

Уллу-Кам. Так называются верховье правого притока реки Кубани в Приэльбрусье и ущелье, по которому течет эта река. Первая часть этого гидронима *уллу* «большой (ая)» общетюркское слово. Что же касается второго составного компонента *кам*, то он непонятен для современного карачаевца и балкарца, но опять-таки легко этимологизируется при сравнении с другими родственными языками. Так, на территории Тувы и прилегающей к ней части Алтая, по данным проф. А. П. Дульзона, имеется хорошо отграниченный и довельно плотный ареал гидронимов с компонентом *кем, хем* «река»³.

Названий рек с элементом *кем, хем* в Туве и на Алтае можно насчитать несколько десятков (*Улугхем, Акхем, Каракхем, Башхем, Кызылхем, Аракхем, Байхем, Буйлюгем, Иеды-*

¹ Яфетический сборник, вып. VII, Л., 1932, стр. 50 — 51.

² «Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды», извлечения В. Г. Тизенгаузена, т. II, М., 1941, стр. 181.

³ Топонимика Востока, М., 1964, стр. 11.

зем, Байтыкем, Кемчик, Сайлукем и т. п.). Словом *Кем* || *Кам* называет реку Енисей местное приенисейское население (тувинцы и хакасы) в районе выше устья Ангары.

В топонимической литературе до последнего времени упорно отстаивается точка зрения, согласно которой тюркское *кэм* || *кам* восходит к индоевропейскому источнику. При этом все стараются аргументировать свои положения, подбирая различные высказывания проф. В. И. Абаева по этому вопросу. В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева имеется слово *ком* со значениями: «1) рот, отверстие, пасть; 2) ущелье»¹.

В. И. Абаев слово *кам* считает староосетинской формой якобы из общеиранского *ком* со значениями «пасть, небо, глотка». Аналогичную точку зрения разделяют по данному вопросу Э. М. Мурзаев и проф. А. П. Дульзон. А насколько это доказательно?

Э. М. Мурзаев в своей статье «Центральноазиатские топонимические миниатюры» свою точку зрения доказывает так: «Тувинское *кем, хем* «река». Это слово в тувинском языке, употребляется только в названиях рек. Отсюда можно сделать вывод, что оно не тувинское, а иноязычное, сохранившееся только в топонимике»².

Невольно напрашивается вопрос: а где же должно употребляться слово, обозначающее понятие «река», если не в названиях рек?

Гидронимы на *кам, кэм, хэм, гэм* не могут быть иранскими (а тем более староосетинскими, как считает проф. В. И. Абаев) по своему происхождению, так как они встречаются и в таких местах, где никогда не были ираноязычные племена.

По свидетельству проф. А. П. Дульзона, еще в 60-х годах XIX столетия А. Кастрен, а вслед за ним и В. Томашек, слово *ком* сближали с пермским *кам* «река», известным и некоторым другим финно-угорским языкам (например, удмурдскому) и в наличии этого термина видели одно из важнейших доказательств саянского происхождения угро-финнов³.

В наши дни аналогичную мысль поддерживает составитель

¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958, стр. 598.

² Э. М. Мурзаев. Центральноазиатские топонимические миниатюры. «Топонимика Востока», М., 1964, стр. 4.

³ Сб. «Топонимика Востока», М., 1964, стр. 14.

«Краткого топонимического словаря» В. А. Никонов, у которого название реки Кама, левого притока Волги, — связывается с удмурдским *кам* «река»¹.

Сам же проф. А. П. Дульзон придерживается противоположной точки зрения, предполагая, что слово *кэм*, *кам* восходит к индоевропейскому источнику. Основанием для подобного предположения, как считает А. П. Дульзон, служит то, что в германских языках это слово встречается в названиях рек (ср. нем. *Kembach* (Баден), *Kem-Bach* (Майн), англ. *Cam* в названиях ряда рек)².

Составители «Словаря местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевы интересующий нас термин сопоставляют с компонентом *кем* в названиях некоторых рек Азии, например: *Раскем-дарья* и имевшем в древнеиндийском языке будто бы значение «вода»³. Однако в словарях древнеиндийского языка такое слово не приводится, не встречается это слово и в текстах, и поэтому правы те исследователи, которые подобные утверждения считают несостоятельными⁴.

В современном карачаево-балкарском языке слово *кам* в значении «река, вода» встречаются не только в названиях рек: *Уллу-кам* «большая река» (от карач.-балк. *уллу* «большой (ая)» + *кам* «река»), *Сай-кам* «мелководная река» (от карач.-балк. *сай* «мелкий (ая), мелководный (ая)» + *кам* «река»), *Мысты-кам* «соленоватая || кислотатая вода || река» (от карач.-балк. *мысты* «кислый (ая), соленоватый (ая)» + *кам* «вода, река», но и в таком термине, как *айрымкан* || *айрыкам* «окруженная водой (земля) — остров».

В пользу тюркского же происхождения слова *кам*, *кэм*, *хэм* говорит и то, что, согласно азиатским и арабо-первоязычным источникам, у енисейских кыргызов IX—X веков основным культом был культ воды, а жрец именовался *Кам*⁵.

Слово *кам* в значении «вода, река» встречается на кетском

¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966. стр. 170.

² А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. Сб. «Топонимика Востока», М., 1964, стр. 15.

³ Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 108.

⁴ M. Maunhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. 1. Heidelberg, 1956, стр. 159.

⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. I, стр. 350.

языке и заимствовано у тюркоязычного населения Енисея (древнетюркское название этой реки *Кам*).

Академик Б. Я. Владимирцов в своей работе «Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском» указывал, что верховье Енисея было известно тюркоязычным племенам под названием *Кам* (*Кэм*) еще в VI—VIII вв. и сопоставлял это слово с монгольским письменным *кэм* и халхаским *хэм-кхэм*¹.

Как указывает Гардизи, духи реки являлись главным объектом поклонения также у кымакских племен. Главным божеством были духи р. Иртыша. «Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река — бог кимаков», — сообщает Гардизи. Здесь же он описывает интересную деталь об омовении в Иртыше жены предводителя кимаков, что представляло собою символический акт общения (оплодотворения) духом воды².

После всего изложенного, считаем возможным отнести слово *кам* || *кэм* || *хэм* к образованиям урало-алтайской языковой общности, когда финно-угорские языки были еще слабо разобщены с языками алтайскими. Более поздняя же дифференциация алтайских языков, как известно, дала две крупные группы современных языков: тунгусо-маньчжурскую и тюрко-монгольскую³.

Слово *кам* || *ккам* встречается и в лезгинской микропонимике в значениях «овраг, балка, ущелье» и, вероятно, является переосмыслением тюркского *кам* «река» (см. Лезгинско-русский словарь, М., 1966, стр. 419.).

Хурзук — название древнего карачаевского аула в Приэльбрусье, расположенного на берегу правого притока р. Кубани. Этот аул, как и другие древнейшие карачаевские поселения Учкулан и Къарт-Джурт, основан не позднее XIV—XV вв.⁴.

В работе проф. В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» относительно этимологии названия этого аула сказано

¹ Доклады АН СССР, Л., 1929, № 10, стр. 171.

² Гардизи. Украшение известий. «Зап. АН», серия VIII. т. I, № 4, СПб, 1897, стр. 82 — 83 и 105 — 106.

³ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960; Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 45.

⁴ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, Черкесск, 1963, стр. 42 — 44.

следующее: «Хурзук — название осетинское и значит «каменистая впадина». И тут же в подтверждение своих слов он пишет: «Местоположение аула в ущелье *Уллу-кам* соответствовало этому названию. Камней здесь больше чем достаточно».¹

Приходится с сожалением отметить, что подобная этимология названия одного из самых древних мест поселения карачаевцев является произвольным домыслом. Ведь автор писал, что аул Хурзук произвел на него впечатление архаичностью своих построек. «Наряду с каменными встречались сабли большой древности, сколоченные из таких толстых бревен, что мы диву давались: где же тот лес, где были срублены эти гиганты?» — читаем у В. И. Абаева.²

Само собой очевидно, что объяснение этимологии названия в данном случае, в первую очередь, нужно искать на основе языка строителей и жителей древнего Хурзука, а не на почве осетинской речи, которая никогда прежде не бытовала в верховьях Кубани.

Вызывает удивление, с какой предубежденностью подходил к разрешению этого вопроса В. И. Абаев. «Из трудов Вс. Миллера, побывавшего когда-то в тех же местах, куда мы направились, я знал, что многие названия местностей этого района носят явно осетинский характер», — писал В. И. Абаев в статье «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черека» и, вслед за Вс. Миллером, ошибочно полагал, что ущелья Черека, Чегема, Баксана и Верхней Кубани были когда-то населены осетинами.³

Говорить о якобы пребывании осетин в верховьях Баксана и Кубани в древности нет никаких оснований, и это одна из немаловажных причин нашего критического отношения к стремлению этимологизировать на основе осетинского языка топонимику этих мест Вс. Миллером и В. И. Абаевым.

Топоним *Хурзук* есть, не что иное, как незначительно трансформировавшееся *Хузурук* «хвост», в результате дистактной метатезы ($з-р > р-з$) и выпадения безударного вокального звука *у* по следующей схеме:⁴

Хузурук → *Хурузук* → *Хурзук* || *Хурзук*.

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 272.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Дистактная метатеза типа $р-с > с-р$ имеет место и в азербайджанском языке. См. М. Ш. Ширялиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1962, стр. 123.

В современном карачаево-балкарском языке это слово в том же значении встречается в несколько иной фонетической огласовке *къуйрукъ*. В других родственных языках оно имеет следующие фонетические параллели: в хак. *хузурук*, в шор. *кузрук*, в тув. *кудурук*, як. *кутурук*, в чув. *хуьре*, орхонском *кудрук*, кир., алт. *куйрук*, каз., к.-калп., узб., и др. *куйрык* и т. п. Ср. еще письмен. монг. *худургга* «подхвостник».

Из приведенных примеров видно, что наиболее близкие фонетические разновидности топонима *Хурзук* в значении «хвост» встречаются в хакасском, шорском, тувинском и якутском языках, т. е. в языках наиболее территориально отдаленных от карачаево-балкарского. На эту особенность лексических параллелей названных языков в свое время впервые обратили внимание проф. Н. К. Дмитриев и Р. Г. Исхаков. Так, в «Вопросах изучения хакасского языка и его диалектов» по этому поводу сказано: «При сравнении современного хакасского литературного языка с другими тюркскими языками мы наблюдаем в нем по одним фактам и явлениям полную аналогию с такими же фактами и явлениями в одних тюркских языках, по другим — в других, по третьим — в третьих. Таким образом, лингвистическую связь хакасский язык имеет почти со всеми тюркскими языками. Но указать на какой-либо один или на группу тюркских языков, которые в лингвистическом отношении были бы настолько близки к хакасскому языку, как, например, башкирский к татарскому, каракалпакский к казахскому, туркменский к азербайджанскому — довольно трудно.

Даже шорский, самый близкий в этом отношении к нему язык, имеет гораздо больше принципиальных с ним расхождений, чем эти перечисленные языки между собой. В то же время в хакасском (также в шорском и якутском) мы иногда неожиданно встречаемся с такими словами, которые обычно употребляются в наиболее далеких от него языках.

Например, ножницы почти во всех тюркских языках называются словом *кайчы*, в соответствующих для того или иного языка фонетических вариантах этого слова. В турецком языке ножницы называются *макас*, в карачаевском — *къыпты*. И вдруг мы встречаемся *хылты* в хакасском, *кыпты* в шорском и *кылтый* в якутском. Какая могла быть общность между карачаевским и этими сибирскими языками — непонятно».¹

¹ Проф. Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его значение. Абакан, 1954, стр. 22 — 23.

Сравните еще *кыпты* «ножницы» в караимском языке (см. К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка, М., 1964, стр. 126).

В заключение заметим, что аул Хурзук расположен на берегу реки Хурзук — правого истока р. Кубани, своей извилистостью напоминающей хвост животного и название, очевидно, было дано по признаку уподобления. Аналогичный перенос анатомио-биологического термина — явление характерное как для самого карачаево-балкарского языка, так и для остальных родственных языков. Сравн., например, карачаево-балкарское *аууз* «рот» одновременно «ушелье», *кзулакъ* «ухо» одновременно — «балка», *сырт* «спина» одновременно — «плоская степная возвышенность»; азербайджанское *агъыз* «рот» одновременно — «проход», монгольское *ам* «рот» одновременно — «горная долина» и т. п.

Или же возьмем слово *кзол* в его соответствующих для того или иного тюркского языка фонетических вариантах. В карачаево-балкарском языке *кзол* «рука» одновременно — «пологая долина, длинная балка»; и в названиях рек: *Чири-кзол*, *Гаралы-кзол* (притоки р. *Уллу-Кам*), *Кичкине-кзол*, *Аман-кзол* (притоки р. *Кзобан*); в киргизском *кол* «рука» и в названиях рек: *Каракол*, *Нарынкол* и т. п. Примером же образного географического названия, данного по признаку уподобления, может служить ороним *Аю-даг* (Медведь-гора) — на южном берегу Крыма, очертания которой напоминают медведя, припавшего к морю напиться.

Хурла кёл — озеро в верховьях бассейна Кубани. Значение первого составного компонента этого гидронима «Хурла» для современного носителя карачаево-балкарского языка неясно, но он легко этимологизируется при сравнении с лексическими данными других тюркских языков. Так, это слово до настоящего времени сохранилось в современном чувашском языке в значении «печальный (ая), грустный(ая), горестный(ая)»¹.

Таким образом, выходит, что *Хурла кёл* означает «Печальное озеро». Могут спросить: а есть ли на то основания? Оказывается, есть. «Это озеро в представлении народа связано с необычайно поэтической легендой, повествующей о бедном чабане Аймуше, все силы, вся любовь, все мысли которого бы-

¹ Чувашско-русский словарь, М., 1961, стр. 510.

ли отданы овцам», — пишет литературовед А. И. Караева по этому вопросу.¹

Согласно этой легенде, в давние времена на берегу этого озера пас своих овец чабан по имени Аймуш. В один из дней Аймуш спускается в аул, чтобы сменить белье, оставив стеречь своих овец младшему брату по имени Магул, и предупреждает его, чтобы он ни в коем случае не отвечал на лай сторожевых собак, при появлении из озера белого барана с золотыми рогами. Но забывчив Магул. Однажды ночью от грубого окрика его белый красавец баран с золотыми рогами прыгает обратно в озеро, а за ним — и овцы Аймуша. Услышав эту печальную весть, Аймуш возвращается к берегу озера и после долгих раздумий бросается в нее вслед за своими овцами. Существует поверье, будто бы Аймуш со своей отарой продолжает жить на дне этого озера и по сей день, и что веснами на волнах Хурла кёла появляются белые хлопья (это линияет под водой отара Аймуша!).

Вот, оказывается, почему озеро это названо народом «Озером печали» (Хурла кёл)².

О том, насколько популярна в народе эта легенда говорит то, что этой теме посвятили свои лучшие произведения такие замечательные поэты, как М. Урусов³ и У. Б. Алиев⁴.

Махар. Так называются горы и местность, откуда берет свое начало левый приток Кубани. Значение слова неясно для современного карачаевца или балкарца. Допустимо сближение с халха-монгольским *мухар* «тупик, конец». В Бурятии и Монголии многочисленны тупиковые пади, долины, овраги, также носят название — *Мухор, Мухар*⁵. Возможно, что это слово относится к общетюркско-монгольскому пласту лексики и сохранилось в топонимике. В пользу данного предположения говорит

¹ А. И. Караева. Очерки истории карачаевской литературы, М., 1966, стр. 154.

² Здесь небезынтересно отметить то, что одного из царей камских булгар звали Алмуш (см. А. П. Ковалевский. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 16). Учитывая то, что ближайшее родство чувашского языка с языком камских булгар не подлежит никакому сомнению, можно смело считать слова Хурла, Аймуш в составе лексики карачаево-балкарского языка болгаризмами.

³ Орусланы Магомет, Назмула, Черкесск, 1963, стр. 23 — 31.

⁴ Алийланы Умар. Аймуш (таурух), Черкесск, 1966.

⁵ Э. М. Мурзаев. Монгольские топонимы Курдистана. Сб. «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 213.

и то, что в «Словаре» Э. и В. Мурзаевых фонетические параллели этого слова даны с пометкой как общетюркско-монгольские¹.

Худес — название одного из больших притоков р. Кубани и ущелья, по которому течет эта река. Топогидроним на основе современного карачаево-балкарского языка не этимологизируется. Не встречается это слово и в лексике остальных тюркских языков. Возможно сближение с современным монгольским *хүдэр* в значении «руда»².

Соответствия *p — z(c)*, т. е. *хүдэр-хүдэз-хүдэс*, являются закономерными в языках тюркских и монгольских (явление ротацизма). Вероятно название дано по цветному признаку, так как цвет воды и прибрежной почвы с давних пор свидетельствовали о близком нахождении какого-то цветного рудоносного пласта. И, действительно, в этом районе уже в наши дни обнаружены богатейшие запасы медной руды неглубокого залегания и сурьки.

О том, как важно для многих отраслей науки и практики изучение топонимики, говорит следующий аналогичный факт. Еще в XVII в. академик Г. Ф. Миллер по топонимическим данным выдвинул гипотезу о наличии золота на Алтае. В своей «Истории Сибири» по этому вопросу он писал: «Подобную загадку, основал я тогда на имени Алтайских гор, потому что *Алтай* на мунгальском и калмыцком языках значит *золото*, из чего заключил я — в этих горах должно быть золото, которая моя загадка после того при Кольванских Воскресенских заводах и подтвердилась»³.

И в данном случае можно предположить, что топонимом *Худес (Худер)* относится к эпохе тюркско-монгольской языковой общности, сохранившийся как реликт только в топонимике.

Полагаем, что к перечисленным образованиям тюркско-монгольской языковой общности можно отнести и топоним *Гудам* — название горного прохода и местности в бассейне р. Теберда.

Основанием для подобного предположения служит то, что это слово в современном карачаево-балкарском языке встречается только в значении географического термина, а в монгольском же языке это слово в несколько иной фонетической огласовке *гудам* употребляется в значении «проход, коридор»⁴.

¹ Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. Географиздат. М., 1959, стр. 151.

² Монгольско-русский словарь. М., 1957, стр. 572.

³ Топонимика Востока, М., 1962, стр. 11.

⁴ Монгольско-русский словарь. М., 1957, стр. 124.

Следует заметить, что как переход губного вокального звука в негубной, так и переход заднего в передний явление широко распространенное в диалектах как карачаево-балкарского языка, так и других тюркских языков. В данном конкретном случае переход губного звука заднего ряда в негубной звук переднего ряда произошел следующим образом:

гудам → *гыдам* → *гидам*

Переход *y* — *ы* является живым в диалектах карачаево-балкарского языка и происходит не только в положении после негубных согласных, но также и после губных, тогда как в этом положении следовало бы ожидать не разгубления губных гласных, а скорее огубления негубных. Пример: *бусагъат* — *бысагъат* «сейчас», *харбуз* — *харбыз* «арбуз» и т. п. Что же касается перехода *ы* — *и*, то он в большинстве случаев совершается в начальном слоге слова. Например: *чырай* — *чирай* «вид, физиономия», *джылан* — *джилан* «змея», *бышлакъ* — *бишлакъ* «сыр, творог» и т. п.¹

И, наконец, как справедливо заметил С. М. Хайдаков, «огромное большинство топонимических названий, как правило, относится к пассивному словарному запасу говорящего, и их внешняя, т. е. звуковая, форма порывает с течением времени связь со своей внутренней формой. Эта особенность топонимических названий ярко бросается в глаза при переходе их из языка в язык, где внутренняя форма полностью десемантирована»².

Теберди — название местности, курорта и левого притока р. Кубани. Этимология этого слова вызывает различные толки у специалистов и неспециалистов. Одни сближают с черкесским словом со значением «холмистая местность»³, другие считают, что слово Теберди образовано из словосочетания *Тейриберди* (от карач.-балк. *тейри* «бог» и *берди* «дал»)⁴. И та и другая этимология неубедительны. Не убедительны и этимологии, одновременно предложенные Г. Зардалишвили: из этнонима аб-

¹ Подробно об этом фонетическом явлении см. Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения) Черкесск, 1963, стр. 28 — 41.

² С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 92.

³ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь, М., 1966, стр. 412.

⁴ Газ. «Ленини байрагы», 7 февраля 1965 и 3 декабря 1968.

хазского племени *цебельда*, якобы обитавшего в этой местности в XIX в. или из грузинского *тба* «озеро»¹.

Вероятнее всего этимология, предложенная В. М. Сысоевым, из карачаево-балкарского *теберди* «вытолкнул», в смысле «выселок»². Нужно полагать, что топоним первичен и по нему стали именовать приток Кубани и курорт.

Очень часто параллельно с топонимом Теберди в качестве названия той же местности карачаевцами употребляется словосочетание *Шам Теберди*. В виду того, что значение первого составного компонента «*шам*» неясен для современного носителя карачаево-балкарского языка, некоторые сближают его с арабским *Шамсун* (солнце) и переводят как «Солнечная Теберда». Против такого толкования слова «*шам*» приходится возражать, ибо совершенно невероятно, чтобы вместо общетюркского слова *кюн* (солнце), которое существует в языке, употреблялось иноязычное *шамсун*, которого нет в языке. Вероятнее всего сближение этого слова с азербайджанским и турецким *шам* со значением «сосна»³, а то, что ущелье Теберди славится своими соснами, широко известно.

Джингирик — название местности и населенного пункта на левом берегу р. Теберда недалеко от гор. Карачаевска. Название дано по признаку употребления из карачаево-балкарского (диалектного) *джингирик* «локоть»⁴.

Балкарцами иногда слова *джингирик* || *жингирик* употребляются и в значении «крутой поворот, излучина». Ср. стихотворение известного балкарского поэта К. Кулиева «Ингирикде тау жол жингиригинде» В вечерних сумерках у излучины горной тропы (См. К. Кулиев. Избранное, т. I, Нальчик, 1958, стр. 359).

Архыз — название древнейшего места поселения карачаевцев у истока Зеленчука. Ущелье Большого Зеленчука, в том числе и Архыз, по мнению археолога Е. П. Алексеевой входило в зону формирования и раннего расселения карачаевцев (до XIV в.)⁵.

¹ Журн. «Известия Всесоюзного географического общества СССР» Л., 1952, № 3, стр. 311—312.

² В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXIII, Тифлис, 1913, стр. 131.

³ Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1962, стр. 237; Русско-турецкий словарь, М., 1964, стр. 276.

⁴ Русско-карачаево-балкарский словарь, М., 1965, стр. 258.

⁵ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 44—45.

Проф. У. Б. Алиев склонен это слово этимологизировать, как: *аргъы* + *ыз* → *аргъыз* → *архыз* (из карачаево-балкарского *аргъы* «дальняя, крайняя», и *ыз* «межа, граница»).

Не оспаривая возможности подобной этимологии, считаем допустимым и несколько иное толкование значения этого слова.

В карачаево-балкарском языке имеется слово *ырхыз* со значением «зародыш». Не является ли *архыз* фонетической разновидностью слова *ырхыз* в значении «зародыш → место, где родились → древнее местожительство»¹.

О том, что термины *архыз* и *ырхыз* синонимичные дублиеты и употреблялись в вышеуказанном значении, свидетельствует и следующее предание:

«Къарачайлыланы бир джартысы чынг алгъа Гитче Лабаны бойнунда Эндурукъда джашагъанды. Анда сабий табылмай кѣб тургъандыла. Андан башха джерге келгендиле; анда, сабий кѣб тууб, халкъ ёсгенди. «Архызландыкъ», — деб джашагъан джерлерине Архыз атагъандыла. Архызландыкъ, неда ырхыз-лапдыкъ деген да бир сѣздю».

«Часть карачаевцев сначала жила на берегу М. Лабы в местности Эндурук. Там у них долгое время не было детей. Тогда они переселились в другое место, где у них появилось много детей. Народ стал количественно увеличиваться. «Мы расплодились», — сказали они и назвали место поселения Архыз. Архыз и ырхыз одно и то же слово»².

С фонетической точки зрения предложение вполне оправдывается, ибо соответствие звуков *а—ы* в любой позиции корневых слов явление не единичное как в самом карачаево-балкарском языке, так и в остальных тюркских языках. Например: карач.-балк. *амма—ынна* «старуха», ср. еще карач.-им. *инна* «бабушка»; *таякъ — тыякъ* «палка», *хар — хыр*, «занавес», *джаякъ—зыякъ* «щека» и т. п. Или же:

карачаево-балкарское

алтын

алмаш

азгъын

ары

чувашское³

ылтан золото

ылмаш чередование

ырхан худой, тощий

ыр уставать

¹ Ср. еще башк. *ыру* «племя или крупный род» (см. Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII в. Сб. «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 65).

² Записано доц. М. А. Хабичевым в 1966 г. в ауле Красный Октябрь от Хамзата Джанкёзова, 104 года от роду.

³ Чувашко-русский словарь. М., 1961, стр. 573—574.

Аналогичное соответствие имеет место и в ойротском языке. Например: карач.-балк. *ангырчакъ*, ойрот. *ынгырчакъ* «вьючное седло»¹.

Приведем еще несколько примеров из языка татар Западной Сибири: *ыгъу—агу* «течь», *ыкъ—агым* «течение»².

Оправдывается данное предположение и согласно народным преданиям, в котором повествуется о том, что карачаевцы в очень давние времена жили в Архызе. Как сообщает Е. П. Алексеева, в Архызе имеются археологические памятники, которые народная молва связывает с карачаевцами. Так, развалины «Старое жилище» в районе Архыза карачаевцы считают остатками карачаевского аула, где, согласно преданиям, раньше находили каменные плиты, на которых были выцарапаны тамги всех карачаевских родоначальников.³

Более того, один из холмов, на котором находятся развалины башни, и по сей день носит название *Къарча-Тебе* «холм Карчи» — главного предводителя карачаевцев согласно фольклору.

Такие топонимы как *Къарачай* в значении «родина предков», *Архыз* (<*Ырхыз*)—«древнее местожительство», *Къарт-Джурт* — «старое местожительство», *Эл-Джурту* — «местожительство племени, народа», *Хун-Джурту*—«местожительство хунов || гунов, *Бабугаент* (<*Бабагент*<*Бабакент*). «Селение дедов, жилище предков» в Карачае и Балкарии имеют общую смысловую соотнесенность и образуют единый семантический пучок.

Адиюх. Старинная крепостная башня кирпичной кладки на возвышенности между Кубанью и Зеленчуком. Объяснения различны: из кабардино-черкесского *адэ Иуэху* «дела предков (отцов)»⁴ или также из кабардино-черкесского *Адиюху* — имя женщины (букв. «рука белая», «белорукая»), которая ночью освещает путь своему мужу светом, излучаемым ее рукой⁵. Оба объяснения сомнительны.

¹ Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 188.

² Д. Г. Тумашева. Язык западносибирских татар, Казань. 1961, стр. 230 (на татарском языке).

³ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 44 — 45.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик. 1947, стр. 26.

⁵ Дж. Н. Коков. Кабардинские географические названия, Нальчик, 1966, стр. 134.

Нам кажется, что *Адиюх* представляет собой почти без изменения тюркское *ады йох* || *йух* (>*адиюх*) от тюркского *ады* (*аты*) «имя» и *йох* || *йух* || *юх* «нет» букв. «безымянная» и ни в какой другой этимологизации не нуждается.

Загъзан. В примечании к разделу «Топонимика» в статье «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черека» В. И. Абаев писал: «Не надо думать, что область верховьев Кубани является крайним западным пределом распространения осетинской (аланской) топонимики на Северном Кавказе. Хотя мы лично не производили обследования, но на существующих картах и по литературным данным осетинские названия прослеживаются на запад по левым притокам Кубани (Зеленчуку, Лабе и др.) почти до самого моря»¹. В подтверждение сказанного в качестве одного из примеров приводится слово *Загедан*, *Заган* — название местности, села, ущелья и одного из притоков Лабы, которое им этимологизируется из осетинского языка как «оленья река».

Тут опять-таки налицо прежняя искаженная тенденциозность суждений проф. В. И. Абаева. Как уже отмечалось выше, в свое время Вс. Миллер и М. Ковалевский не только топонимику Карачая и Балкарии считали иранской, но и самих карачаевцев и балкарцев называли «отатарившимися осетинами»². Ради справедливости следует отметить, что В. И. Абаев в свое время отнесся весьма критически к подобного рода голословным заявлениям.

«Следуя методу Миллера—Ковалевского,—писал В. И. Абаев по этому поводу,— не представило бы особого труда доказать, что ни у кого другого, как у осетин эти несчастные балкарцы научились кушать хлеб, ходить на ногах и рожать детей»³.

Представляется возможным *загъзан* считать карачаево-балкарским диалектным сложным образованием из двух самостоятельных слов: *закъ* «защищенный(ая)» и *зан* «сторона»: *закъ + зан > загъзан* (*загзан*) «защищенная сторона».

Ведь на самом деле название местности, реки и ущелья не *Загедан*, как это занесено на современные карты, а *Загзан*

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 235.

² В. И. Абаев. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. Журн. «Язык и мышление». №1, Л., 1933, стр. 275.

³ В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 173.

(так оно значится в письменных источниках и картах XIX в.).

Общезвестно, что черекский или балкарский диалект карачаево-балкарского языка является зокающим и литературному *дж* систематически соответствует переднеязычный фрикативный свистящий звонкий *з*:

закъ + зан > загъзан || джакъджан.

Лаба. Гидроним непонятен носителям современного карачаево-балкарского языка, но сравнительно легко этимологизируется при сравнении с лексикой родственных тюркских языков. Так, в якутском языке слово *лаба* означает «ветвь, исток реки»¹. В чувашском языке слово *лапа* употребляется в значении «лощина, ложбина, низина»².

Якутский и чувашский языки по мнению большинства тюркологов считаются наиболее близкими к древнейшим тюркским языкам³ и название это, видимо, восходит к древнетюркско-аланскому и древнебулгарскому языкам. Как известно, граница средневековой Алании проходила по р. Лабе.

Здесь уместно отметить то, что многие авторы, писавшие о Карачае и Балкарии, выражали свое удивление тем, что карачаево-балкарский язык сохранился «в чистоте», как один из древних тюркских языков. (См. сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 11, 12, 21, 32, 95, 251). На эту же особенность карачаево-балкарского языка в свое время обратил внимание проф. А. К. Боровков. «Все более становится ясным то обстоятельство, — писал А. К. Боровков, — что карачаево-балкарский язык — «мал золотник, да дорог», с точки зрения методологии изучения языка, в первую очередь, языков тюркской системы». В той же своей работе автор пришел к выводу о том, что «балкарско-карачаевский язык, бесписьменный в прошлом, «древнее» с точки зрения типологии, древнеписьменных мертвых языков тюркской системы, о которых сохранились памятники письма; изучение карачаево-балкарского языка является во многих случаях ключом для исследования древнеписьменных языков»⁴.

¹ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, II, вып. 5—9, 1959, стр. 1457.

² Чувашско-русский словарь. М., 1961, стр. 190.

³ Подробно об этом см. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 6 (раздел «Древние и новые тюркские языки»).

⁴ А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. Яфетический сборник, VII, 1932, стр. 39, 50.

Нарсана. Карач.-балк. название Кисловодска, ср. еще каб.-чер. *Нарцанэ (Нарцана)*.

В лингвистической литературе это слово отдельными исследователями ошибочно этимологизируется «нартский (богатырский) напиток» из общекавказ. *нарт* «сказочный богатырь, герой эпоса» и адыг. *санэ* «вино» и что сочетание «нарт-санэ» будто бы в русский язык вошло в форме «нарзан»¹.

Во-первых, слово *нарзан* || *нарсан* в форме *аршаан* «целебный (или минеральный) источник» бытует в монгольском и бурятском языках². К. Черемисов в статье «О ранних заимствованиях в бурятском языке» это слово считает заимствованным из санскрита³.

Во-вторых, насколько известно, *нарзан* не «напиток мифического богатыря» или богатыря вообще, а целебный углекислый источник, исцеляющий человека от определенного недуга.

Топоним *Нарсана* образовано из *нарзан* || *нарсан* || *наршан* (<*аршаан*) «целебный или минеральный источник» + общетюрк. *ана* «мать»:

Нарсан + *ана* > *нарсанана* > *нарсана*, где в результате гаплологии один из одинаково произносимых слогов *-ан* выпал.

Таким образом, *Нарсана*—«мать целебных или минеральных источников» «место, богатое нарзанами», что вполне соответствует действительному положению вещей⁴.

Эссенуки. Карач.-балк. форма *Эсентуьк (Есентуьк)*. Относительно этимологии этого слова существуют самые различные высказывания, доходящие до диаметральной противоположности.

К. Ф. Ган объяснил топоним из черкесского *есен* «привыкать» и *туку* «угол». *Есентуку* «пристанище»⁵.

¹ Дж. Н. Кокков. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966, стр. 144-145.

² Монгольско-русский словарь, М., 1957, стр. 45. Ср. еще пример из карач.-балк. яз. на наращение назального н: алмаз-налмаз.

³ З. К. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке. Журн. «Свет над Байкалом», Улан-Удэ, 1956, стр. 146.

⁴ Ср. еще *Нартана* «Нарта (нартов) мать» (из *нарт* «богатырь» + *ана* «мать»—гора в 5 км от Нальчика. На гору указывают как на место древних ристалищ. Согласно фольклорным данным, здесь похоронена мать семи братьев-нартов. (См. Дж. Н. Кокков. Ук. соч., стр. 79).

⁵ Ган. К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 40. Тифлис, 1909, стр. 59.

В наши дни Дж. Н. Коков название Эссентуки считает сочетанием имени собственного со словом, которое имело значение «место» (Есан) «место (жилище)»¹.

Есть и другое толкование слова «есентуки», связанное с одной из легенд, рассказанной Измаил-беком Атажукиным Ф. П. Гаазу². Содержание этой легенды сводится к следующему: когда-то близ этих мест находилась неприступная крепость, которой владела красавица по имени Стан. Вождь соседнего племени Бург овладевает крепостью и женится на ней. У супругов родился сын. Однако мальчик был настолько слаб, что даже волосы не росли у него на голове. Никакие молитвы, лечения и заклинания не помогли мальчику. Только случайно примененная вода из источников принесла мальчику исцеление. Мать, увидев голову сына, исцелившуюся от этой воды, будто закричала (по-карачаевски): «Есен-туьк» — «живой, здоровый волос» (от карач.-балк., ног. *эсен* «здоровый, живой» и общетюрк. *туьк* «волосы»). Поэтому этот исцелительный источник, согласно легенде, и назван *Есетук(и)*³.

Это название, на наш взгляд, является ничем иным, как фонетической разновидностью карач.-балк. *эсенлик*, ног. *эсендик* «здоровье» (от *эсен* || *эсен* «здоровый» + словообразовательный аффикс-лик || *дик*).

Аффикс -лик (его соответствия в других тюркских языках -дик, -дыкъ-тик, -туьк и т. п.) в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, от прилагательных образует имена существительные, обозначающие соответствующие исходной основе отвлеченные понятия, например: *ариу* «красивый» — *ариу+лукъ* > *ариулукъ* «красота», *аман* «плохой» — *аман+лыкъ* > *аманлыкъ* «подлость», *туьз* «прямой», «справедливый» — *туьз+лукъ* > *туьзлукъ* «справедливость».

Гидроним первичен, а по нему назван и курорт. Сооруженный на месте Эссентуков военный редут до 1798 г. назывался Боргустан⁴.

О том, что название это (до основания Эссентукской станицы) принадлежало речке, подтверждает и историк Л. А. Смор-

¹ Дж. Н. Коков. Ук. соч., стр. 138.

² Ф. П. Гааз (1780—1853) в 1809 и 1810 годах подробно исследовал и дал полное описание Кавказских минеральных вод.

³ Л. А. Сморкалов. Эссентуки. Историко-экономический очерк (1798—1958 гг.), Нальчик, 1961, стр. 11.

⁴ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь, М., 1966, стр. 138.

калов, у которого читаем: «В 1798 году здесь на возвышенности. при выходе долины на степной простор в одном километре от устья р. Эссентук на правом ее берегу был заложен военный редут... По имени этой речки редут получил название Эссентукского»¹.

Жицу — речка, правый приток Подкумка. Название является результатом русской адаптации карач.-балк. *Жылы суу* || *Джылы суу* «Теплая вода». В пользу такой трактовки гидронима говорит и наличие поблизости горячих источников Пятигорска.

Мнение о том, что гидроним происходит от каб.-черк. *Тжуца* «Старая уца», то есть древнее место проведения праздника *уча* || *уца* «туша» (ритуал перед отгоном скота на пастбище)². Дж. Н. Коков считает неприемлемым и натянутым, так как подобный тип словообразования не характерен для кабардинской топонимики³.

Жилансу — речка родникового питания. Из карач.-балк. *джылан* || *жылан* «знамя» и *суу* «речка — змейка» или «Змеиная речка». Впадает она в р. Баксан.

Исси суу «Вода горячая» карач.-балк. название Пятигорска (по наличию у подошвы Машука теплых и горячих источников)⁴.

По этому же признаку здесь возникло русское название «Горячие воды» (Горячеводск), которое в настоящее время сохраняется за станицей на правом берегу Подкумка.

Несколько слов относительно этимологии слова *Нальчик* (карач.-балк. *Налчыкъ*, каб.-черк. *Налшык* || *Налшыч*) — названия столицы Кабардино-Балкарской АССР, а также речки, на левом берегу которой расположен город.

По распространенному мнению, топоним сложного образования, где компонент *нал* означает подкову. Что же касается второго составного компонента *чыкъ* || *шык* || *шыч* (?), то тут существуют следующие предположения⁵.

¹ Л. А. Сморгалов. Ук. соч., стр. 11; В. Г. Гниловский. Занимательное краеведение. Ставрополь, 1954, стр. 311.

² Путеводитель. Ставрополь, 1965, стр. 64—65.

³ Дж. Н. Коков. Кабардинские географические названия. Нальчик 1966, стр. 140.

⁴ Город заложен в 1780 году как Константиногорская крепость. В 1830 году курорт и крепость получили единое название Пятигорск по Бештау «Пятигорье». (См. Л. А. Сморгалов. Эссентуки. Историко-экономический очерк. Нальчик, 1961, стр. 10—11).

⁵ Подробно см. Дж. Н. Коков. Ук. соч., стр. 76—78.

1. Компонент *чыкъ* || *шык* в составе *Нальчыкъ* || *Налшык* является ни чем иным, как тюркским уменьшительным аффиксом и топоним этимологизируется как «подкова маленькая». При этом, сторонники этой точки зрения значение топонима связывают с подковообразным расположением гор вокруг современного города, хотя этот признак для Нальчика не является таким, который отличал бы его от других горных поселений.

2. Следующее предположение связано с преданием о том, что в окрестностях современного города в давние времена конь предводителя всадников горцев утерял подкову, сорванную липкой глинистой почвой и топоним этимологизируется как «срывающий подкову» из каб.-черк. *нал-щыч(?)*¹.

Относительно второго предположения у Дж. Н. Кокова сказано: «С точки зрения семантического сочетание «подкову срывающий» как название местности, на которой расположен Нальчик, может быть объяснено исключительной вязкостью глинистой почвы. Кабардинцы эту грязь называют *ятлэ бдзантихэ* «глина (грязь) каучуковая». Нередко в этом липком грунте конь оставляет подкову... Эту особенность грунта, хорошо известную всем, кому в распутицу приходилось идти от Нальчика к Кенже по грунтовой дороге, нельзя в данном случае не учитывать»².

Тут же следует пояснение, что слово «Нальчик» как название местности первично, а как наименование речки и города вторично, ибо на «Карте Кабарды 1744 года» речка отмечена названием Нальчик, которое присвоено затем и крепости в 1818 году³.

Правильно связав географические свойства рассматриваемого объекта с этимологией топонима, на целесообразности чего в свое время справедливо указывал И. А. Джавахушвили, Дж. Н. Коков не мог раскрыть значения компонента *чыкъ* || *шык*, ошибочно возводя его к кабардинскому (диалектному) *шабэ* || *цабэ* «мягкий»⁴.

¹ Дж. Н. Коков. Ук. соч., стр. 77; В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь, М., 1966, стр. 283.

² Дж. Н. Коков. Ук. соч., стр. 77—78.

³ И. А. Джавахушвили. Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. «Вестник древнейшей истории», М., 1939, №4, стр. 42.

⁴ Дж. Н. Коков. Ук. соч., стр. 77.

Топоним *Нальчик* (карач.-балк. *Налчыкъ*, каб.-черк. *Налшык*) действительно этимологизируется как «место, где выпадает подкова, срывающий подкову» из слова *нал* «подкова», которое бытует в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, и карач.-балк. *чыкъ* со значением «выпадать, выходить»¹ ни в какой иной дополнительной конкретизации значения не нуждается.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Топонимика верховьев Кубани и Балкарии — тюркская.

2. Тезис проф. В. И. Абаева о том, что «эти две области, расположенные на северо-запад от нынешней Осетии, буквально насыщены осетинскими топонимическими названиями»² ошибочен и не соответствует действительности.

3. Обнаружение древнетюркских рунических надписей в верховьях Кубани — в одном из важнейших центров средневековой Алании, — возможность дешифровки надписи Зеленчукского памятника на основе карачаево-балкарского языка, топонимический материал, частично рассмотренный в настоящей главе, а также наличие этнонима *алан* в языке карачаевцев и балкарцев в значении *единоплеменник*, *друг*, *товарищ*³ и ряд других фактов дают основание считать средневековых алан бассейна Кубани и Балкарии тюркоязычными⁴.

¹ Ср. еще карач.-балк. *атымы налы чыкъды* «у коня (моего) выпала подкова».

² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 249.

³ Здесь любопытно отметить следующий факт: если карачаевец или балкарец обращается к кому-нибудь, то он того человека, к которому обращается, обычно называет по его национальности. Так, если обращаются к русскому, то говорят: *Эй, оруслу*, если к свану—*эй, эбзе*, если к черкесу—*эй, черкесли*. Друг к другу же обращаются специфическим только для карачаевцев и балкарцев обращением—*эй, алан*, «эй аланец». Думается, что это обращение есть глубокий архаизм, свидетельствующий о непосредственной генетической близости *алан* и носителей карачаево-балкарского языка.

⁴ Выше отмечалось, что слово *алан* в качестве самоназвания встречается и у одного из туркменских племен. (См. А. Бахтияров. Осколки «исчезнувших» аланов. Журн. «Туркменоведение» № 8—9, Ашхабад. 1930, стр. 39). Небезынтересно и то, что древних *алан* к тюркам безоговорочно относит и современный испанский этнограф Хосе Мануэль Гомас-Табанера. (См. журн. «Советская этнография», № 5, М., 1966, стр. 62).

Г Л А В А II.

СОСТАВ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Состав лексики карачаево-балкарского языка не является однородным. В нем различаются слова, с одной стороны, общие для всей группы родственных языков и, с другой, — слова, заимствованные из языков, не находящихся в генетическом родстве с ним.

В первую группу слов словарного состава, в свою очередь, объединены слова разного происхождения, а именно:

- а) общетюркско-монгольского пласта,
- б) тюркизмы,
- в) исконно карачаево-балкарские слова.

Общетюркско-монгольский пласт является наиболее древним и представлен словами, общими как для близкородственных тюркских языков, так и для дальнородственных монгольских языков.

Хронологические рамки тюрко-монгольской языковой общности наукой не установлены и своими корнями уходят в седую древность, к эпохе так называемой алтайской языковой общности.

«Монгольский язык вместе с тюркским и тунгусским,—писал академик Б. Я. Владимирцов,—имеют одного общего предка, которого условно можно назвать алтайским языком. Алтайский язык не известен, но зато известны алтайские языки, т. е. монгольский, тюркский и тунгусский, получившиеся в процессе развития алтайского языка»¹.

«Регулярные звуковые соответствия в значительной части

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 45.

корней и корневых слов, обнаруживаемые сравнительно-историческим изучением древнейших письменных и современных живых тюркских и монгольских языков, не оставляет сомнения в их генетическом родстве. Это означает, что указанные близкородственные тюркские и дальнородственные монгольские языки восходят к одному языку—основе, имевшему, вероятно, в свое время внутренние диалектные различия», — читаем и у проф. Б. М. Юнусалиева по этому вопросу¹.

Эта теория, согласно которой строилась сравнительная грамматика тех или иных родственных языков, в свое время в лингвистической науке была необоснованно опорочена сторонниками и учениками «нового учения о языке» Н. Я. Марра, заменившего изучение реальных материальных элементов языка четырехэлементным анализом, несуществующим в природе².

Глубоко не вникая в подробности критики «Нового учения» Н. Я. Марра, остановимся лишь на одном примере, имеющем непосредственное отношение к карачаево-балкарскому языку.

В начале 30-х годов была выпущена первая научная грамматика карачаево-балкарского языка У. Д. Алиевым, в которой он сумел, в основном, верно охарактеризовать звуковой состав и грамматический строй карачаево-балкарского языка, с указанием на некоторые характерные особенности его в системе тюркских языков³.

Рецензируя эту работу на страницах «Яфетического сборника», проф. А. К. Боровков дошел до того, что заявил: «...Теория единства происхождения тюркских языков служит научным выражением реакционного пантюркизма и фашизма, как в свое время теория «общеславянского языка» и т. п. служила политическим лозунгом панславизма»⁴.

Формально признавая родство карачаево-балкарского языка с остальными тюркскими языками (и то как результат позднего сближения, скрещения!), проф. А. К. Боровков отрицал гипотезу о том, что они развились из одного источника. Смешивая понятия праязыка, т. е. языковую общность, лежащую

¹ Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, ч. I, Фрунзе, 1959, стр. 27 — 28.

² Подробная критика основ новых положений «Нового учения» о языке дана в двух сборниках статей: «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». Сб. I, 1951; сб. II, 1952.

³ У. Д. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык), Кисловодск, 1930.

⁴ А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. Яфетический сборник. VII, Л., 1932, стр. 40.

в основе родственных языков, с библейским понятием «общего языка для всего человечества», делался вывод, что праязык «должен был обязательно покониться на расовых признаках»¹.

Но подобное стремление «превратить праязык в расовое пугало не увенчалось никаким успехом», ибо доказано, что «понятие антропологического и языкового единства не совпадают»².

В настоящее время сравнительно-историческое изучение нескольких языков, в которых имеются налицо черты сходства, строится на основании предположения общего происхождения данных языков. При этом принято называть такой древний язык — праязыком или языком-основой для данных языков. Нужно иметь в виду, что понятие языка-основы есть понятие относительное, его, как справедливо заметил проф. Б. А. Серебrenников, «нельзя рассматривать как изначальный толчок, создавший феномен языка, поскольку сам язык-основа безусловно является продуктом истории... Когда мы говорим, что такое-то слово или форма могут быть возведены к архитипу, существующему в языке-основе, мы тем самым рассматриваем эту предполагаемую... общность как относительную»³.

Распад этой общности произошел «во времена отдаленные от нас, потому что почти за двадцать пять столетий до Рождества Христова монголы и тунгусы в истории представляются как два самобытных народа. Одни тюрки, по причине отдаленности, несколько позже, познакомились с жителями Среднего государства», — заключает Н. Я. Бичурин⁴.

Таким образом, задолго до нашего летоисчисления завершился процесс не только полного выделения группы языков, но и полной дифференциации тюркских и монгольских языков на две самостоятельные группы.

Хотя за многие века после этого произошли неоднократные исторические изменения в этническом составе и культурно-экономической жизни родов, племен и народностей, из ко-

¹ Б. А. Серебrenников. О праязыке. Журнал «Иностранные языки в школе», вып. 3, 1951, стр. 3.

² Б. А. Серебrenников. Ук. соч., стр. 13.

³ Б. А. Серебrenников. Ук. соч., стр. 18.

⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, изд. 1950, стр. 375.

торых постепенно формировались эти современные народы, и родственное отношение современного карачаево-балкарского языка к монгольским очень и очень отдаленное, в нем имеется достаточное количество лексических и грамматических соответствий с ними. Проиллюстрируем эти соответствия¹.

Монгольские слова

ав *сущ.* облава. Ср. *ан ав* охотничий промысел; звероловство

авчин *сущ.* участник облавной охоты

авьсан *сущ.* термин родства—жена старшего брата по отношению к жене младшего брата

агт *сущ.* конь, рысак
агтчин *сущ.* табунщик

адаг *сущ.* конец, устье

адраа *прил.* упрямый характер

ажаа *сущ.* отец, папа

ажирга *сущ.* жеребец

алаг *прил.* разноцветный, пестрый, пегий

Карачаево-балкарские слова

уу *сущ.* охота. Ср. азерб., узб. *ов* охота, добыча, дичь

уучу *сущ.* охотник. Ср. азерб. *овчу* охотник, ловец

абсын² *сущ.* термин родства—жена одного из братьев по отношению к жене любого другого брата. Ср. кирг., казах. *абысын*; башк. диал. *апсын* в том же значении

ат *сущ.* конь, лошадь

атчы *сущ.* конюх; ср. карач.-балк. *джылкычы* табунщик
от джылкы табун

аякь (айакь) *сущ.* конец в выражении *ишни аягзы* конец работы

Адра *сущ.* собств. имя муж.

ата *сущ.* отец, папа

аджир *сущ.* жеребец

ала *прил.* разноцветный, пестрый

¹ Лексические соответствия приводятся без разграничения на слова, принадлежащие к общему тюркско-монгольскому фонду и слова, заимствованные в среднетюркскую эпоху — X—XV вв.

² Высказывание ираниста В. И. Абаева о том, что это слово «в своей форме носит черты скифского (массагетского) происхождения» нуждается в уточнении. (См. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, М.—Л., 1958, стр. 111).

алдаа *сущ.* ошибка, погрешность, промах
алим *сущ.* яблоко
алмас *сущ.* ведьма

алтан *сущ.* золото
алхан *сущ.* шаг
арвай *сущ.* ячмень
ард. дат.-мест. п. от *ар* (задняя или теневая сторона; северная сторона) сзади, позади, за спиной

ариг *прил.* чистый, опрятный.
ариг ус чистая вода

ариун
арслан *сущ.* лев

асаг *сущ.* хромота (у животных)

асар *нареч.* весьма, очень
архи *сущ.* водка, вино

архич *сущ.* пьяница, алкоголь

аршаан *сущ.* целебный минеральный источник; целебная

алдау *сущ.* обман

алма *сущ.* яблоко
алмасты *сущ.* ведьма; в связи с табуированием этого термина в карачаево-балкарском языке употребляются в том же значении следующие эфемизмы: *чачлы, атайтмаз*

алтын *сущ.* золото
атлам *сущ.* шаг
арпа *сущ.* ячмень
арт (ы) *сущ.* задняя или спинная сторона чего-либо; ср. *юйню артында* за домом, позади дома

ариу *прил.* красивый, чистый; ср. *ариу суу* чистая вода

то же, что и **ариу**
аслан *сущ.* лев

асхакъ *прил.* хромой вообще (у людей и у животных)

асыры *нареч.* весьма, очень
аракъы *сущ.* водка¹

аракъычы *сущ.* пьяница, алкоголь

нарзан (<нарсан) *сущ.* целебная минеральная вода

¹ Слово это распространено по всей Передней Азии, Кавказу и отчасти Европе. Первоисточником обычно считают арабское **аракъ (ун)** «пот» (см. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, М.—Л., 1958, стр. 56). Несколько иного мнения придерживался относительно этимологии этого слова Г. И. Рамstedт, который сопоставлял его с манч. **арки**; айну **аракке**, япон. **саке** и относил к разряду «древних культурных слов» (см. Studies in Korean etymology. 1949, стр. 13). В Сибири в языке русского населения известна из бурятского и монгольского **архи** диалектная форма **архидачить** — «пьянствовать» (см. В. Н. Ключева. Взаимные связи словарного состава двух языков. «Уч. зап. 1-го Московского пединститута иностр. языков», т. XI, 1957, стр. 55).

минеральная вода; аршан¹
асрал || **асраж** *сущ.* забота,
уход; опека, попечение
асрагч *сущ.* няня, воспита-
тель, опекун, покровитель

асрах *гл.* ухаживать, забо-
титься

ачмаг *сущ.* переметная сума

аяга *сущ.* чашка, пиала
баатар *сущ.* богатырь, герой,
витязь

баатарлаг *сущ.* героизм, доб-
лесть, мужество

багана *сущ.* столб, колонна;
подпорка, подставка; древко,
на которое опирается юрта,
палатка

баглаа *сущ.* кипа, связка, тюк;
упакованные вещи

байдас || **байтас** *сущ.* молодая
кобылица; яловая кобылица

бал *сущ.* мед

балт *сущ.* топор

баз(а) || **бажа** *термин род-
ства*—мужья родных сестер,
свояки

балчиг *сущ.* болото, трясина

бах (а) *сущ.* лягушка, жаба

баялаг *сущ.* богатство, сокро-
вище

баян *прил.* богатый, имущий

билиг *сущ.* талант, дар

билууь *сущ.* брусок, оселок,

асырау *сущ.* уход, забота

асыраучу *сущ.* няня, воспита-
тель, тот, кто ухаживает, опе-
кун

асраргъа (<**асыраргъа**) *гл.*
ухаживать, заботиться, хра-
нить

артмакъ *сущ.* переметная су-
ма

аякъ *сущ.* чашка

батыр *сущ.* богатырь, герой,
смелый, отважный

батырлыкъ *сущ.* героизм,
доблесть, мужество, храбрость

багъана *сущ.* столб, колонна,
подпорка, подставка

байлау *сущ.* кипа, связка, тюк,
упакованные вещи

байтал *сущ.* кобыла

бал *сущ.* мёд

балта *сущ.* топор

баджа *термин родства* —
мужья родных сестер, свояки

балчыкъ *сущ.* грязь

макъа *сущ.* лягушка, жаба

байлыкъ *сущ.* богатство, со-
кровище

бай *прил.* богатый, имущий

билим *сущ.* знание, дар, та-
лант

билеу *сущ.* брусок, оселок,

¹ К. Черемисов это слово в бурятском языке считает заимствован-
ным из санскрита. (См. К. Черемисов. О ранних заимствованиях в бу-
рятском языке. Журн. «Свет над Байкалом», Улан-Удэ, 1956, стр. 146).

точильный камень
бог *сущ.* сор, мусор

боос *прил.* стельная (о корове); жерёбая (о кобылице); супоросная (о свинье); суягная (об овце)

бор *прил.* серый, сивый (о масти)

босого *сущ.* порог (у двери)

боьгсоьн *сущ.* зад, задняя часть чего-либо

боьс *сущ.* текстильный товар, материя, материал, мануфактура; хлопчатобумажная ткань

бугуйвч *сущ.* браслет

буудай *сущ.* пшеница

буурцаг *сущ.* горох, горошина; бобы

точильный камень
бокъ *сущ.* сор, мусор в фразеологическом сочетании „юй богъу“

бууаз *прил.* беременная (женщина); стельная (о корове); жерёбая (о кобылице); супоросная (о свинье); суягная (об овце)

боз *прил.* серый, сивый (о масти)

босагъа *сущ.* порог (у двери)

боьсгуьн *сущ.* туша (животного)

моьз *сущ.* хлопчатобумажная ткань, материя, бязь, текстильный товар. Встречается в пословице: *аман къатынны хурджунунда гырджыны болур, иги къатынны куббуьруьнде моьзуй болур*—у плохой женщины в кармане чурек бывает, у хорошей женщины в сундуке—*моьз*. (См. А к б а е в Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963, стр. 25).

бууунлукъ *сущ.* браслет

будай *сущ.* пшеница¹

бурчакъ *сущ.* горошина

¹ Ср. общетюркское *богдай||бугдай*, чувашское *пари* в значении «полба», венгерское *buza*. Соответствия гд (во многих тюркских языках)—р (в чувашском языке) М. Ряснен объясняет через ступень з: гд > з > р, отсюда *бугдай||богдай—buza—пари*. (См. М. R ä s ä n e n. Die Wolga — болгарische Einfluss im Wëste im Lichte der Wortgeschichte — «Finnisch — ugrisch Forschungen», Bd. XXIX, стр. 196).

Следовательно, общетюркское название пшеницы *богдай||бугдай* было заимствовано венграми из того древнетюркского диалекта, где сочетание гд превратилось в з. По мнению части тюркологов, таким языком был древний булгарский язык.

буха *сущ.* бык-производитель

буьлгэм *сущ.* группа, кружок; общество

буьлэг *сущ.* группа; раздел, глава

буьрх *сущ.* шляпа

буьхэн *мест.* весь, всё, все, каждый, всякий

бэл *сущ.* подвески на поясе для огнива и футляра с ножом

бэлэгч *сущ.* предсказатель; ворожея, гадалка

бэл *прил.* крепкий, прочный, сильный

бяслаг *сущ.* сыр

ганзага *сущ.* торока

гичий *сущ.* сука; самка (хищных животных)

гол *сущ.* река; долина реки; *гол дээр* на реке

гоьхоял *сущ.* чёлка, хохол

гудам *сущ.* проход, коридор

гунжин *сущ.* трёхлетняя корова; трёхлетняя (о самке животного); *гунжин тэмээ* трёхлетняя верблюдица

гуьрж *сущ.* грузин; грузинка; грузинский

гуьуьр *сущ.* мост; *тоьмоьр замын гуьуьр* железнодорожный мост

дав *сущ.* бугор, холмик

бугъа *сущ.* бык-производитель

боьлуьм *сущ.* отдел

боьлек *сущ.* группа; *бир боьлекадам* несколько человек, небольшая группа людей

боьрк *сущ.* шапка, шляпа

буьтуьн—буьтеу—битеу

мест. весь, всё, все

бел *сущ.* поясница

билгич *сущ.* предсказатель; ворожея, гадалка

бек *нареч.* очень, крепко, прочно, сильно

бышлакь—бишлакь *сущ.* сыр
къанджыгъа (бау) *сущ.* торока

гаджи *сущ.* сука

къол *сущ.* рука; длинная балка, пологая долина

кекел *сущ.* чёлка

Слово встречается только в топонимике: **Гидам**—название горного прохода и местности в бассейне р. Теберда

къунаджин *сущ.* трёхлетняя телка; ср. еще *бугъагъа туру* двухлетняя телка

гуьрджуь *сущ.* грузин; грузинка; грузинский

коьпуьр *сущ.* мост; *улли коьпуьр* большой мост

тау *сущ.* гора; ср. азерб *даг* гора

домог *сущ.* легенда, сказание

доьрвоьн *числ.* четыре

доьш *сущ.* наковальня, бабка для отбивания кос

доншооч *сущ.* болтун, пусто-меля

дуут *прил.* звучный

дуьгрэг *сущ.* круг, что-либо круглое

дуьрсэн *сущ.* изображение, вид, форма

дэвтэр *сущ.* тетрадь; блокнот; книга

дэлэн (г) *сущ.* вымя

жалавч *сущ.* котелок, небольшой котел

жалга *сущ.* овраг³

жил *сущ.* год

жороо *сущ.* иноходь

джмакъ *сущ.* загадка; балк (диал.) сказка¹

тоьрт *числ.* четыре; ср. азерб. *доьрд*

тоьш *сущ.* наковальня, бабка для отбивания кос

джаншаучу *сущ.* болтун, пусто-меля

Слово встречается только в топонимике: Дуут — название горного потока, впадающего в р. Кубань, ущелья и населенного пункта. Очевидно, гидроним первичен, а по нему стали именовать ущелье и местность

тоьгерек *сущ.* круг, что-либо круглое

туьрсуьн *сущ.* вид, облик

дефтер—тефтер *сущ.* тетрадь²

джелин—зелин *сущ.* вымя

джалгъаууч *сущ.* сковородка с ручкой

джар *сущ.* овраг

джыл—жыл—зыл *сущ.* год

джоргъа *сущ.* иноходец, ино-ходь

¹ О жанрах балкарского фольклора см. сб. «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору», Нальчик 1962, стр. 20—21.

² К. Черемисов это слово считает заимствованным из греческого: «*Лет-тер* (литературное), *вэгээр* (диалектное) — тетрадь, записная книжка, брошюра, книга, которое, путешествуя из Греции, через персидское *дафтар*, тибетское *дэбтхэр*, *вэгтхэр* дошло через монгольское *дэбтэр* до бурят» (См. К. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке. Журн. «Свет над Байкалом», Улан-Удэ, 1956, стр. 143).

³ Буквы ж и з в современном монгольском языке соответственно передают звуки дж и дз, поэтому слова типа *жороо* «иноходь», *жил* «год», *зарим* «часть», «половина» следует читать как *джороо*, *джил*, *дзарим* и т. п. (Подробно см. З. К. Косьяненко. Современный монгольский язык. Л., 1968, стр. 9.)

жороолох идти иноходью

жигуулчин *сущ.* путешественник
зайдан *прил.* неоседланный, без седла

залбирал *рел.* моление, мольба, просьба
залгаа *сущ.* соединение, связь, сцепление
залхуу *прил.* ленивый; нерадивый
зарам *сущ.* отруби
зарим *сущ.* половина, часть
зах *сущ.* воротник, ворот

зарц *сущ.* слуга; лакей; батрак
засал *сущ.* наряд, убранство, украшение
зурам *сущ.* суслик
зураг *сущ.* рисунок; картина; снимок, фотография; портрет, чертеж
зурагчин *сущ.* фотограф

зурьхэн *сущ.* сердце
зурьхтэй *прил.* смелый, отважный

джорггаларгъя идти иноходью

джолоучу *сущ.* путешественник
джайдакъ — зайдакъ *прил.* неоседланный, без седла.
джайдакъ *ат* неоседланная лошадь. Пример из художественной литературы:

Къашын—башын хыны
туьйуьб,
Акъ джамчысын джайыб
кийиб,
Акъ атына джайдакъ миниб,
Биреу келеди бизни таба
(Аз. Семенов).

джалбаруу *сущ.* мольба, умоление, просьба
джалгъау *сущ.* соединение, связь, сцепление
джалкъау *прил.* ленивый; нерадивый
джарма *сущ.* крупа
джарым *сущ.* половина, часть
джагъа *сущ.* воротник; берег;
тенгизни джагъасы берег моря; коьлекни джагъасы
воротник рубашки
джалчы *сущ.* слуга; лакей; батрак
джасалыу *сущ.* убранство, украшение, нарядность
джубран-жубран *сущ.* суслик
сурат *сущ.* рисунок; картина; снимок, фотография; портрет
суратчы *сущ.* фотограф, художник
джуьрек—зуьрек *сущ.* сердце
джуьрекли—зуьрекли *прил.* смелый, отважный

зэс *суц.* медь
зэсч *суц.* медник
зэврүүйн *прил.* прохладный
им *суц.* метка (в виде подреза на ушах скота)
индүү *суц.* утюг
ихэр *суц.* кастрированный
взрослый баран, валух
ихэр *суц.* близнецы, двойня
магтаал *суц.* хвала, хвалебная песня
мал *суц.* скот; *мал* *обсоьх* выращивание скота
малчин *суц.* скотовод; пастух; *сайны малчин* хороший скотовод

марал *суц.* лань

моьс *суц.* лед, льдина
мухар *суц.* конец, передел;
газрин мухар край земли

мэгжин ||| **мэхэчжэн** (*маньчж.*)
суц. самка кабана
мянга (**н**) *чис.* тысяча
нарс (**ан**) *суц.* сосна, *нарсан ай* сосновый лес
начин *суц.* сокол
ногт *суц.* недоуздок
ноьхоьр *суц.* товарищ, друг;
муж, **супруг**

джез—**зез** *суц.* медь
джезчи *суц.* медник
сериууын *прил.* прохладный
эн *суц.* метка (в виде подреза на ушах скота)
итиу *суц.* утюг
ирк-ирик кастрированный баран, валух
эгизле *суц.* близнецы, двойня
махтау *суц.* хвала

мал *суц.* скот; *мал* *обсдурьу* выращивание скота
малчы *суц.* скотовод; *сайлама малчы* передовой скотовод; ср. еще *малчылыкъ* скотоводство
марал *суц.* марал, олень, лань

буз *суц.* лёд, льдина; град
Фонетическая разновидность этого слова встречается только в топонимике Карачая, например: **Махар** — название местности, одного из истоков р. Кубани и перевала **бегеджен**—**мегежин**—**мегезин**
суц. свиноматка, самка кабана
минг *чис.* тысяча
нарат *суц.* сосна

илячин *суц.* сокол
нохта *суц.* недоуздок
ноьгер *суц.* товарищ; спутник¹

¹ Акад. Б. Я. Владимирцов относительно этимологии этого слова писал: «В одной из своих прежних работ я делал попытку, вопреки мнениям К. Г. Залемана и П. М. Мелиоранского, объяснить монг. *ноькуьр* как заимствованное из персидского, и думал найти лингвистическим путем, путем привлечения косвенных данных доказать подтверждение того, что *наукар*—персидское слово. В настоящее время я должен отказаться от этого пред-

ноьхоьрлоьг *прил.* товарищеский; приверженный к кому-либо

нэрт *прил.* известный, популярный, знаменитый
ой *сущ.* способность, ум, разум

омог *сущ.* гордость, надменность, высокомерие
онол *сущ.* теория

онолг *сущ.* теоретик

ооч *сущ.* глоток (жидкости);
кэз ооч ус глоток воды

орбон *сущ.* изогнутая расседина горы или холма (см. В. А. Казакевич. Современная монгольская топонимика. Л., 1933, стр. 21)

орон *сущ.* вакансия, место; штат (служебный)

ноьгерлик *сущ.* товарищество, сверстничество, приятельство

нарт *сущ.* сказочный богатырь, герой эпоса

оюм (ойум) *сущ.* разумность;
ойлашыргэа прийти к разумному решению

омакъ *прил.* нарядный

оноу *сущ.* совет; *акъыллы оноу* разумный совет

оноучу *сущ.* служащий, советчик

уууч *сущ.* горсть, пригоршня;
бир уууч топракъ горсть земли (взятая рукой)

дорбун *сущ.* пещера¹

орун *сущ.* место, вакансия; штат (служебный)

положения на основании следующих данных... Монг. *ноькуьр*—*никуьр* не персидского происхождения. Наоборот, в настоящее время можно утверждать, что персидское *наукар* является монгольским заимствованием, проникшим в персидский язык в эпоху монгольских походов в Ср. Азию и Персию в XIII в. Джагатайская форма *ноькер*, является, по-видимому, котаминацией монг. *ноькуьр* и перс. *наукар*. Из персидского *наукар* было заимствовано в хиндустани». (См. Доклады АН СССР, Л., 1929 № 6, стр. 287—288).

¹ Известный иранист проф. В. И. Абаев это слово в карачаево-балкарском языке считает заимствованным из дигорского диалекта староосетинского языка. Вот как он это аргументирует: «Дорбун (пещера) в изданных дигорских текстах не встречается, равно и в наших записях. Тем не менее с уверенностью восстанавливается на основании балкарского заимствованного *дорбун* (пещера). Представляет сложение из *дор* и *бун*, где *дор* — камень, а *бун* употреблено здесь в значении пол: «с каменным полом». (См. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 370). Наличие этого слова и в монгольских языках и отсутствие его в иранских вообще не делает ли заявление В. И. Абаева тавтологической декларацией?»

орон *сущ.* кровать, койка, постель
ором *сущ.* след, отпечаток
осол *сущ.* небрежность, упущение, оплошность, халатность

отог *сущ.* огнище
отор *сущ.* выпас скота на отгонных пастбищах
оюун *сущ.* ум, разум, соображение; мудрость
обьцоын *сущ.* долг

обьмч *сущ.* собственность, личное имущество

обьргсх *гл.* поднимать (вверх); *гарале обьрго!* руки вверх!
обьр (**обьн**) *сущ.* центр пола в юрте; *шалны обьр* центральная часть пола в юрте
обьсобьлт *сущ.* рост, увеличение, нарастание, подъем
обьсобьх *гл.* расти, подрастать
саадаг *сущ.* колчан (для стрел)

орун *сущ.* постель;¹ **орундукъ** *сущ.* кровать, койка
орам *сущ.* улица¹
осал *прил.* небрежный, плохой, негодный, испорченный;
осал адам, испорченный человек, т. е. человек нехорошего поведения, нрава
отлукъ (таш) *сущ.* кремнь
отлау || **отлатыу** *сущ.* выпас скота на отгонных пастбищах
оюм *сущ.* разумность, разумная предосторожность
обьнкуыч *нареч.* взаимы; *обьнкуыч алыргъа* брать взаимы
энчи *сущ.* собственность, личное имущество

Ср. еще **енч** || **енлилик** „собственность“ в языке среднеазиатского тевфсира XII—XIII вв. (А. К. Боровков в Лексика среднеазиатского тевфсира XII—XIII вв., М., 1963, стр. 77, 78.)

обьрге *нареч.* вверх; *кьолларынгы обьрге тут!* руки вверх!
тоьр (<т+обьр?) *сущ.* почетное место за столом, в компании
обьсуьм *сущ.* рост, увеличение

обьсерге *гл.* расти, подрастать
садакъ *сущ.* стрела (для лука)

¹ Акад. А. Н. Самойлович слово **орам** (**урам**) «улица» в языке «Мухаббет-намэ» — замечательного памятника XIV в. — ошибочно считал одним из характерных выявлений местного золотоордынского (кипчакского) диалекта. (См. А. Н. Самойлович. К истории средне-азиатско-турецкого языка. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 12). Заметим, что слово **орам** (**урам**) «улица» кроме тюркских языков Поволжья (тат., башк., чув.) известно еще в современном алт. **ороом** «улица», а в турецком **урам** означает «квартал», «район города».

саалга *сущ.* доение, дойка
сав *сущ.* вместилще, хранилище; посуда, сосуд
саваа *сущ.* палка, прут (например для взбивания шерсти)

саван (г) *сущ.* мыло¹
савхан *сущ.* посуда для супа, суповая каша
савхин *сущ.* сафьян
сайн *прил.* хороший, добрый, благополучный; прекрасный

салхин *сущ.* ветер

санамж *сущ.* заметка, пометка; урок
сандрах *гл.* быть в замешательстве, растеряться; быть в беспокойстве

саримсаг *сущ.* чеснок
сайр *сущ.* сухое русло водного потока; иногда — мелкое место в реке

сахал *сущ.* борода, усы
сахалт *прил.* бородатый,

сахиул *сущ.* караульщик

сийрэг *прил.* редкий, негустой

сауаргъа *гл.* доить
сауут *сущ.* посуда, сосуд

саба *сущ.* прут (для взбивания шерсти)

сапын *сущ.* мыло
сахан *сущ.* поднос

сахтиян *сущ.* сафьян
сайланнган *прил.* отборный, хороший, доброкачественный. Ср. тур. *Сайын аркадашлар* уважаемые товарищи
салкъын *прил.* прохладный;
салкъын джел прохладный ветер

сынам *сущ.* опыт, эксперимент, исследование
сандракъ *сущ.* бред

сарсмакъ *сущ.* чеснок
сай *прил.* неглубокий, мелководный; *сууну сай джери* мелкое место реки
сакъал *сущ.* борода
сакъаллы *прил.* бородатый

сакълауул *сущ.* караульщик; сторож, охранник
сейрек *прил.* редкий, негустой

¹ Ш. Лувсанвандан, Б. Дэмчигдорж считают **саван**(г) французским словом (см. «Монгол хэлний зүй, нэгдүгээр дэвтэр», Улаанбаатар, 1951, стр. 52). Академик Б. Я. Владимирцов в свое время относительно этимологии этого слова писал: «Это слово известно у китайцев, тибетцев, у некоторых тюрков. Неизвестно, через чье посредство получили монголы это арабское слово. Во всяком случае естественнее предположить, что в Среднюю Азию слово, обозначающее «мыло», было занесено арабское, восходящее к тому же латинскому, как и португальское» (см. Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском языке. «Записки коллеги востоковедов» т. V, 1930, стр. 79).

соёон *сущ.* клык, бивень.
сохор *прил.* слепой
сувай *прил.* яловый, бесплодный
суымбэ *сущ.* шомпол

суыр *сущ.* величие; импозантность; мощь, могущество; *нэр суыр* авторитет
суьрэг *сущ.* стадо, стая

суьуь(н) *сущ.* молоко
сэвэг *сущ.* корзинка, плетеное изделие, плетенка
сэжиг *сущ.* сомнение, подозрение; *сэжиг овах* подозревать
сэруьуен 1. прохлада, свежесть; 2. прохладный, свежий
сэрх *сущ.* кастрированный козёл

сэргэг *прил.* 1. бодрствующий; чуткий (о сне); *сэргэг байх* быть настороже (во время сна); 2. осмотрительный; осторожный; бдительный
таваг *сущ.* блюдо, тарелка, миска; *модон таваг* деревянная миска
таг *сущ.* плато; плоская вершина горы
тал (а) *сущ.* поле, степь, равнина
талхин *сущ.* кожемялка

суьйек *сущ.* кость
сокъур *прил.* слепой (ая)
субай *прил.* стройный (ая); ср. тур. *субай* „холостой(ая)“
суьнгуь *сущ.* штык

сыр *сущ.* авторитет семьи, рода

суьруьу *сущ.* стадо, стая, отара
суьт *сущ.* молоко
челек *сущ.* ведро

сезиу *сущ.* подозрение; *сезерге* подозревать, догадываться

сериууьн *прил.* прохладный

эркеч *сущ.* кастрированный козёл; вероятно, в данном случае сравнимы **с(эрх)** и **(эрк)еч** в обоих словах
сесгекли *прил.* напуганный, осмотрительный; соблюдающий осторожность

табакъ *сущ.* тарелка, блюдо

тау *сущ.* гора; ср. азерб., тур. *даг* „гора“
тала *сущ.* небольшая долина, ровное место в горах, поляна
талкъы *сущ.* кожемялка. Ср. кар. *талкы* орудие для выделки кожи¹

¹ К. М. Мусаев. Грамматика карaimского языка. М., 1964, стр. 112.

тамга *сущ.* печать, штемпель, штамп; клеймо, тавро

тамир *сущ.* кровеносный сосуд

танил *сущ.* знакомый, приятель

таних *гл.* узнавать, распознать; быть знакомым; знать

тансаглах *гл.* ценить, лелеять; ласкать, любить

тариа *сущ.* хлеб; зерно; урожай

таяг *сущ.* трость; костыль, посох

товрог *сущ.* прах, пыль

тогтоол *сущ.* постановление, решение, резолюция

той *сущ.* свадебный пир

тойг *сущ.* коленная чашечка; слиток серебра в виде коленной чашечки

толбо *сущ.* пятно; *тосон*, *толбо* масляное пятно; *хар*

толбо черное пятно

толь *сущ.* словарь

тонох *гл.* грабить, ограблять

тонуул *сущ.* грабеж

тонуулч *сущ.* грабитель, мародер

тогодак || **тогодок** *сущ.* дрофа

тором *сущ.* редька

тоьгроьг *сущ.* тугрик (денежная единица); круг, кружочек

тоьл *сущ.* приплод, молодняк;

тамгъа *сущ.* клеймо, тавро

тамыр *сущ.* кровеносный сосуд в словосочетаниях типа *къан тамыр*

таныш *сущ.* знакомый, приятель

таныргъа *гл.* узнавать, распознать; быть знакомым; знать

тансыкъларгъа *гл.* нежить, лелеять; ласкать, любить

тары *сущ.* просо

таякъ *сущ.* палка; трость; костыль, посох

топракъ *сущ.* земля, почва

тохтау || **тохташуу** *сущ.* окончательное решение, постановление

той *сущ.* свадебный пир

тобукъ *сущ.* колено

тамгъа *сущ.* пятно; *джау*

тамгъа масляное пятно; *къара тамгъа* черное пятно

тил *сущ.* анатом. язык, лингв. язык

тоноргъа *гл.* грабить, ограблять

тоноуул *сущ.* грабеж, ограбление, разбой, мародерство

тоноуулчу *сущ.* грабитель, мародер

дууадакъ *сущ.* дрофа

турма *сущ.* репа, редька; *айлыкъ турма* редиска

тоьгерек *сущ.* круг, окружность

тоьлуь *сущ.* приплод, молод-

тоьл авах получать приплод;
тоьлоьг годовалый ягненок

тоьлоьх гл. платить, оплачивать, выплачивать

тоьмоьр сущ. железо

тоьмоьрчин сущ. кузнец

тоьр сущ. закон, законность, управление

тугал сущ. теленок (по первому году)

туувар сущ. гурт, перегоняемый скот

туьмен чис. десять тысяч

туьргэн прил. быстрый; скорый; спешный, вспыльчивый, горячий

туьшиг сущ. опора

туьуьх сущ. история

туьуьхч сущ. историк

тевш сущ. корыто, продолговатое блюдо

тэксээх гл. кормить, вскармливать, выращивать

тэнг нареч. равно, одинаково; наравне, поровну; *тэнг хувах* делить, разделить поровну

тэнгри сущ. небо, небожитель

тэнгэс сущ. море

няк;¹ *тоьлуь алыу* получать приплод, *джаш тоьлуь* молодежь

тоьлерге гл. платить, оплачивать, выплачивать

темир сущ. железо

темирчи сущ. кузнец

тоьре сущ. суд (в дореволюционном Карачае и Балкарии)

токъал сущ. безрогий вол

тууар сущ. скот

туьмен сущ. десять рублей

дуьрген прил. спешный, грубоватый, быстрый, неосмотрительный

тоьшек сущ. матрац

таурух сущ. сказка, сказание

таурухчу || *таурух айтыучу сущ.* сказитель

тебси сущ. столик для приема пищи

теджерге || *тежерге* (диалект) *гл.* уделить особое внимание (напр. при вскармливании скота и т. п.)

тенг нареч. равно, одинаково; наравне, поровну; *тенг уьлеширге* делить, разделить поровну

тейри сущ. рел. бог, небожитель

тенгиз сущ. море

¹ Может быть, с этим словом этимологически связаны осетинские далис «годовалый барашек», сванское *далуьс* «барашек в возрасте от 6 мес. до 1 года», грузинское *доли* «окот овец», «ягнята одного окота». В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева эти слова приведены, как слова неясного происхождения. (См. В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 342).

тенгэсч *суц.* моряк
тенгэцууул *суц.* равновесие;
уравновешивание
тэнэг *прил.* глупый, неумный
тэрс 1) противный, враждеб-
ный; 2) противоположная сто-
рона
тэх *суц.* дикий горный
тээрэм *суц.* мельница
тээрэмг *суц.* мельник
уьгей 1) не, 2) нет¹
ус *суц.* вода, река
уьзэм виноград
уьзэмч *суц.* виноградарь

уьлгэр *суц.* модель, образец,
форма; выкройка; пример;
уьлгэр авах брать пример
уьнээн *суц.* корова
уьр *суц.* плод; семя, зерно
уьргэх *гл.* пугаться, шара-
хаться, бросаться в сторону
(о животных); *миний, морь*
нэг юмнаас уьргэв мой конь,
испугавшись чего-то, шарах-
нулся в сторону
уьхэр *суц.* крупный рогатый
скот
хаан *суц.* хан, царь, монарх
хавирга(н) *суц.* ребро; бок,
боковая часть

тенгизчи *суц.* моряк
тенгешдириу *суц.* уравнове-
шивание
тели *суц.* дурак
терс 1) виновный, провинив-
шийся; 2) противоположная,
обратная сторона чего-либо
теке *суц.* козёл
тирмен *суц.* мельница
тирменчи *суц.* мельник
огъай || угъай (диалект) нет
суу *суц.* вода, река
джуьзуьм *суц.* виноград
джуьзуьмчуь *суц.* виногра-
дарь
уьлгуь *суц.* модель, образец,
выкройка; пример; *уьлгуь*
алыргъа брать пример, *уьлгуь*
инек || *ийнек суц.* корова
урлукъ *суц.* семена
уьркек *прил.* пугливый, ша-
рахающийся (о лошади, муле);
мени атым, неден эсе да
кьоруб, уьркдуь мой конь, ис-
пугавшись чего-то, шарахнул-
ся в сторону
оьгуьз *суц.* бык, вол
хан *суц.* с тем же значением
къябыргъа *суц.* бок, боко-
вая часть

¹ У проф. Г. Д. Сан же ева относительно этимологии этого слова ска-
зано следующее: «В 1924 г. Б. Я. Владимирцов в своей статье «Остатки
причастия настоящего времени в монгольском языке» (см. Доклады Россий-
ской Академии наук, 1924, стр. 55—56) показал, что некогда в древнемон-
гольском языке существовала причастная форма настоящего времени с пока-
зателем на-й, о чем свидетельствуют такие застывшие современные формы,
как гаруи «больше, более» от гар—«выходить» дарі «немедленно, тотчас» от
дару «давить, жать», буи «суший» от би+и (ср. тюрк. ба-р «имеется, есть»),
угеі «не, нет», от уге—(ср. тюрк. уг-ук-ус) «гнубить, уничтожаться»). (См.
сб. «Филология и история монгольских народов», М., 1956, стр. 15).

хана (н)сущ. решетчатая стена юрты; стена
ханд сущ. экстракт, вытяжка, настойка
хара прил. черный; темный
харанхуй сущ. темнота, тьма, мрак
хатаах гл. закаливать; *тоьмоьр хатаах* закаливать железом
хатан сущ. княгиня; госпожа, знатная дама; *термин карточной игры* дама
хатуу прил. твердый, жесткий; крепкий, прочный; *перенос.* жестокий, суровый; строгий; *хатуу хун* строгий человек
хир сущ. грязь; *хувцасны хирийг арилзах* очищать одежду от грязи
хирхрээ сущ. хронический бронхит
хонгор прил. буланный; белокурый; светло-желтый; *хонгор морь* буланный конь
хонь (хонин) сущ. овца
хоньчин сущ. пастух овец, чабан
хоноц сущ. путник, остающийся на ночлег (от гл. *хонох* ночевать, проводить ночь)
хоньдлоьн нареч. поперек, через; наперерез; наперекор
хобьорьг сущ. кузнечный мех
хобьх прил. синий, голубой
хуймаг сущ. блины
хуурга сущ. блюдо из поджаренного мяса, жаркое
хумаг сущ. земля; что-либо рассыпчатое

хуна сущ. каменный забор
хант сущ. еда, кушание, пища
къара прил. черный
къарангы прил. темный (ая); *къарангы кече* темная ночь
къатдырыгъа гл. закаливать; *темир къатдырыу* закаливание железа
къатын сущ. женщина, дама, жена
къаты прил. твердый, жесткий, крепкий, прочный; *перенос.* жестокий, суровый; *къаты адам* строгий человек
кир сущ. грязь; *кийимни кирден ариуларгъа* очищать одежду от грязи
хырха прил. хриплый
къонгур прил. буланный (о масти); *къонгур ат* буланный конь
къой сущ. овца; ср. азерб. *гойун* овца, баран
къойчу сущ. чабан
къонакъ сущ. гость; путник, остающийся на ночлег
коьнденен нареч. поперек, наперерез, наискось
коьруьк сущ. кузнечный мех
коьк прил. синий, голубой
къуймакъ сущ. яичница
къууурма сущ. блюдо из-под жареного мяса
къум сущ. песок

хуурах *гл.* жарить, поджаривать
хуух *сущ.* мошонка (у самца)
хуьдэр *сущ.* руда

хуьрэн *прил.* коричневый, бурый
хуьуьсэр *прил.* бесплодная

хурц *прил.* острый, наточенный, хурц хутча острый нож
хуьуьш *сущ.* мес о, где солнце поздно появляется и рано заходит

хуьхэр *сущ.* сера
хэвнэг *сущ.* бурка

хэвэг *сущ.* шелуха, отруби
хэнз *сущ.* вторая трава (вырастающая к осени после покоса), отава

хэрэг *сущ.* нужда, необходимость

хэсэг *сущ.* часть, кусок, группа

хярмаг *сущ.* пороша

хуьч *сущ.* сила, мощь

хуьсэл *сущ.* желание,

охота; стремление

эртхэн *уменьш.* от эрт

ранехонько; довольно

рано; рановато

эруьуьн *сущ.* нижняя часть; подбородок

эрх в сочетании со словом «чольлоь»: эрх чольлоь сво-
бода

эрх *прил.* избалованный, капризный, своенравный

кьюуурургъа *гл.* жарить, поджаривать

кьюуукъ *сущ.* мочевого пузыря
Слово встречается только в топонимике. Ср. топо-гидроним Худес

куьрен *прил.* коричневый, бурый

кыьсыр *прил.* бесплодная; яловая; кыьсыр ийнек яловая корова

кюрч *сущ.* сталь

кьюууш *сущ.* дупло

куькуьрт *сущ.* сера

гебенек *сущ.* накидка из войлока

кебек *сущ.* шелуха

ханс *сущ.* трава, дарман хансла лекарственные травы

керек *сущ.* нужда, необходимость

кесек *сущ.* кусок, бир кесеги часть

кыьрпакъ *сущ.* пороша

куьч *сущ.* сила, мощь

куьсеу *сущ.* сила, мощь тение, охота.

эртден *сущ.* утро

эрин *сущ.* губа

эркин *прил.* свободный;

эркинлик свобода

эрке *прил.* избалованный капризный, своенравный

эрхэмлэх гл. предпочитать,
уважать, оказывать почет
эрхэс суц. самец соболя

эсэн в сочетании со словом
мэнд: *эсен мэнд* здоровье: жив-
здоров, благополучно; *эсен*
мэнд ирэв прибыл благополуч-
но
яншаа прил. болтливый,
докучливый

эркелерге гл. предпочитать,
уважать, оказывать почет
эркеч суц. кастрированный
козел

эсен в сочетании со словом
сау: *сау-эсен* жив-здор-
ов, благополучно; *сау-эсен кел-*
дик прибыли благополучно,
эсенлик здоровье
джаншакъ суц. болтун

Вот далеко не полный перечень лексических соответствий монгольского и карачаево-балкарского языков.

Вполне возможно, что в числе приведенных выше тюрко-монгольских слов могут оказаться как слова, заимствованные предками этих народов друг у друга, так и заимствованные из языков генетически неродственных им. Как бы то ни было, эти слова являются неотъемлемой частью корневого словарного фонда общетюрко-монгольской языковой общности, имеющей многовековую историю. Иначе, по справедливому замечанию Б. М. Юнусалиева, «трудно себе представить, чтобы язык, будучи несошедшим с исторической сцены, заимствовал почти полную номенклатуру анатомических, животноводческих и т. п. названий»¹. В пользу общности для монгольских и тюркских языков слов, перечисленных нами, свидетельствуют закономерные фонетические соответствия между этими языками.²

Как известно, одним из характерных фонетических признаков слов общетюрко-монгольского пласта является соответствие монгольских согласных *p* и *l* согласным *з* и *ш/с* тюркских языков (т. е. явление ротацизма *p—з* и ламбдаизма *л—ш/с*).

¹ Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, ч. I, Фрунзе, 1959, стр. 93.

² Подробно об этом см. Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», т. XX, вып. II, III. Спб. 1911; его же. Из области вокализма монголо-тюркских языков. «Доклады Российской АН.», Л., 1924, стр. 33—35. Н. Н. Попле. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркскому языкам. «Изв. Российской АН», VI серия, т. XVIII (1924), 12—18, 1925; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 30; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, ч. I М., 1953, его же. Современный монгольский язык. М., 1960.

Примеры из монгольского и карачаево-балкарского языков:
 p—з. монг., бор «серый; сивый (о масти)» — карач.-балк. боз «серый; сивый (о масти)»; ихэр «близнецы, двойня» — карач.-балк. эгиз «близнецы, двойня»; монг. уьхэр «крупный рогатый скот» — карач.-балк. овьувз «бык, вол» и т. п.

л — ш/с. монг. байдас «молодая кобылица» — карач.-балк. байтал «кобыла»; монг. танил «знакомый, приятель» — карач.-балк. таныш «знакомый, приятель» и т. п.

В пользу вышеизложенного же говорят и соответствия в наиболее древних именных и глагольных основах, с совпадением лексических и грамматических значений последних, а также общность некоторых грамматических морфем.

Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами из монгольского и карачаево-балкарского языков.

Монгольский

а) -ч || чин

агтчин < агт + чин
 зэсч < зэс + ч
 зурагчин < зураг + чин
 малчин < мал + чин
 онолч < онол + ч
 тоьмоьрчин < тоьмоьр + чин
 тэнгэсч < тэнгес + ч
 тээрэмч < тээрэм + ч
 уьзэмч < уьзэм + ч
 хоньчин < хонь + чин
 хяргагч < хяргаг + ч

б) -лаг || -лоьг

баатарлаг < баатар + лаг
 ноьхоьрлоьг < ноьхоьр + лоьг

Карачаево-балкарский

а) -чы || -чи || -чу || чуй

атчы < ат + чы
 джезчи || зезчи < джез || зез + чи
 суратчы < сурат + чы
 малчы < мал + чы
 оноучу < оноу + чу
 темирчи < темир + чи
 тенгизчи < тенгиз + чи
 тирменчи < тирмен + чи
 джуйзуьмчуй < джуйзуьм + чуй
 кьойчу < кьой + чу
 кьыркьыучу < кьыркьыу + чу

б) -лыкь || лик

батырлыкь < батыр + лыкь
 ноьгерлик < ноьгер + лик

Приведенные примеры говорят о том, что в отношении довольно большого количества слов в тюркских и монгольских языках невозможно определить их монгольское или тюркское происхождение — они являются общими для обеих групп языков. Вероятно, эти слова имелись еще в предполагаемом тюрко-монгольском или даже алтайском языке-основе.

Разумеется, среди перечисленных нами лексических соответствий не все слова восходят к лексике тюрко-монгольского или

алтайского языка-основы, а имеются и более поздние заимствования из одних в другие и наоборот. Но при современном состоянии сравнительно-исторической алтаистики определение тюркского или монгольского происхождения большинство слов сопряжено с определенными трудностями. Вот как объясняет известный монгольский проф. Г. Д. Санжеев это обстоятельство:

«Если происхождение иноязычных слов (греческих, арабских, санскритских, тибетских, русских...) в монгольском языке устанавливается очень легко, то определение тюркских заимствований сопряжено во многих случаях с известными трудностями. Дело в том, что и тюркские и монгольские языки входят в одну тюркско-монгольскую подгруппу, представляющую особую ветвь в составе алтайских языков, предположительно образовавшихся от одного алтайского языка-основы. Следовательно, монгольские и тюркские языки априори имеют слова, общие для всех них, восходящие к лексике алтайского языка-основы и заимствованные из одних языков в другие, т. е. тюркские слова в монгольских языках и монгольские слова в тюркских языках. Однако эти языки по своей фонетической системе столь однородны, что при определении их взаимных лексических заимствований трудно пользоваться фонетическим анализом. Всякое тюркское слово, оказавшись на монгольской почве, не будет противоречить фонетическим нормам монгольского языка, и при таких условиях часто невозможно установить, что из общего монгольско-тюркского словарного состава относится к общему праязыковому достоянию, а что представляет собой заимствования».¹

Правда, в отдельных случаях заимствованность того или иного слова, входящего в общетюркско-монгольский пласт лексики, может быть установлена путем лингвистического анализа.

Например, тюркское происхождение таких монгольских слов, как *хэсэг* «часть, кусок, группа»; *таях* (*тайах*) «посох, трость»; *боьлог* «отдел, глава»; *билиг* «талант, дар»; *хана* — «пускать кровь»; *царга* «пулевая рана»; *зарим* «половина, часть»; *зэрлэг* «дикий, полевой»; *золго* — «встретиться» и т. п. ясно потому, что в современном монгольском языке эти слова

¹ Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык. М., 1960, стр. 30—31.

неразложимы,¹ а в тюркских языках имеют четкую этимологию. Например: *хэсэг* — *кесек* (от тюрк. *кес* «резать, отрезать» + имяобразующий аффикс *-(е)к*); *тайах* — *тайакъ* (от тюрк. *тайа* «подпирать» + имяобразующий аффикс *-къ*); *боьлог* — *боьлек* (от тюрк. *боьл* «делить, отделять» + имяобразующий аффикс *-(е)к*); *билиг* — *билик* || *билим* (от тюрк. *бил* «знать» + имяобразующий аффикс *-(и)к* || *(и)м*); *хана* — *къанаргъа* (от тюрк. *къан* «кровь» + глаголообразующий аффикс *-а* и аффикс целевого инфинитива *-ргъа*); *зарим* — *джарим* || *зарым* || *йарым* (от тюрк. *джар* || *зар* || *йар* «колоть» + словообразующий аффикс *-а*); *зэрлэг* — *джерлик* || *зерлик* || *йерлик* (от тюрк. *джер* || *зер* || *йер* «земля» + аффикс *-лик*); *залго* — *джолугъургъа* || *золугъургъа* (от тюрк. *джол* || *зол* «дорога» + глаголообразующий аффикс *-(у)къ*) и аффикс целевого инфинитива — *-(у)ргъа*) и т. п.

Или же, наоборот, монгольское происхождение таких слов в тюркских языках в том числе и в карачаево-балкарском, как *къунаджин*, «телка по третьему году»; *къысыр* «яловая, бесплодная»; *коьгуьрчуьн* «голубь» и т. п., ясно потому, что в тюркских языках они неразложимы, а в современном монгольском языке они имеют четкую этимологию. Например: *къунаджин* || *къунажин* < *гунжин* (от монг. *гуна* «трехлетний (ая)», которая относится к третьей возрастной группе, в которую входят молодняк крупного рогатого скота и лошади + аффикс *-жин* — показатель биологического рода)²; *къысыр* — монг. письм. *кеуьсер* (от монг. письм. *кеуькен* «дитя» + аффикс отрицания — лишения *-сер*); *коьгуьрчуьн* — *коьгелжин* (от монг. тюрк. *коьке* «голубая» + *гелжин* || *гелджин* «птица»)³ и т. п.

Рассмотренное позволяет сделать заключение о том, что путем сравнительно-исторического анализа явлений в современных живых языках можно установить хотя бы в общих чертах пути их развития, которые когда-то были живой нормой и сыграли важную роль в дальнейшем совершенствовании основного фонда корневых слов языка и выделить в этом основном фонде словаря наиболее архаичные явления.

¹ Г. Д. Санжеев. Ук. соч. стр. 32; Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, ч. I, Фрунзе, 1959, стр. 93.

² Впервые на следы грамматического рода в алтайских языках обратил внимание Б. Я. Владимирцов (Б. Я. Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольском языке. «Доклады Академии наук. Серия В.» Л., 1925, стр. 32).

³ См. Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языковедение, М., 1957, стр. 189.

ТЮРКИЗМЫ И СОБСТВЕННО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ СЛОВА

Общекорневые слова, варианты которых встречаются почти во всех близкородственных тюркских языках, и собственно карачаево-балкарские слова составляют основу лексического фонда языка карачаевцев и балкарцев и в количественном отношении занимают весьма видное место в нем, охватывая почти все стороны жизни карачаевского и балкарского народов.

К тюркизмам мы относим не только слова, свойственные всем тюркским языкам, но и слова общие у карачаевцев и балкарцев с несколькими (хотя бы двумя-тремя) тюркскими языками. При этом, как будет показано ниже, достаточное количество из этих общетюркских слов в карачаево-балкарском языке сохранились в более древней форме, чем в большинстве современных близкородственных тюркских языках. Это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о том, что многие слова общетюркского словарного фонда составляют древнейшее сокровище лексики языка карачаевцев и балкарцев и восходят к ранним периодам развития тюркских языков.

«Балкаро-карачаевский язык, бесписьменный в прошлом, «древнее», с точки зрения типологии древнеписьменных мертвых языков тюркской системы, о которых сохранились памятники письма; изучение карачаево-балкарского языка явится во многих случаях ключом для исследования древнеписьменных языков», — писал еще в 30-е годы проф. А. К. Боровков¹.

Чтобы иметь достаточно полное представление об общетюркском пласте карачаево-балкарской лексики, познакомимся с некоторыми лексическими соответствиями между карачаево-балкарским и остальными близкородственными тюркскими языками по сферам их употребления.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

I. Слова, связанные с анатомией человека

1. Голова—карач.-балк. баш.

В остальных тюркских языках для обозначения понятия *голова* употребляются следующие варианты этого слова: азерб., алт., башк., кирг., кумык., тат., тур., тукм., тув., уйг. *баш*; ка-

¹ А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. Яфетический сборник. вып. VII, Л., 1932, стр. 50.

зах., к.-калп., ног., куман., якут. *бас*; узб. *бош*, хак. *пас*, чув. *пус*.

2. Лоб — карач.-балк. мангылай.

В некоторых тюркских языках: алт., казах., кирг. *мангдай*; баш., к.-калп., ног., туркм., узб., уйг. *манглай*; кумык. *мангалай* куман. *tağlaj*; в остальных тюркских языках понятие *лоб* передается различными словами: азерб., тур. *алын*; хак. *хамах*, тув. *хавах*, чув. *сама*, якут. *суьуьс*¹.

3. Лицо — карач.-балк. бет.

В подавляющем большинстве тюркских языков для обозначения понятия *лицо* употребляются различные варианты этого слова: башк., тат. *бит*; чув. *пит*, казах., к.-калп., кирг., кумык., ног., узб. *бет*; уйг. *бэт*; в остальных тюркских языках это понятие передается различными фонетическими вариантами слова *йуьз* || *йовз* || *жуьз* || *чуьс* || *уьз* и т. п.

4. Глаз — карач.-балк. коьз.

Во всех тюркских языках (за исключением тув., хак., якут.) понятие *глаз* передается различными фонетическими вариантами слова *коьз*: азерб., тур., кумык., туркм. *говз*; алт. *коьс*; казах., кирг., уйг., ног. *коьз*; тат. *куьз* и т. п. В тувинском, хакасском и якутском языках для обозначения этого понятия употребляются фонетические варианты слова *карак*: тув. *карак* (*къаракъ*), хак., якут. *харах*².

5. Бровь — карач.-балк. къаш.

Понятие *бровь* почти во всех тюркских языках передается различными фонетическими вариантами слова *къаш*: азерб., туркм. *гаш*; алт., тат., тур. *каш*; башк., кумык., уйг., кирг.

¹ Ф. Г. Исхаков якут. *суьуьс* генетически связывает со словом *йуьз*, означающим во многих тюркских языках «лицо» (см. сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. IV, лексика, М., 1962, стр. 23. Там же азерб., тур. *алын* «лоб» сравнивает с тув. *арын* «лицо».

² Ф. Г. Исхаков считает, что из двух слов (*коьз*/... и *харах*/...). употребляющихся в современных тюркских языках в значении «глаз», сущ. *коьз* имеет общую этимологию с гл. *коьр* — «видеть», а сущ. *харах*/къаракъ — с гл. *къара* — «смотреть». (См. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I V, лексика, М., 1962, стр. 10).

кѣаш; казах., к.-калп., ног. *кѣас*; узб. *кѣош*: якут. *хаас* и т. п. Исключение составляют чувашский, тувинский и хакасский языки, где это понятие передается соответственно словами *кусь*, *харши*, *хавак кирбии*, *коьмиске*.

6. Рот—карач.-балк. *аууз*.

Данное понятие во всех тюркских языках передается различными вариантами одного и того же слова, звучащими: *авыз* || *ауыз* || *агъыз* || *огъиз* || *эгъиз* || *ахсы* (<*агъзы*) || *аас* и т. д. за исключением лишь чувашского и якутского. В чувашском это понятие передается словом *сѣавар*, в якутском—словом *айах*. Н. К. Дмитриев и Ф. Г. Исхаков чувашское *сѣавар* этимологически связывали с татарским *авыз*, а якутское *айах*—со словом *аякѣ* (*айакѣ*), употребляемым во многих тюркских языках в значении «чаша».¹

7. Язык—карач.-балк. *тил*.

Это слово звучит одинаково в алт., казах., к.-калп., кирг., кумык., ног., узб., уйг., хак. В остальных тюркских языках для передачи этого понятия употребляются различные варианты этого слова: *тел* || *тыл* || *дил* || *дыл* и т. д.

8. Губа—карач.-балк. *эрин*.

Данное слово имеет одинаковое звучание в алт., казах., к.-калп., кирг., кум., ног., тув. В некоторых тюркских языках это понятие передается фонетическими параллелями этого слова: башк., тат., хак. *ирен* || *ирин*; в остальной же части тюркских языков оно передается словами различного происхождения: в азерб., тур., туркм., чув. *додакѣ* || *дудак* || *додак* || *тута*; узб., уйг. *лаб* || *лэп*; якут. *уос*.

9. Борода—карач.-балк. *сакъал*.

Во всех тюркских языках, за исключением лишь якутского, это понятие передается различными фонетическими вариантами слова: *сакъал* || *сакал* || *сагал*. В хакасском, тувинском и шорском языках слово *согъал* || *сал* употребляется как в значении «борода» так и в значении «усы». В тех случаях, когда необходимо различать усы от бороды в этих языках к этим сло-

¹ Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954, стр. 27—28.

вам прибавляются эрин «губа» или эк «подбородок». Например, в хакасском эк сагъалы — борода, ирин сагъалы — усы¹.

10. Щека—карач.-балк. джаякъ (джайакъ), ууурт.

В отдельных диалектах и говорах карачаево-балкарского языка имеются еще следующие фонетические варианты слова *джийакъ*: *зыякъ* (черекский диалект), *жиякъ* || *жиях* || *жияг* (промежуточный диалект). *Ууурт* — специфическое карачаево-балкарское слово. В других тюркских языках нами это слово не зафиксировано.

К карачаево-балкарскому термину *джаякъ* || *зыякъ* по звучанию и значению близки алт. *уаак* (*дыакъ*), кирг. *жаак* (*джаакъ*), кумык. *яякъ*, тув. *чаак* (*чаакъ*), хак. *наах*². Во всех остальных тюркских языках понятие щека передается различными фонетическими вариантами слова *янаг* || *янакъ*... и т. п. Исключение составляют узб., чув., якут. языки, в которых для передачи этого понятия употребляются различные слова (в узб. *лунж*, *чака*; чув. *питсьамарти*, якут. *издэс*)³.

11. Ухо—карач.-балк. къулакъ.

Во всех тюркских языках понятие *ухо* передается различными фонетическими вариантами одного и того же слова, звучащими: в алт., к.-калп., кирг., кумык., тув., тур., уйг. *къулакъ*, в узб. *къулокъ*, азерб. *гулаг*, туркм. *гулак*, тат. *колак* || *къолакъ*, хак. *хулах* и т. д.

12. Нёбо (твердое) — карач.-балк. тынгылауукъ (специфический звуковой вариант общего почти для всех тюркских языков слова: *танглау* || *танглай* || *тангдай* || *тангалай* и т. п., обозначающее понятие *нёба*). В чувашском языке это понятие передается изафетной конструкцией *сыавар маччи* (от чув. *сыавар* «рот» и *мачча* «потолок»).

¹ Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954, стр. 27.

² О фонетических соответствиях й-дж-ж-дь-ч-сь-з в тюркских языках см. Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения), Черкесск, 1963.

³ Некоторые предположения об этимологии слов *лунж*, *питсьамарти*, *издэс*: см. Ф. Г. Исхаков. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. «Исследования по сравнительной грамматике». ч. IV. М., 1962, стр. 44.

13. Усы — карач.-балк. мыйыкъ.

В алт., азерб., башк., кумык., ног., тат., тур., узб., чув., якут. *усы* передается различными вариантами одного слова: *мыйыкъ* || *мыймыкъ* || *мыек* || *мыйых* || *мыйикъ* || *быйык* || *бытык* || *быгъ* и т. д. В остальных тюркских языках, за исключением тувинского и хакасского, это понятие передается фонетическими вариантами слова *мурт* (<*мурут* || *бурут*). В тув. и хак. языках, как было отмечено выше, *усы* называются *эрин салы* и *ирин* || *ирен сагъалы* «губная борода».

14. Туловище (тело человека без головы и конечностей) — карач.-балк. тоьнгек.

Данное слово, по-видимому, является специфическим словом для одного карачаево-балкарского языка в данном значении. Фонетическая разновидность этого слова *тоьнгоьк* в значении *пень* встречается в языке барабинских татар — тюркоязычного населения одного из районов Западной Сибири.¹

В большинстве остальных тюркских языков понятие *туловище* (тело человека или животного без головы и конечностей) передается вариантами одного и того же слова: *кеуде* || *ковьдэ* || *геуде* || *говьде* || *гавда*. А в таких языках, как алт., хак., чув., якут., для передачи этого понятия употребляется общетюркское слово в виде: *эт* || *ит* || *убт* «мясо», в указанных языках имеющее также и значение «тело».

Здесь небезынтересно отметить, что в карачаево-балкарском языке понятие *туловище* (тело животного без головы и конечностей) тоже передается другим специфическим словом *мыллык*², не встречающимся в остальных близкородственных тюркских языках.

Другое дело, понятие *тело* (организм человека в его внешних физических формах) почти во всех тюркских языках, за исключением карачаево-балкарского и кумыкского, передается различными фонетическими вариантами слова: *тан* || *тэн* || *дене* и т. д. Имеет ли это слово этимологическую соотнесен-

¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. т. III, ч. I, Спб, 1905, стр. 1247. В карач.-балк. яз. понятие *пень* передается словом *дуьккуьч* (см. Русско-карачаево-балкарский словарь, М., 1965, стр. 404).

² В. И. Абаев это слово сопоставляет с осетинским *мэллэг* «худой», «тощий». (См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949).

ность со словом *тоьнгек* сказать трудно, так как по мнению части тюркологов, слово *тен* || *тэн* — персидского происхождения¹.

В карачаево-балкарском и кумыкском же языках понятие *тело* (организм человека в его внешних физических формах) передается опять-таки специфическим для этих языков словом *чарх*.

15. Мозг — карач.-балк. мыйы.

Во всех тюркских языках понятие *мозг* передается различными фонетическими вариантами одного и того же слова звучащими: в азерб., тур., туркм. *бейин* || *бейни*; алт., кирг., тув. *мее* || *мээ*; башк. *мейе*; казах., ног. *мый*; к.-калп. *мие*; узб. *мия*, хак. *мии*, тат. *ми*, чув. *миме*, якут. *мэйин*. К карачаево-балкарскому варианту в данном случае наиболее близок казахский и ногайский вариант *мый*. По-видимому, *мыйы* ← *мый* + *ы* (где *-ы*—аффикс принадлежности).

16. Висок — карач.-балк хонча.

Данное слово является специфическим только для одного карачаево-балкарского языка. Генезис слова пока еще неясен. Возможно сближение с чувашским емсе «затылок» и с монгольским анатомическим термином *хуьн* «продолговатая ямка на верхней губе у человека».²

В отдельных случаях понятие *висок* в карачаево-балкарском языке передается словосочетанием *кзулакъ джан* (от общетюркск. *кзулакъ* «ухо» и *джан* || *жан* || *зан* || *йан* «сторона»). В хакасском для передачи этого понятия употребляется слово *чыхчо*, генезис которого, также как и карачаево-балкарского *хонча*, пока неясен. В подавляющем большинстве остальных тюркских языков для передачи этого понятия пользуются одним словом: башк. *сикэ*, казах., к.-калп. *шеке*; кумык., кирг. *чеке*; тат. *чикэ*, туркм. *чекге*, узб. *чакка*, уйг. *чекэ* и т. д.

17. Затылок — карач.-балк. джелке.

В отдельных диалектах карачаево-балкарского языка это слово звучит *желке* || *зелке*.

В большинстве тюркских языков для обозначения понятия *затылок* употребляется это же слово, лишь звучащее в разных языках по-разному. Ср., например: алт. *дытке*, тув.

¹ Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. IV, М., 1962, стр. 40.

² Монгольско-русский словарь, М., 1957, стр. 574.

читке, башк. *елкэ*, кумык., пог. *елке* (*йелке*), казах., к.-калп., кирг. *желке*, тат. *джилкэ*, уйг. *йэлкэ* и т. д.¹

18. **Шёя** — карач.-балк. **боюн** (**бойун**).

Это понятие во всех тюркских языках передается одним и тем же словом, имеющим во всех языках свои фонетические разновидности. Ср. азерб., тур., кумык., турк., уйг. *боюн* (*бойун*); алт., казах., к.-калп., ног., хак. *мойын*, башк. *муйын*, узб. *буйин*; чув. *мый*, якут. *моой* и т. д.

19. **Сердце** — карач.-балк. **джуьрек**.

В некоторых диалектах и говорах карачаево-балкарского языка это слово звучит *жуьрек* || *зьюрек* и имеет прямую генетическую связь с фонетическими вариантами слова: *уьрек* || *йоьрек* || *йурак* || *чуьрек* и т. д., употребляемым в остальных тюркских языках в том же значении.

20. **Печень** — карач.-балк. **бауур**.

Слово *бауур* (в соответствующих фонетических вариантах) имеется в абсолютном большинстве тюркских языков. Ср. алт. *буур*, башк., кумык., казах., к.-калп., ног., тат. *бауыр* || *бавыр*, кирг. *боор*, азерб., тур., туркм. *багъыр*, уйг. *бегъир*, хак. *паар*, чув. *певер*, якут. *быар*.

12. **Легкие** — карач.-балк. **оьбке**.

Почти во всех тюркских языках понятие *легкие* передаются различными вариантами этого же слова. Ср. к.-калп. *оьлке*, кирг. *оьпков*, кумык. *оьпге*, алт. *оьклоь*, башк., тат. *уьлкэ*, казах., тув., ног. *оькпе*, чув. *уьпке* и т. д.

Проф. Н. К. Дмитриев и Ф. Г. Исхаков полагали, что вариант *оькле* || *уькле* более первичен, чем *оьбке* || *оьпке*, || *уьпке*, не приводя в пользу сказанного никаких доказательств².

22. **Почки** — карач.-балк. **буьрек**.

Это слово (в соответствующих фонетических разновидностях) встречается во всех тюркских языках. Ср. азерб. *боьйрэк*, алт. *боьроьк*, башк. *боьйоьр*, казах., к.-калп., ног. *буьйрек*, тув. *буьуьрек*, тур. *боьбрек*, туркм. *боьврек*, хак. *пуьуьрек* и т. д.

¹ Слово *джелке* || *желке* || *елке* || *йэлкэ* Ф. Г. Исхаков этимологически возводит к корню *джал* || *йэл* || *ял* «*грива*». (См. сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», М., 1962, стр. 14).

² Проф. Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1952, стр. 31.

23. Плечо — карач.-балк. имбаш.

Наиболее близкими к карачаево-балкарскому термину *имбаш* по звучанию и по значению являются башк., тат. *ингбаш*, кумык. *имбаш*, чув. *анпуҫси*. В подавляющем большинстве остальных тюркских языков это понятие передается различными вариантами одного слова: *ийин* || *ийн* || *эгин* || *ингни* и т. д.¹

24. Рука—карач.-балк. кьол.

Понятие *рука* почти во всех тюркских языках передается различными вариантами одного слова: *кьол* || *кол* || *гол* || *хол* || *кул* || *хул* и т. д. В некоторых языках для обозначения *руки* употребляется и слово *эл* || *ле* || *ел*.

25. Ладонь—карач.-балк. аяз, кьол аяз.

В остальных тюркских языках понятие *ладонь* передается различными словами: *алакъан*, *авуч*, *адыш* || *атыс*, *ая* и т. д. Ср., например, азерб. *овуч ичи*; алт., казах., к-калп., кирг. *алакъан*; ног., туркм., хак. *ая*; башк. *ус*, тат. *уч*, тув. *адыш*, якут. *ытыс* и т. п. Иногда, как и в карачаево-балкарском языке, понятие *ладонь* в некоторых близкородственных языках передается описательно. Например: кумык. *кьолну аясы*, казах. *кьолдын аясы*, тур. *ел айасы*; ср. карач.-балк. *кьолну аязы*.

26. Палец — карач.-балк. бармакъ.

Соответствующие фонетические варианты этого слова имеются почти во всех остальных тюркских языках.

27. Ноготь — карач.-балк. тырнакъ.

Для передачи понятия *ноготь* во всех тюркских языках (в том числе и в языке карачаевцев и балкарцев) выступает одно и то же слово *тырнакъ* || *тырмакъ* || *тирмакъ* || *тыргъах* || *дырнаг* || *дырнак* и т. д., состоящее из мертвого корня *тыр* || *тир* || *дыр* и сложных аффиксов *-накъ* || *-наг* [*<на+къ(г)>*], *-макъ* || *-макъ* [*<ма+къ(к)>*], *-гак* || *-гах* [*<га±к(х)>*].

28. Кулак — карач.-балк. джумдурукъ.

В отдельных диалектах карачаево-балкарского языка это слово употребляется еще и в формах *жумдурукъ* || *жумдрукъ* || *зумдурух* || *зумдрух* || *зумурух* || *зумрук*.

¹ Подробно см. Ф. Г. Исхаков. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. (Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. IV Лексика, М., 1962. стр. 29).

В остальных тюркских языках встречаются следующие варианты этого слова: азерб. *юмруг* (*йумруг*), алт. *йузрук* (*дубьзрукъ*), кирг. *жудурук*, к.-калп. *жудырыкъ*, кум. *юмурукъ* (*йумурукъ*), ног. *юмырык* (*йомырык*), турк. *юмрук* (*йумрукъ*), якут. *сутурук*. В хакасском языке понятие *кулак* передается словом *нузурух*. По-видимому, вариант *нузурух* является вариантом *зумдурух*. В варианте *нузурух* имеет место метатеза *з > н*. Если эти согласные поставить на свои места, получится *зунурух*, что вполне сравнимо с карачаево-балкарским диалектным *зумдурух* || *зумурух*. Если это так, то данное обстоятельство представляет большой научный интерес, с точки зрения генезиса так называемого зоканья в тюркских языках.

29. Колено — карач.-балк. *тобукъ*.

Фонетические параллели этого слова с тем же значением встречаются только в башкирском — *тубыкъ* и в якутском — *тобух*. В других тюркских языках, кроме чувашского, понятие *колено* передается различными вариантами одного слова: *диз* || *дыз* || *тиз* || *тез* || *тис* || *тизе* || *дзе*... и т. п. В чувашском языке для передачи понятия *колено* употребляется слово *черкусси*¹.

30. Ребро — карач.-балк. *иеги* (*ийэги*).

Фонетическую разновидность этого слова также находим в современном тувинском языке в форме — *ээги* (*эги*). Подобная общность между этими тюркскими языками, территориально наиболее отдаленными друг от друга, заслуживает пристального внимания и все еще ждет должного научного освещения. В других языках тюркской языковой семьи, за исключением чувашского и якутского, понятие *ребро* передается соответствующими фонетическими вариантами одного слова: *къабыргъа* || *къабургъа* || *кабарга* || *къобургъа* || *габыргъа* || *гапыргъа* || *хабыргъа*... и т. п.²

31. Локоть — карач.-балк. *чына* || *чыначыкъ*.

Представителями балкарского диалекта карачаево-балкарского языка понятие *локоть*, помимо приведенных слов, передается и термином *джингирик* || *жингирик*.

¹ Слово *гопу* встречается и в азербайджанском языке, но в значении «лодыжка», «щиколотка». (См. азербайджанско-русский словарь, Баку, 1962, стр. 202).

² Слово *къабыргъа* в карачаево-балкарском языке означает «бж. (туловище), стена». См. Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965, стр. 47.

В большинстве современных тюркских языков данное понятие передается различными вариантами одного и того же слова: *дирсек* || *терһэк* || *тирсек* || *терсэк* || *тирсак*... и т. п.

К карачаево-балкарской форме *чыначыккъ* по значению и по звучанию наиболее близка алтайская форма слова *чангчакъ*, что, опять-таки, вызывает определенный научный интерес.

В хакасском, киргизском, каракалпакском, ногайском и тувинском языках понятие *локоть* передается различными вариантами одного слова: *чыгъанах* || *чыканак* || *шыганак* || *шенек*... и т. п.

Вполне возможно, что карачаево-балкарское *чыначыккъ* || *чына* и алтайское *чингчакъ* исторически одного и того же происхождения с *чыканак* || *шыганак*... и т. п.

Особенно очевидна генетическая связь между словами: *чына* и *шене*.

32. Желудок — карач.-балк. *ашхын*.

Один из фонетических вариантов этого слова в значении *желудок* встречается в караимском языке: *аксын* || *ахсын*¹.

Проф. В. И. Абаев это слово возводит к иранскому источнику. Так, осетинское *ахсэн* «желудок», «сычуг» он считает отглагольным именем от *ахсун* «створаживать» (молоко при изготовлении сыра)», а отмеченное выше в караимском *аксын* || *ахсын* рассматривает как заимствованное из аланского языка².

Такую точку зрения на генезис слова *ашхын* || *ахсын* поддерживает и составитель «Грамматики караимского языка» К. М. Мусаев, который пишет: «О связи караимов с аланами говорят осетинско-караимские параллели: осет. *цыхт* || *цыгъд*, кар. *чыгъыт* || *чыгъыт* «сыр», ср. чув. *чакат* «сыр», осет. *ахсэн*, кар. *аксын* || *ахсын* «желудок», «сычуг». Движение этих слов шло в направлении от аланского языка»³.

На самом же деле рассматриваемый анатомический термин — исконно тюркский и этимологизируется как «сосуд || футляр для пищи» *ашхын* < *аш* + *хын* (от общетюркского *аш* «пища» и *кзын* || *хын* «футляр, сосуд») ⁴.

В части других тюркских языков (башк., кумык., уйг.) для

¹ К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка, М., 1964, стр. 19.

² В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, стр. 91.

³ К. И. Мусаев. Ук. соч., стр. 19.

⁴ Ср. тув. *хын* «ножны» (см. Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 69).

передачи понятия *желудок* употребляется составной термин *ашкъазан* (от общетюркского *аш* «пища» и *къазан* «котел»).

33. **Горло**—карач.-балк. *тамакъ, богъурдакъ*; кумык. *тамакъ* ног. *богурдак*.

В большинстве остальных тюркских языков понятие *горло* передается различными фонетическими вариантами одного и того же слова: *богъаз* (азерб.) || *богъах* (башк.) || *богъуз* (уйг.) || *богаз* (тат.)... и т. п.

II. Слова, связанные с анатомией животных

1. **Рог** — карач.-балк. *муьйуьз*, кирг., кумык. *муьйуьз*, алт., хак. *муьуьс*.

В других тюркских языках употребляются различные фонетические варианты этого же слова: *буйнуз* (азерб.) || *моьгоьз* (башк.) || *муьйъз* (казах.) || *мугуз* (узб.) || *муьгуьз* (уйг.) || *муос* (якут.)... и т. п.

2. **Клык** — карач.-балк. *азу тиш, къабан тиш*, кумык. *уллу тиш, къобан тиш*; азерб. *коьпэкдиши*; уйг. *ян чиш*.

В современном карачаево-балкарском языке изафетным сочетанием *азу тиш* передается еще и понятие «коренной зуб» (Ср. башк. *азу* «коренной зуб»)¹.

3. **Клюв** — карач.-балк. *къушну* || *къанатлыны бурну*.

Аналогия наблюдается в современном кумыкском и татарском языках, где понятие *клюв* передается изафетной конструкцией *къуш бурун* || *кош борны* соответственно.

В большинстве остальных тюркских языков для передачи понятия *клюв* употребляются различные варианты одного и того же слова: *димдик* (азерб.) || *думчук* (тув.) || *тумчук* (алт.) || *тумшук* (кир.) || *тумшукъ* (узб., уйг.) || *тумзук* (хак.) || *тумус* (якут.) и т. д.

Таким образом, слово *бурун*, обозначающее почти во всех других тюркских языках «нос», в карачаево-балкарском, кумыкском и татарском языках используется и в значении «клюв», употребляясь в изафетном сочетании со словом *къуш* || *кош*, означающим «птица».

В свою очередь в тувинском и алтайском языках слово *думчук* || *тумчук* употребляется как для обозначения понятия *клюв*, так и для обозначения понятия *нос*, т. к. в этих языках нет другого слова для обозначения понятия *нос*. В казахском и уз-

¹ Башкирско-русский словарь. М., 1958, стр. 23.

бекском языках же слова *тумсыкъ* и *тумшыкъ* означают также и *клов*, и *нос*, хотя для обозначения понятия *нос* в этих языках имеется и слово *мурын* || *бурун*.

4. **Крыло** — карач.-балк. **къанат** (ср. *канат* || *къанат* || *къанот* || *кынат* || *ганад* || *ганат* || *ханат*... и т. п. в большинстве других тюркских языков).

5. **Копыто** — карач.-балк. **туякъ** (**туйакъ**).

В отдельных диалектах и говорах карачаево-балкарского языка это слово звучит *туьйакъ* (*туьякъ*), *туьйах* (*туьях*)¹.

В других тюркских языках, за исключением азерб., тур., чув., понятие *копыто* передается различными фонетическими параллелями этого же слова: алт. *туйгак*, баш. *тоякъ*; каз., к.-калп., кумык., уйг. *туяк*; тат. *тояк*; тув. *туюг*, туркм. *тойнок*, узб. *туёкъ*, хак. *туйгъах*, якут. *туйах*.

Здесь заслуживает внимания близость по звучанию и по значению карач.-балк. (диалект). *туьйах* с якут. *туйах*.

В современном азербайджанском и турецком языках понятия «копыто» и «ноготь» обозначаются одним и тем же словом *дырнаг* || *тырнак*.

6. **Хвост** — карач.-балк. **къуйрукъ**.

В остальных тюркских языках употребляются другие фонетические варианты этого же слова: азерб. *гуйруг*, алт., кирг., кумык. *къуйрукъ*; тув. *кудурук*, хак. *хузурук*, чув. *хуьре*, якут. *кутурук*... и т. п.

Это слово в форме *хурзук* (ср. хак. *хузурук*, шор. *кузрук*) сохранилось в топонимике Карачая².

7. **Коготь** — карач.-балк. **тырнакъ**.

Понятия *коготь* и *ноготь* в карачаево-балкарском языке, как и в подавляющем большинстве других тюркских языков, передаются одним и тем же словом. Для передачи понятия *коготь* имеются отдельные слова лишь в азербайджанском — *джайнаг*, *пэнджэ*, туркменском — *ченке*, *пенже*; хакасском — *айгъах*.

8. **Грива** — карач.-балк. **джал**.

¹ Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962, стр. 187.

² На территории Карачая с ледников Эльбруса — Битюк-Тюбю и Кюкюртлю берет начало р. Уллу Хурзук, с ледников Главного Кавказского хребта — р. Уллу Кам. Слияние Уллу Хурзука и Уллу Кама образуют р. Хурзук — один из правых истоков Кубани. На берегу этой реки расположено старинное карачаевское селение Хурзук. По-видимому, гидроним первичен, а по нему стали именовать и место поселения.

В отдельных диалектах и говорах карачаево-балкарского языка, это слово звучит *жал* || *залкџа*.

В этом значении и в этом звучании это слово встречается в казахском, к.-калпакском и киргизском языках—*жал* || *джал*. В подавляющем большинстве остальных тюркских языков это понятие передается вариантами того же слова: *йал* || *дыал* || *чел* || *ѐл*...

III. Слова, связанные с анатомией растений

1. **Ветка** — карач.-балк. *бутакъ*, ср. азерб. *будаг*, алт. *будак*, башк. *ботакъ*, казах., кумык., *бутакъ*, к.-калп., уйг. *путакъ*... и т. п.¹

2. **Колос** — карач.-балк. *кыылкы*².

Данное слово является специфическим для одного карачаево-балкарского языка. Очень часто понятие *колос* карачаевцами и балкарцами передается и изафетным сочетанием, где первым компонентом выступает название того или иного колосового, а вторым — слово *баш*. Например: *будаы баш* «пшеничный колос», *арна баш* «ячменный колос» и т. п. Ср. тув. *тараа бажы* «колос».

В остальных тюркских языках употребляются другие слова: в азерб., тур., туркм., *суьнбуьл* || *суьммуьл*, алт. *мажак*; башк., кумык., уйг. *башакъ*, казах., к.-калп. *масакъ*, ног. *масак*, тат. *башак*, хак. *пазах*, чув. *пучах*... и т. п.

3. **Корень** — карач.-балк. *тамыр*.

В подавляющем большинстве других тюркских языков употребляется то же слово, лишь в соответствующих фонетическим особенностям того или иного языка вариантах, например: алт., башк., казах., к.-калп., кирг., тат. *тамыр*, кумык. *тамур*, узб., уйг. *томир*, чув. *тымар*, турк. *дамар*... и т. п.

4. **Лист** карач.-балк. *джапракъ*.

Наиболее близкими вариантами этого слова по звучанию являются к.-калп. *жапыракъ* || *джапыракъ*, каз. *жапракъ*, кир. *жалбырак*, алт. *дыалбыракъ*.

В остальных тюркских языках понятие *лист* передается другими вариантами этого слова: в азерб., тур. *ярпаг* || *йарпаг*, ку-

¹ Ф. Г. Исхаков слово *бутакъ* (и его варианты) склонен этимологизировать как *бут* «нога»+аффикс-акъ || -ак || -аг || -ок || ук, но это недостаточно надежно. (См. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», М., 1962, стр. 45).

² Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965, стр. 230.

мык. *япыракъ*, ног., турк. *япрак*, тат. *яфрак*, узб. *ёпрокъ*, уйг. *йопурмак...* и т. п.

5. **Почка** — карач.-балк. **чирчик**.

Это слово является специфическим для одного карачаево-балкарского языка.

В остальных тюркских языках употребляются другие слова, например, в азерб., тур. *тумурчуг* || *томигсик* алт., хак. *буьрчуьк* || *пуьрчик*, баш. *бобрь*, казах., ног. *буьр*, кумык. *бюр*, чув. *пуьре...* и т. п. Вполне возможно, что карачаево-балкарское *чирчик* имеет этимологическое соответствие общетюркским словом *чичек* || *чечек...* обозначающим понятие «цветок».

6. **Трава** — карач.-балк. **ханс**, **кырдык**.

Ни в одном из других тюркских языков понятие трава этими словами не передается. Слово *ханс* имеет свои соответствия только в монгольском *хэнз* и бурятском *хэнзэ* со значениями: «1) вторая трава, вырастающая после покоса, отава и 2) родившийся осенью, поздний (о молодняке скота)».¹

По-видимому, слово *ханс* || *хэнз* || *хэнзэ* относится к общетюркско-монгольскому пласту лексики тюркских и монгольских языков. Что же касается карачаево-балкарского *кырдык*, то вопрос о его генезисе может быть решен двояко: 1) термин *кырдык* сопоставим с карач.-балк. *къырдыш*, тат. *кыртыш* «непаханная земля», «целина»², 2) заимствовано из осетинского языка, ср. осет. *кэрдэг* «трава»³.

В подавляющем большинстве других тюркских языков для передачи понятия *трава* употребляется слово *от* || *оьт* || *ут...* Сохранилось это слово и в карачаево-балкарском языке, но только в составе слов типа *отлау* «выпас, пастбище», *отларгъа* — *отлатыргъа* «пасти (скот)» и т. п.

7. **Стебель** — карач.-балк. **сабакъ**, **чоьб**, **къаура**, **саптагъай**.

Термины *сабакъ* и *чоьб* для обозначения понятия *стебель*, *трава* встречаются и в остальных тюркских языках, ср. алт.,

¹ Монгол орос толь, М., 1957, стр. 690; Бурят-могальско-русский словарь, М., 1951. Ср. еще тув. *анай* «козленок», *хенче анай* «родившийся осенью, поздний козленок». (А. В. Гребнев. Тувинский героический эпос, М., 1960, стр. 76).

² Д. Г. Тумашева. Язык западносибирских татар (на тат. яз.), Казань, 1961, стр. 160.

³ В. И. Абаев осет. *кэрдэг* «трава» считает лексикализированным причастием от *кэрдин* «косить»; буквально «косимое» (см. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, М.-Л., 1958, стр. 582).

кирг., ног., тат. *сабак*, казах. *сабакъ* «стебель»; алт., кирг., уйг. *чопл* «трава» и т. п.

Карачаево-балкарскому *саптагъай* по звучанию и по значению соответствует кумык. *саптакъ*. Термин *къаура* является специфическим только для карачаево-балкарского языка.

8. Цветок — карач.-балк. *гокка ханс*, *гуьл*.

Слово *гуьл* является (специфическим для представителей балкарских диалектов) фонетическим вариантом слова *гуьл* || *гоьл* || *гул*.... общего для подавляющего большинства тюркских языков. Представителями же карачаевского диалекта понятие *цветок* передается термином *гокка ханс*, специфическим только для них.

IV. Соответствия по терминам родства

Общеизвестно, что термины родства и родственных отношений относятся к наиболее архаическим пластам лексики и изучение их в сравнительно-историческом плане представляет значительную ценность не только с точки зрения лингвистики, но и с точки зрения этнографии и истории.

Следовательно, эти слова в своем абсолютном большинстве, являются частью основного словарного фонда каждого языка.

В своем классическом произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс указывает, что система терминов родства сохраняется очень долго, она существует в течение столетий даже после замены одной системы родственных отношений другой.¹

Таким образом, важность изучения терминологии родства и родственных отношений определяется тем, что они обозначают жизненно важные понятия, обладают устойчивостью на протяжении столетий и служат ценнейшим материалом как для диахронического изучения языка, так и для изучения истории и этнографии его носителей.

Термины родства по крови

1. Понятие *отец* в карачаево-балкарском языке выражается термином *ата*. Этот термин имеется в подавляющем большинстве современных тюркских языков. В азерб., башк., казах.,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948, стр. 36—37.

к.-калп., кирг., тат., тур., туркм., уйг. он выступает в фонетическом варианте *ата*, совпадающим с вариантом этого слова, встречающимся в языке памятников древнетюркской письменности: *ата*¹.

Слово *ата* в карачаево-балкарском языке, кроме своей корневой формы, употребляется еще в составе сложных терминов *улуу ата* «прадед», *кзарт ата* «дедушка, дед», *кзайын ата* «тесть», *оьге ата* «отчим», *болуш ата* «попечитель (выполняющий функции отца или старшего во время женитьбы)», *асырагъан ата* или *аталыкъ* «приемный отец»².

Чувашскому литературному — *атте* «отец» в карачаево-балкарском языке соответствует *аття* (*атт'а*) «папа, папенька».

Л. А. Покровская в своей работе «Термины родства в тюркских языках» указывает, что — парное словосочетание *ата-баба* имеется во всех тех тюркских языках, где употребляются оба указанных термина»³.

Заметим, что сочетание *ата-баба* «предки» широко употребляется в карачаево-балкарском языке, хотя в отдельности термин *баба* в языке карачаевцев и балкарцев не бытует (если не считать единственного случая, зафиксированного в топонимии Балкарии: *Бабугент* < *баба* + *гент* || *кент* «селение дедов», «жилище предков»).

В карачаево-балкарском языке, как и в некоторых других тюркских языках (напр.: в башк., кирг. и др.)⁴ наблюдается специфическое употребление слова *ата* с аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч. *-сы*: *ата* + *сы* < *атасы* «отец» (досл. «отец его», т. е. отец ребенка) — как обращение жены к мужу. Аналогичное употребление имеет и термин *ана*: *ана* + *сы* < *анасы* (досл. «мать его», т. е. мать ребенка) — обращение мужа к жене.

Ср. еще термины *атабыз* (< *ата* + аффикс принадлежности 3-го л. мн. ч.) дословно «отец наш», т. е. отец моего мужа

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 361.

² Очень часто термин *аталыкъ* заменяет и сочетание *оьге ата* «отчим». Отнесение термина *аталыкъ* к «отчиму» возможно было связано с пережиточным обычаем левирата, т. е. обычной выходить замуж за брата умершего мужа.

³ Сб. Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, стр. 25.

⁴ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 25.

и термин. *анабыз* (< *ана* + аффикс принадлежности 3-го л. мн. ч.) дословно «мать наша», т. е. мать моего мужа — обращение невестки к тестю и свекрови соответственно.

Все четыре термина в карачаево-балкарском языке являются своего рода эвфемизмами и произносятся с особой интонацией.

2. Понятие *мать* по-карачаево-балкарски выражается термином *ана*. Данное слово звучит одинаково в азерб., гаг., казах., к.-калп., тат., уйг. и совпадает с вариантом этого слова, известным по памятникам древнетюркской письменности: *ана* «мать».¹

В отдельных тюркских языках имеются и другие фонетические разновидности этого слова: алт., кирг., тув., туркм. *эне*, хак. *ине* || *иней*, узб. *эна*, башк. *эсэй* и т. п. Чувашскому варианту *анне* «мать» в карачаево-балкарском соответствует *ання* — ласкательное обращение (нечто вроде «мамаша»).

В отличие от некоторых других тюркских языков, в которых многие термины родства сохранили звательную форму, в карачаево-балкарском языке в указанной форме зафиксирован только один термин *анай* (< *ана* + аффикс-й) и то в языке фольклорных записей, как почтительное обращение к сказочной великанше — чудовищу эмеген.

Для иллюстрации сказанного приведем небольшой отрывок из сборника «Балкарские народные сказки»².

Джаш айлана-джюрюй узакъ кетгенди. Бара-бара бир таулагъа джетгенинде, бир эмеген къатынны кёргенди. Эмеген къатын, эки эмчегин эки имбашына атыб, джерни джарылгъанын джамай тургъанлай, джанлай барыб, бир эмчегин аузуна салыб: «Ай, *анай*, *анай*», — деб сёлешгенди. Эмеген катын артха айланыб:

«Ай, бир дженгил бала болдунг ансы, нечик татлы къабын боллукъ эдинг», — деб ёкюнуб кючсюннгенди.

Эмеген къатын джашчыкъны кесине бала этиб, ызы бла нек айланнганын, не излегенин соргъанды.

Джаш: «*Анай*, бизни джылкъыбыз сюрюлгенди да, мен аны излей чыкъгъанма. Энди къайры барыргъа билмейме», — дегенди.

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 358.

² Малкъар халкъ жомакъла. II т., Нальчик, 1963, стр. 14—15.

«Юноша в поисках долго бродил — ушел далеко. Когда он дошел до каких-то гор, то увидел женщину-эмегена. Женщина-эмеген, закинув обе груди за плечи, штопала трещину земли. Юноша, подкравшись незаметно, прижался губами к ее груди и молвил: «Ай, *анай*, *анай*». Женщина-эмеген обернулась и, горько вздохнув, сказала: «Твое счастье, что ты так быстро смог стать сыном, а так был бы вкусным куском».

Женщина-эмеген после усыновления его спросила о том, что нужно ему.

Юноша: «*Анай*, угнан наш табун и я вышел на поиски, но не знаю, куда идти».

Необходимо указать также на то, что слово *ана*, как и термин *ата*, употребляется еще в составе сложных терминов: *улли ана* «прабабушка» (досл. «большая мать»), *кэарт ана* «бабушка» (досл. «старая мать»), *оьге ана* «мачеха», *кэайын ана* «теща, свекровь», *эмчек ана* «кормилица» и т. п.

В карачаево-балкарской системе родства понятие «мачеха» иногда передается и термином *аналыкэ* (<*ана*+аффикс—*лыкэ*, где аффикс — *лыкэ* служит для образования как бы «вторичного» термина родства от «первичного» термина *ана* «мать»).

Понятие *брат* в карачаево-балкарской системе родства передается термином *кэарнаш* || *кэарындаш*. Этот термин известен почти во всех тюркских языках в трех формах: *кэарындаш*, *кэарнаш*, *кардош*.

Форма *кэарындаш* является более древней и совпадает с вариантом слова, зафиксированным в древних памятниках¹. Этимологизируется как «единоутробник, соутробник» (от общетюрк. *кэарын* «чрево», «утроба» + аффикс *-даш*, обозначающий соучастника, сотоварища).² Ср. еще азерб., узб. *вэтэндаш* || *ватандаш* (<*вэтен* || *ватан* «родина» + афф.-*даш*) «соотечественник»; кирг. *айылдаш* (<*айыл* «аул» + афф.-*даш*) «соаулец, одноаулец», турк., тув. *атдаш* || *атташ* (<*ат* «имя, название» + афф.-*даш* || *таш*) «одноименный, тетка» и т. п.

Другие формы — *кэарнаш* || *кардаш* произошли от первой в результате процесса ассимиляции и последующего стяжения звуков следующим образом:

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 412.

² О происхождении и составе аффикса *-даш* см. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 107—108

къарыннаш (нд > нн) → къарынаш → къарнаш
 ↑
 къарындаш || карындаш
 ↓
 карындаш (нд > дд) → карындаш → кардаш

Значение термина *къарындаш* || *къарнаш* || *кардаш* в различных современных тюркских языках неодинаково. Так, в азерб., алт., карач.-балк., туркм., узб., хак. этим термином, в соответствующих фонетическим особенностям того или иного конкретного языка звуковых вариантах, передается понятие *брат* (вообще), без дифференциации по старшинству. В ряде же тюркских языков этим термином обозначается понятие *сестра* или *младшая сестра* (по отношению к старшему брату). В турецком языке термин *кардеш* обозначает одновременно понятия «брат» и «сестра». Для указания пола к слову *кардеш* в данном случае прибавляются соответствующие определители мужского или женского рода, т. е. слова со значением «мужчина» или «женщина». Например: *еркек кардеш* «брат» (досл. «мужчина-брат»), *кыз кардаш* «сестра» (досл. «девушка брата»). Ср. еще кумык. *къызардаш* (<къыз къардаш), гаг. *кыз кардаш* «сестра».

Такое употребление термина *къарындаш* || *къарнаш* || *кардаш*, по всей вероятности, объясняется особенностями системы родства у различных тюркских народов. Так как этот вопрос является объектом этнографии, мы в настоящей лексико-логической работе рассматривать его не будем.¹

В заключение коротко отметим то, что при помощи термина *къарындаш* || *къарнаш* в карачаево-балкарском языке образуется ряд описательных терминов родства, например: *эмчек къарындаш* || *къарнаш* или *сют къарындаш* || *къарнаш* «молочный брат», *оьге къарындаш* || *къарнаш* «сводный брат» *ант къарындаш* || *къарнаш* «побратим, давший обет вечной дружбы», *ата къарнаш* || *къарнаш* «дядя» (брат отца) *ана къарындаш* || *къарнаш* «дядя» (брат матери) и т. п.

4. Из всех современных тюркских языков только в карачаево-балкарском понятие *сестра* передается термином *эгеч*.

Этот термин сопоставим с монгольским *эгч* «старшая сестра» и хакасским *игэчи* «старшая сестра мужа» и является, по видимому, р е л и к т о м тюрко-монгольской языковой общности.

¹ Более подробно о семантической дифференциации форм *къарындаш*/*къарнаш*/*кардаш* в тюркских языках см. Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 38—41.

Небезынтересно упомянуть здесь о том, что это слово с аффиксом принадлежности 1-го л. ед. ч. *эгечим* карачаевцами и балкарцами употребляется еще и как обращение к незнакомой женщине (нечто вроде русского «тетушка») и произносится с особой интонацией.

Термины родства по браку

1. Как и в большинстве современных тюркских языков понятие *муж* в карачаево-балкарском языке передается термином *эр*, являющимся фонетическим вариантом слова, зафиксированного в памятниках древнетюркской письменности¹.

Приведем фонетические варианты этого слова по линии гласного в современных тюркских языках: алт., казах., к.-калп., карач.-балк., кирг., тув., тур., узб., якут. *эр*; чув. *ар.*, азерб., туркм., уйг., шорск. *эр*; башк., тат., хак. *ир*. Ср. еще бур.-монг. *эрэ*. «муж, мужина», монг. *эр* «муж, мужина»².

Следует заметить, что общее значение слова *эр* во всех тюркских языках не ограничивается передачей понятия «муж», а гораздо шире и означает не только «муж», но и «мужчина». При этом слово *эр*, как указывает Л. А. Покровская, во втором значении выступает «не единственно как показатель пола, но с ярко выраженным оттенком «храбрый, сильный мужчина, герой, богатырь»³.

В карачаево-балкарском языке, как и в некоторых других тюркских языках, слово *эр* в качестве показателя пола обычно употребляется в сочетании с общетюркским словом *киши* «человек», например, *эр киши* «мужчина». Ср. еще башк., тат. *ир кише*; тув. уйг. *эр киши*, якут. *эр киһи* и т. д.

В языке памятников древнетюркской письменности от слова *эр* «муж, мужина» указано также производное слово *эр-как* «самец»⁴.

Слово *эркек* имеется и в карачаево-балкарском и служит показателем мужского пола по отношению к животным: *эркек эшек* «осел», *эркек бизоу* «теленок», *эркек киштик* «кот» и т. п.

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 365.

² Монгольско-русский словарь. М., 1957, стр. 675; К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951, стр. 738.

³ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков; М., 1961, стр. 57.

⁴ С. Е. Малов. Там же.

Здесь небезынтересно отметить то, что очень часто карачаевцами и балкарцами понятие «петух» передается несколько необычным как для норм самого карач.-балк. языка, так и вообще тюркских языков, сочетанием *тауукъ эркек*, где определяемое предшествует определению.

В отличие от некоторых других тюркских языков в карачаево-балкарском языке слово *эркек* в качестве показателя мужского пола по отношению к человеку почти не употребляется. Ср., например, к.-калп. *эркек адам* «мужчина», кирг. *эркек бала* «мальчик», туркм. *эркек оглан* «мальчик», *эркек адам* «мужчина» и т. п.¹ Словосочетания типа: *эркек киши*, *эркек адам*, *эркек улан* и т. п. в карачаево-балкарском языке соответственно осознаются как «смелый, мужественный человек», «смелый, мужественный юноша» и т. д.²

2. В карачаево-балкарской системе родства понятие *жена* передается термином *къатын*. Этим же словом передается и понятие «женщина», хотя и имеется специальный термин *тиширыу* (< *тиши* + *ырыу*), где *тиши* — показатель женского пола, что же касается второго компонента *ырыу*, то значение его неясно для современного носителя карачаево-балкарского языка. Допустимо сближение с башкирским *ырыу* со значением «племя»³. Ср. еще карач.-балк. *эркекырыу* «мужчина» наряду с термином *эркиши*.

Термин *къатын* известен большинству современных тюркских языков и является фонетической разновидностью слова *къатун* || *хатун*, зафиксированного в древних памятниках со значением «дама» (княгиня), жена важного человека⁴. Ср. еще бур.-монг. *хатан* «ханша, царица, княгиня» и монг. *хатан* «знатная госпожа».

В карачаево-балкарском языке термин *къатын* наряду с основными значениями «жена, женщина, замужняя женщина», может носить и пренебрежительный оттенок — «баба». На аналогичное пренебрежительное употребление термина *кадыт* «же-

¹ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 58.

² В просторечии карачаевцами и балкарцами омонимичное *эркек* употребляется и как анатомический термин «анальное отверстие».

³ Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII в. Сб. «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 65.

⁴ С. Е. Малов. Ук. соч. стр. 442.

на», «женщина», «замужняя женщина» в алтайском языке указано и в работе Л. А. Покровской¹.

Наряду с термином *кзатын* в карачаево-балкарском языке в значении «жена, супруга, домохозяйка» употребляется составной термин *уьй бийче* (досл. «домашняя госпожа» от *уьй* «дом» и *бийче* «госпожа, княгиня»). Аналогичным термином *уьбийчя* || *уьбийце* передается понятие «домохозяйка», «супруга» и в караимском языке². Ср. еще башк. *бийсэ* «жена» и тат. *бичэ* «жена», «супруга».

В словах *бийче* || *бийчя* || *бийце* || *бийсе* || *бичэ* и т. п. аффикс-*че* || *-чя* || *-це* || *-чэ* является показателем женского рода. Ср., например, карач.-балк., караим. *бий* «господин, князь»; *бийче* || *бийчя* «госпожа, княгиня»; караим. *сювар* «любимый», *сюварчя* «любимница», *дост* «друг», *достча* || *достца* «подруга» и т. д.³

Существование в тюркских языках специальных форм для выражения представителей женского пола разные тюркологи объясняли по-разному. Так, например, А. Зайончковский и П. Ковалевский это явление в караимском языке ошибочно считают результатом влияния славянских языков⁴.

Л. А. Покровская аффикс - *сэ* в башкирском языке в словах типа *бий+сэ* считает одним из фонетических вариантов уменьшительно-ласкательного аффикса *-ча* || *-жа* || *-ша* || *са*⁵.

По мнению же проф. С. М. Шапшал показатели женского пола типа *-ча* || *-че*, *-ка* имелись еще в языках хазар⁶. На употребление этого аффикса в качестве морфологического показателя женского рода в тюркских языках указывал и Н. К. Дмитриев⁷.

Нам думается, что рассматриваемый аффикс имеет общий генезис с биологическим показателем пола животных в языках алтайской группы-*джин* || *-жин* || *-чин* в словах типа монг. письм.

¹ Л. А. Покровская. Ук. соч., стр. 59.

² К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 123.

³ По мнению башкироведа Х. Г. Юсупова, слово *бийсэ*/ *бийче* в период своего возникновения означало жену бия, затем распространилось и на всех женщин. (Сб. «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 130).

⁴ К. М. Мусаев. Там же.

⁵ Л. А. Покровская. Ук. соч., стр. 59.

⁶ Шапшал оглу Серийя. Кыргыз карай тюрклерин. Сб. «Тюрк йылы», Стамбул, 1928.

⁷ Н. К. Дмитриев. О категории грамматического рода в азербайджанском языке. «Известия Акад. пед. наук РСФСР», вып. 40. 1952, стр. 99.

тегҗин (*мегджин*) «самка кабана», монг. *гунжин* «трехлетняя телка», карач.-балк. *бегеджен* || *мегежин* || *мегезин* «свиноматка», узб. *мегажин* «самка кабана», ног. *кунажин* телка по третьему году, нетель»; карач.-балк. *кѣунаджин* «телка от двух до трех лет», кумык. *хонажин* «телка» и т. п. и является *реликтом* общетюркско-монгольской языковой общности.

3. Понятие *зять* по отношению к родственникам его жены в карачаево-балкарском языке передается общетюркским словом *куьйеу*. Как и в большинстве современных тюркских языков, термин *куьйеу* || *кийеу* по значению отчасти соответствует и русскому понятию «жених, новобрачный», так как этим словом начинают называть жениха только со дня свадьбы.

Фонетические варианты этого термина в значении «зять» зафиксированы и в памятниках древнетюркской письменности¹.

Л. А. Покровская, анализируя значения рассматриваемого термина в большинстве тюркских языков, пишет, что «основным значением термина *куьйеу* надо признать значение «зять», отмеченное и в древних памятниках». И далее продолжает: «В свою очередь и это значение не совсем точно соответствует русскому понятию «зять», так как термином *куьйеу* обозначается только «младший» зять, т. е. муж дочери или младшей сестры в то время как для обозначения мужа старшей сестры имеется особый термин *йезне*².

Мы должны заметить, что в отличие от всего вышесказанного в языке карачаевцев и балкарцев никакого специфического термина для передачи понятия типа «муж старшей сестры» и т. п. не существует, как не существует и деления зятьев на «младших» и «старших».

4. В значении *невеста, невестка, сноха* в карачаево-балкарском языке употребляется слово *келин*. В данном фонетическом варианте это слово представлено в алт., казах., к.-калп., кирг., тув., узб., уйг. языках.

Варианты этого термина с озвончением начального согласного *гэлин* || *гелин* в аналогичном значении употребляется в азерб., гаг., тур., туркм., кумык. языках.

Таким образом, термин *келин* || *гелин* является общим для абсолютного большинства современных тюркских языков. Этот

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 397. П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1903, стр. 0112.

² Л. А. Покровская. Ук. соч., стр. 62.

термин зафиксирован и в языке памятников древнетюркской письменности в значении «молодушка».¹

Анализируя термины родства по браку в тюркских языках, Л. А. Покровская считает, что «термином *келин* в тюркских языках обозначается молодая женщина со дня свадьбы и, по видимому, до рождения первого ребенка, что ближе всего соответствует русскому народному понятию «молодуха». И далее у нее же читаем: «Несомненно, что на практике границы употребления термина *келин* значительно шире и он может обозначать во многих тюркских языках не только *молодуху* до рождения ею первого ребенка, но как термин родства по браку вообще жену младшего родственника».²

В этой связи небезынтересно отметить то, что в карачаево-балкарском языке невесту термином *келин* зовут начиная со дня свадьбы и навсегда. Нет и никакого подразделения невест на «младших» и «старших», как и нет соответствующих особых терминов для обозначения этих понятий.

Относительно этимологии термина *келин* || *килен* в работе Х. Г. Юсупова «Термины родства в башкирском языке» сказано следующее: «Термин *килен* этимологически можно расчленить на две части: *кил* «приходить» + *ен* (аффикс), что значит «прихождение» или «женщина, пришедшая из другой семьи»³.

К сожалению, относительно природы аффикса *-ен* в слове *кил* + *ен* абсолютно ничего не сказано.

Более подробное и близкое к истине изложение этой мысли находим у Л. А. Покровской: «Что касается этимологии *келин*, — пишет она, — то это слово принято производить от глагола *кел-* || *гел-* «приходить». Это предложение имеет под собой почву, так как не случайно термином *келин* обозначается не «невеста» в русском понимании этого слова, т. е. помолвленная, сговоренная девушка, а невеста только со дня свадьбы, когда она впервые приходила в дом жениха и оставалась в нем жить. Таким образом, если считать формант *-ин* в слове *келин* одним из фонетических вариантов пережиточного аффикса *-н* || *-ын* || *-ин* || *-ун* || *-уьн*, образующего имена существительные и прилагательные от глаголов (ср., например, тур. *ekin* «посев», *tütün* «табак, дым»; *sajin* «избранный», *jogun*

¹ С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 392.

² Л. А. Покровская. Ук. соч., стр. 64.

³ Вопросы башкирской филологии. М., 1959, стр. 134.

«густой, плотный» и т. п.), то *келин* примерно соответствует по значению русскому слову «пришелец» в женском роде (т. е. форме «пришелица», не употребляющейся в русском языке)¹.

То, что термин *келин* этимологически восходит к глаголу *кел-* || *гел* «приходить», в настоящее время ни у кого сомнения не вызывает. Нуждается в уточнении существующее мнение относительно форманта *-ин*. Нам думается, что этот формант не является разновидностью пережиточного аффикса *-н* || *-ын* *-ин* || *ун-* || *-уьн*, как полагает Л. Покровская, а является одним из вариантов аффикса *-гъан* || *-ген*, образующего причастные формы: *келген* > *келен* > *келин*. Ср. еще *бургъан* > *буран* > *боран* «буран» от глагола *бур-* «вращать», *кебген* > *кебен* > *гебен* «стог сена» от глагола *кеб-* «сохнуть, сушить», *къобхан* > *къобан* «поднимающаяся — вздувающаяся — разливающаяся» карач.-балк. название реки Кубани от глагола *къоб* «подниматься, вздуваться, разливаться»; *бичген* > *бичен* «сено от глагола *бич-* «срзать».

Таким образом, термин *келин* по значению примерно соответствует русскому понятию «пришедшая (из другой семьи)».

V. Соответствия по названиям домашних и диких животных

I. В подавляющем большинстве современных тюркских языков (в том числе и в карачаево-балкарском) понятие *лошадь* передается фонетическими вариантами одного и того же слова: *ат* || *ут*. В ряде языков, как указывает А. М. Щербак, это слово обозначает, кроме того, *мерина*, *холощенного коня* (к.-калп., кирг., хак., тув.), а в якутском языке — *осла* и *холощенного самца* вообще².

В карачаево-балкарском языке понятия «мерин, холощенный жеребец» передаются или словом *алаша*, или же словосочетанием *бичилген аджир*.

Слово *алаша* в соответствующих фонетических вариантах имеется в большинстве современных тюркских языков (ср. азерб., башк., кумык., тат., *алаша*; ног. *аласа*; чув. *лаша*) и

¹ Л. А. Покровская. Ук. соч., стр. 64.

² А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961 стр. 83.

употребляется в значениях «извозная лошадь, кляча», кроме чувашского, где это слово употребляется еще и в значении «мерин», как и в карачаево-балкарском языке. Любопытно заметить, что словом *алаша* в туркменском языке передается понятие «жеребец».

Слово это известно также в финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языках (ср. маньч. *алашан* «кляча»)¹ и в несколько измененной форме *лошадь* в русском языке.

Относительно этимологии слова *лошадь* Н. К. Дмитриев писал: «Русское слово *лошадь*, вероятно, произошло из комбинации *алаша* + *ат* «мерин + лошадь», причем первое *а* татарского оригинала отпало, поскольку оказывалось в безударной позиции»².

Слово *ат* в значении *лошадь* встречается и в языке древнейших памятников тюркских языков³. А. И. Щербак родственным к *ат* считает слово *атан*, встречающееся в диване Махмуда Кашгарского в значении «холощенный верблюд», и отрицает возможную этимологическую связь этого слова с персидским *ахтан* «изымать», «извлекать»⁴.

Диаметрально противоположного мнения по этому вопросу придерживался П. М. Мелиоранский, который в своей работе «Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени» тюркско-монгольские термины *ахта* || *агт(а)* «мерин», *атан* «холощенный верблюд» возводил к персидскому глаголу *ахтан* «извлекать», «вынимать»⁵.

Нам думается, что термины *атан*, *ахта* являются исконно тюркскими и этимологически восходят к причастной форме на *-хан* || *гъан* глагола *ат* «бросать, выбрасывать, выбросить» и образованы по следующей схеме:

¹ А. М. Щербак. Ук. соч., т. 87.

² Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 540. Такую же этимологию слова *лошадь* предлагал и акад. Ф. Е. Корш. См. «Известия ОРЯС», 1903, стр. 45. Об этом же см. П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. «Известия ОРЯС АН», т. X, кн. 4, СПб., 1905, стр. 14—16.

А. М. Щербак в своей работе «Названия домашних и диких животных» подобную этимологию слова *лошадь* считает неубедительной. См. А. И. Щербак. Ук. соч., стр. 87.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 361.

⁴ А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 83.

⁵ «Известия ОРЯС АН», т. X, кн. 4, СПб., 1905, стр. 4—5.

атан (ср. карач.-балк. *къобхан* > *къобан*)

атхан
↑
↓

ахтан (метатеза *тх* > *хт* → *ахта* (выпадение конечного *н* в результате апокопы).

В карачаево-балкарском языке, как и в большинстве тюркских и монгольских языков, понятие *лошадь*, в зависимости от ее породы или по какому-либо признаку, передается и другими словами, например: *дюлдюр* (*ат*) «хороший, выносливый, быстрый конь», *джоргъа* «рысак, иноходь, иноходец» (ср. монг. *жороо* «иноходь», уйг. *йе(р)гъа* «иноходец, иноходь», др. тюрк. *йорыгъа* «иноходец», *джайдакъ* (*ат*) «неоседланная лошадь» (ср. монг. *зайдлах* в значении «ехать верхом без седла»), *хора* (*ат*) «скакун, породистая лошадь», *чабыучу* (*ат*) «скакун», *эмлик* (*ат*) «неприученная лошадь» и т. п.

2. Понятие *жеребец* в карачаево-балкарском языке и в его диалектах передается словом *аджир* || *ажир* || *азир*. В подавляющем большинстве современных тюркских языков для передачи этого понятия, как известно, употребляются фонетические варианты слова *айгъыр*¹.

К карачаево-балкарской форме этого слова наиболее близкими являются монг. *азрага*, монг. письм. *ажирга*, тунг. *адырга*.

Не исключена возможность, что слово это является реликтом алтайской языковой общности.

3. Для передачи понятия *кобыла* в карачаево-балкарском языке употребляется слово *байтал*. В этом же значении это слово употребляется в алт., гаг., к.-калп., кирг., кумык., ног., полов.-ар., туркм., узб., уйг. языках. Ср. еще казах. *байтал* в значении «кобылица-трехлетка», в отличие от термина *бия* «жеребившаяся кобыла» и якут. *байтаһын* «прогулявшая лето корова или кобыла».

Со словом *байтал*, очевидно, этимологически связаны монг. *байдас* «молодая кобылица», «яловая кобылица» и бурятское *байтаһа* (*н*) «яловая в течение нескольких лет корова или кобыла».

Наличие этого слова как в лексике большинства тюркских языков, так и в лексике монгольских языков, дает возможность

¹ В карачаево-балкарском языке слово *айгъыр* нами зафиксировано в топонимике, например, название местности на территории Карачаевского района — *Алтайгъыр* «шесть жеребцов».

говорить о том, что термин *байтал — байдас* (л — ш/с — фонетическое соответствие, характерное тюркским и монгольским языкам)¹ относится к общетюркско-монгольскому пласту лексики.

4. Понятие *корова* в карачаево-балкарском языке передается словом *ийнек*. Этот термин является соответствующей фонетической разновидностью слова, которым передается рассматриваемое понятие и в большинстве современных тюркских языков. Так, например, карач.-балк. термину *ийнек* соответствуют: азерб., узб. (диал.) *инэк*; кар. (диал.) *иняк*; алт., гаг., кирг., кумык., тув., тур., туркм., хак. *инек*; чув. *ёне*; якут. *инах*. Ср. еще монг. *уьнээ(н)*; тунг. *инан*.

Более древняя разновидность этого слова *ингэк* в значении «корова» встречается в древних письменных памятниках тюркских языков.

В тюркологической литературе слово *ингэк* этимологически связывается с древнетюркскими *инген* «верблюдица» и *инчек* «самка собаки», основой для которых считается слово *ина*, *зна* «матушка»².

5. *Оьгуыз*. Этим термином передается в карачаево-балкарском языке понятие «бык, вол».

Фонетические параллели этого слова с тем же значением встречаются почти во всех тюркских языках: кар., кирг., кумык., тур. *оьгуыз*; азерб., туркм. *оькуыз*; казах., к.-калп., ног. *оьгиз*, тат. *уьгез*; узб. (диал.) *укиз*; уйг. *хобкуыз*; якут. *ат оьгус* и т. п. Ср. еще монг. *уьхэр*; тунг. *огус*.

Небезынтересно отметить то, что ротацирующая разновидность этого слова *оькоьр* встречается и венгерском языке в том же значении³.

Другая ротацирующая разновидность этого слова *вӑкӑр* из тюркских языков встречается только в современном чувашском языке и, по мнению А. М. Щербака, отражает разделение древних тюркских языков на две большие диалектные группы, группу *Р* и группы *З*⁴.

¹ Подробно см. Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 30—32.

² Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, стр. 97.

³ Венгерско-русский словарь. М., 1964, стр. 545.

⁴ Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, стр. 98.

Весьма вероятно, что термин *обгубз* — *ухэр* — *обкобр* является реликтом урало-алтайской языковой общности, хотя в тюркологической литературе наших дней это слово относится к числу древнейших заимствований из индоевропейских языков¹.

6. Понятие «бык-производитель» в карачаево-балкарском языке передается общетюркским термином *бугъа* (< древ.-тюрк. *букъа*). Ср. еще монг. *бух(а)*; маньч. *мухашан*; тунг. *огус*.

В свое время акад. Ф. Е. Корш допускал возможность этимологической связи между общетюркским *букъа* и русским *бык*. М. Фасмер отрицает подобную возможность².

7. *Бузоу*. Этим общетюркским термином передается в карачаево-балкарском языке понятие «теленок».

Тюркская праформа этого слова, реконструированная А. М. Щербаком, имеет вид *бузагъу*—*бурагъу*³.

8. «Почти во всех тюркских языках есть самостоятельные слова, передающие значение «холощенный баран», однако трудно выделить из них слово, являющееся общетюркским», — пишет А. М. Щербак в своей работе «Названия домашних и диких животных в тюркских языках»⁴.

В карач.-балк. литературном языке понятие «кастрированный баран» передается словом *ирк* (диал. *ирик*). Этим же термином *ирик* || *ирк* пользуются киргизы и кумыки. Ср. еще монг. *ирэг* в том же значении. Не является ли термин *ирик* || *ирэг* общетюркско-монгольским? Если нет, то чем объяснить наличие этого слова в языках территориально столь отдаленных. Надо полагать, что предки современных карачаевцев и балкарцев этим термином пользовались не только начиная с периода монгольского владычества, но и задолго до него.

9. *Теке* «козел-производитель».

Фонетические параллели этого слова в том же значении употребляются в подавляющем большинстве современных

¹ Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, стр. 98.

² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 258.

³ Всевозможные этимологии термина *бузоу* || *бузав*, данные Б. Мункачи, А. Йоки, Г. Рамстедтом. См. А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 100.

⁴ Там же, стр. 111.

тюркских языков. Встречается это слово и в языке текстов древнетюркской письменности.

В карач.-балк. языке, как и в некоторых других тюркских языках (алт., тув.), *теке* обозначает не только домашнего, но и дикого козла.

10. *Эркеч* «холощенный козел» — общетюркский термин. Встречается и в языке памятников письменности древнетюркских языков.

11. *Эчки* «коза (домашняя)» — термин широко распространен в западной и восточной группах тюркских языков. Встречается и в языке древнетюркских памятников.

12. *Улоу*. В карачаево-балкарском языке этим термином пользуются для передачи понятия «вьючное животное».

Наиболее близкими к карачаево-балкарскому *улоу* являются казах. *лау* и кирг. *улоо* «вьючное животное». Ср. еще азерб. *улагъ*, употребляющееся наряду со словом *эшэк* «осел».

А. М. Щербак считает, что казах. *лау* и кирг. *улоо* этимологически восходят к термину *улагъ*, основой для которого служит слово *ула* — «связывать», «соединять».¹

13. *Тонгуз*. Это слово в карачаево-балкарском языке является наименованием домашней свиньи.

Понятие же: «дикая свинья» передается составным термином *кийик тонгуз* (*къабан*).

Здесь небезынтересно отметить то, что у тех тюркских народностей, которые приняли ислам приблизительно на рубеже XI—XIV вв., этот термин (*донгуз* — *донгыз* — *тонкъуз* — *тонгуз*...) являлся не только наименованием домашней свиньи, отсутствовавшей в быту этих народов, но и дикой свиньи.

По свидетельству А. М. Щербака, в значении «дикая свинья» слово *донгуз* сохранилось в староузбекском языке и в настоящее время употребляется, например, в киргизском языке².

Видимо, наличие в языке карачаевцев и балкарцев специальных терминов для наименования домашней и дикой свиньи объясняется тем, что среди последних религия ислама начала распространяться только в XVIII в.³

¹ А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 123.

² Там же.

³ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I. Черкесск, 1967, стр. 112.

Понятие «свиноматка» в карачаево-балкарском языке передается словом *бегеджен* (диал. *мегеджин* — *мегежин* — *мегезин*). Ср. узб. *мегажин* «дикая свинья (самка кабана)»; казах. и кирг. *мегеджин*; монг. письм. *мегеджин*; маньч. *мэхэчжэн*.

14. **Ит** «собака, пес». Это слово встречается почти во всех тюркских языках, различаясь только качеством вокализма, например: азерб., казах., кумык., кирг., туркм., узб., *ит*; алт., к.-калп., ног. *ийт*; башк., тат. *эт*; тув., якут. *ыт*; уйг. *ишт*; чув. *йыт*.

Относительно качества вокализма термина *ит—ыт—йыт* в тюркских языках А. М. Щербак пишет: «Сравнение материалов современных языков и показания древних памятников свидетельствуют о том, что вокализм в слове *ит* первоначально был твердым и что изменение его в сторону опереднения, отличаемое почти во всех тюркских языках, происходило недавно»¹.

Кроме слова *ит* в карачаево-балкарском языке существуют и другие слова, обозначающие собаку в зависимости от ее породы или по какому-либо другому признаку, например: *самыр*, *парий* «володав»; *эгер* «охотничья (гончая, борзая) собака»; *ызчы ит* «нищейка, овчарка», *кэутургэан ит* «бешеная собака»; *маске* (<? русск. *моська*) «небольшая собака» и т. п.

Понятие *щенок* в карачаево-балкарском языке передается словом *куьчуьк*. Фонетические параллели этого слова встречаются почти во всех тюркских языках.

Разница в употреблении этого слова заключается лишь в том, что в некоторых из них оно употребляется не только для передачи понятия «щенок», но и вообще понятия «детеныш диких животных», ср. например, алт. *куьчуьк* «волчонок»; кирг. *туьлкуь куьчуьгуь* «лисенок» и т. п.²

15. **Къанчыкъ** (*ит*) «сука». Иногда может иметь и значение самки собаки вообще. В карачаево-балкарском языке существует и специальный составной термин для передачи этого понятия *гаджи (ит)*³, не встречаемый в остальных тюркских языках.

¹ Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, стр. 127.

² О возможности этимологической связи *куьчуьк* и русск. *кутенок* см. А. Аквист («Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen», Helsingfors. 1875, стр. 2); А. Будлович. Первобытные славяне, в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Нежин, 1878, стр. 194.

³ Русско-карачаево-балкарский словарь, М., 1965, стр. 613.

Рассматриваемый термин А. М. Щербак склонен этимологизировать как *кѣанчыкѣ* (< *кѣан* + *чыкѣ*). Вот что он пишет: «*Кѣанчыкѣ* разлагается на *кѣан* и *чыкѣ*. Если считать *чыкѣ* формой внутреннего словообразования, то *кѣан* можно рассматривать как именную основу, напоминающую индоевропейский корень с соответствующим значением (ср. лат. *canis* «собака»), хотя и формы связи *кѣанчыкѣ* с индоевропейским корнем, и пути возникновения ее пока гадательны»¹.

Нам думается, что слово *кѣанчыкѣ* (башк. диал. *кѣансай*, кумык. *кѣанчыкѣ*; ног. *канжык*, узб. *кѣанжукѣ*, уйг. *кѣанжукѣ* и т. п.) этимологически восходит к глаголу *кѣансы*—«скулить» (только о собаке) и является отглагольным именем причастного происхождения: *кѣанчыкѣ* (< *кѣансыкѣ* < *кѣансы* + *кѣ*) и примерно соответствует по значению русскому слову «скулящая (в период когда сучится)»—«сука».

Из современных тюркских языков карачаево-балкарскому *кѣансы*(*ргѣа*) «скулить» соответствуют кумыкское *гѣанцылламакѣ* и уйгурское *кѣангшимокѣ* с теми же значениями².

Словообразование типа (*кѣансыкѣ* < *кѣансы* + *кѣ*) *кѣанчыкѣ* широко представлено в тюркских языках. Так, Э. В. Севортян в работе «Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке» приводит такие примеры: *лѣлик* «умоляющий», «упрашивающий» от глагола *лѣли*—«умолять» *лѣлик* (< *лѣли* + *к*), *йалаг* «подлизывающий (остатки пищи)» от глагола *йала* «лизать» (*йалаг* < *йала* + *г*); туркм. *агырак* «болеющий, ноющий» от глагола *агыр* «болеть» [*агырак* < *агыр* + (а) *к*] и т. п.³

16. Понятие «кошка» только в карачаево-балкарском языке передается словом **киштик**.

Почти во всех остальных современных тюркских языках для передачи этого понятия используются фонетические варианты одного и того же слова: *пышык*—*пишик*—*пичик*—*пушукѣ*—*пшыкѣ*—*мышыкѣ*—*мысык*—*мушукѣ*—*мобшуук* и т. п.

В тюркологической литературе слово *пышыкѣ*||*пишик* этимологически возводится к звукоподражательной основе *пыш*||*пиш*.

¹ Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, стр. 128.

² Русско-кумыкский словарь. М., 1960, стр. 959; Русско-уйгурский словарь. М., 1956, стр. 1178.

³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 202, 205.

«Пышыкъ» образовано, по-видимому, от вокативного слова *пыш*, ср. к.-калп. *пыш-пыш* (кис-кис) — приманивание кошки; ср. также русск. (детск. простореч.) *киска* < *кис-кис*, *цыпле-нок* < *цып-цып*», — читаем у А. М. Щербака по этому вопросу¹.

Является ли карачаево-балкарское *кишитик* тоже аналогичным образованием (карач.-балк. *киш* (*y*)—*киш*(*y*) = русск. *кис-кис*) или же имеет отдаленную семантическую связь со словом *киш* «соболь», которое бытует в близкородственных языках: алт., кир., тув. *киш*; башк., тат. *кеш*; ног. *кис*; якут. *киис*, — мы затрудняемся ответить.

17. Айуь; балк. диал. айыу «медведь».

Если у тюрков Сибири и особенно у якутов с медведем связаны разные запреты (табу) и как результат этого появилось большое число эвфемизмов взамен, то в карачаево-балкарском языке никаких других наименований медведя нет.

Для наименования самца и самки медведя в карачаево-балкарском языке существуют специальные составные термины: *эркек айуь* и *тиши айуь*. Ср. еще *акъ айуь* «белый медведь».

Понятие «медвежонок» в карачаево-балкарском языке передается словом *мамурач*, не встречающимся в остальных языках тюркской языковой семьи, хотя составителями «Русско-карачаево-балкарского словаря» это слово не приводится, рассматриваемое понятие передается описательно *айуь бала*².

18. Как и в подавляющем большинстве тюркских языков понятие «волк» в карачаево-балкарском языке передается словом *боьруь*. Ср. алт., кирг., к.-калп., кум., тув. *боьруь*; башк., тат. *буьре*; казах., ног., туркм., уйг. *боьри*; узб. *буьри*; хак. *пуьуьр*; якут. *боьров*.

В тюркологической литературе слово *боьруь* этимологически возводится к *боьр* — *бор* — *боз* «серый»³.

Как результат табу, в карачаево-балкарском языке существует и иносказательное наименование волка — *джаллы* (<*джанлы*).

Для наименования волчицы карачаевцы и балкарцы пользуются двумя вариантами: *къанчыкъ* или *тиши боьруь*.

¹ А. М. Щербаков. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 129.

² Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965, стр. 267.

³ H. Vamberger. Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig. 1879, стр. 202.

19. **Аслан**, балк. диал. арслан «лев» — общетюркско-монгольское слово. Ср. азерб., гаг., тур. *аслан*; алт., к.-калп., кумык., тат., туркм., уйг., узб. *арслан*; казах., кирг. *арыстан*; ног. *арыслан*; чув. *араслан*; чув. (диал.) *услан*.

Слово это встречается и в языке памятников древнетюркской письменности. Ср. еще монг. *арслан*(г); маньч. *арсалан*.

20. **Суьлсууьн**; балк. диал. суьлесин «рысь» — общетюркско-монгольское слово¹. Ср. алт. *шуьлүьзин*; башк. *Һэлэуьһен*; казах. *силзүьсин*, кирг. *суьлосуьн*; кумык. *сылевсуьн*; узб. *силавсин*; уйг. *силэвсин*; ср. монг. *шуьлүьсен*.

Слово это встречается и в памятниках древнетюркской письменности; ср., например, *сулзүьшуьн* в языке. Codex'a Cumanicus'a².

VI. Соответствия по названиям деревьев и кустарников

1. Къайын «береза».

Карачаево-балкарскому *къайын* по звучанию и значению наиболее близкими являются башк. *къайын*; казах. *къайын*; кумык. *къайын агъач*; ног. *кайын*; тат. *каен*; тур. *къайын агъаджы*; узб. *къайин*; уйг. *къейин* и т. п. Ср. еще чув. *хуран*.

Таким образом, понятие «береза» в подавляющем большинстве тюркских языков передается фонетическими вариантами одного и того же слова: *къайын* — *кайын каен*., что, в свою очередь, свидетельствует о принадлежности его к общетюркскому пласту лексики этих языков.

2. Нарат «сосна».

С. А. Бурнашева в статье «Некоторые вопросы лексики татарского языка», анализируя татарскую лексику, связанную с лесным хозяйством, пишет, что «слово *нарат* «сосна» свойственно только татарскому языку»³.

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 360.

² W. Radloff. Des türkische Sprachmaterial dex Codex Cumanicus. СПб., 1887, стр. 67.

³ С. А. Бурнашева. Некоторые вопросы лексики татарского языка, Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», IV. М., 1962, стр. 126.

Необходимо отметить, что термином *нарат* для передачи понятия «сосна», кроме карачаевцев, балкарцев и татар пользуются еще и некоторые другие тюркские народы. Ср., например, кумык. *нарат* «сосна»; чув. (диал.) *нарат* «сосна»¹. Более того, термином *нарат* для наименования сосны пользуются лезгины².

Разумеется, подобные неточности никак недопустимы на страницах специальных исследований, издаваемых таким солидным и координирующим органом, как Институт языкознания АН СССР.

3. **Нызы** «ель».

Данное слово является специфическим только для одного карачаево-балкарского языка. Ср. башк. *шырышы* «ель»; кумык. *тели нарат* «ель»; узб. *къара къарагъай* «ель», кирг. *къарагъай* «ель» и т. п.

4. **Эмен** «дуб».

Это понятие в большинстве тюркских языков кипчакской группы передается этим же словом, имеющим во всех них свои фонетические разновидности. Например: башк., тат. *имэн*; казах. *имен*; кирг., кумык., ног. *эмен*; кар. *эмян*; ср. азерб. *палыд агъаджы*.

5. **Къара къайын** «черемуха».

В остальных тюркских языках этот термин не встречается. Понятие «черемуха» в них передается другими словами. Например: ср. азерб. *мешэ гиласы*; алт. *дъымырыт*; башк., тат. *шоморт*; узб. *шумурт*; кумык. *черемуха* (с последующим пояснением) «арив ийисли акъ чечеклери булангъы къара емишли терек»³.

6. **Суу тал** «верба».

Второй составной компонент этого термина *тал* в значении «верба» встречается в казах., кар., кирг., ног., тат., узб. языках. Ср. еще башк. *тал* «ива»; кумык. *къызыл тал* «верба»; азерб. *пишпиши* «верба».

7. **Итбурун** «шиповник».

Наиболее близкими к карачаево-балкарскому термину *итбурун* по звучанию и значению являются азерб. *итбурун*;

¹ Русско-кумыкский словарь. М., 1960, стр. 959; Чувашско-русский словарь, М., 1961, стр. 243.

² Лезгинско-русский словарь. М., 1966, стр. 250.

³ Русско-кумыкский словарь. М., 1960, стр. 1106.

башк. (диал.) *этморон*¹, кумык. *итбурун*; ног. *ийт бурын*; тат. (диал.) *етпорон*²; узб. *итбурун*.

8. Чегет «лес».

Данное слово является специфическим только для носителей карачаевского языка. В балкарском компоненте карачаево-балкарского языка этот термин употребляется в значении «тенева сторона горы, северный склон»³. Возможно сближение с современным осетинским *сэгат* «северный склон горы»⁴.

В остальных тюркских языках понятие «лес» передается различными словами: азерб. *мешэ*; башк., тат. *урман*; казах. *орман*; к.-калп. *тогъай*; кумык. *агъачлыкъ, орман*; узб. *урман*; чув. *варман* и т. п.

VII. Соответствия по названиям птиц и насекомых

1. Къанатлы «птица».

Термин свойственен только карачаево-балкарскому языку в данном значении и образован от общетюркского *къанат* «крыло» + словообразовательный аффикс *-лы* (*къанатлы* < *къанат* + *лы*).

Вероятно, первоначальное значение термина приблизительно соответствовало русскому понятию «пернатый», «крылатый». Ср. башк., кумык. *къанатлы*; ног. *канатлы*; узб. *къанотли*; уйг. *къанатликъ, учар къанат* в значении—«пернатый», «крылатый», «имеющий крылья».

В остальных тюркских языках понятие «птица» передается одним и тем же словом, имеющим свои фонетические разновидности по соответствующим языкам. Ср., например: азерб. *гуш*; башк. *къош*; кумык. *къуш*; ног. *кус*; узб., уйг. *къуш* и т. п.

Слово *къуш* бытует и в карачаево-балкарском языке, но в значении «орел»⁵.

¹ Т. Г. Баишев. Некоторые материалы по говору башкир, проживающих в Саратовской и Куйбышевской областях (на башк. яз.). Сб. «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 146.

² Д. Г. Тумашева. Язык западносибирских татар (на тат. яз.), Казань, 1961.

³ У. Б. Алиев. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев, Сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1963, стр. 77.

⁴ О возможности сближения карач.-балк. *чегет* и осетинского *сэгат* см. В. И. Аббаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, стр. 296.

⁵ Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965, стр. 372.

2. Къаргъа «ворона».

Общeturкский термин, обозначающий в части тюркских языков одновременно понятия «ворон», «ворона». Ср. башк. *къаргъа* «ворона» и одновременно «ворон»; ног. *карга* «ворона» и одновременно «ворон»; азерб. *гаргъа* «ворона», *гара гаргъа* «ворон» и т. п.

В карачаево-балкарском языке понятие «ворон» передается специальным термином *къузгъун*. Этим же словом пользуются для передачи данного понятия в кумык., узб., уйг. языках.

3. Бьодене „перепел“, „перепелка“.

Термин, видимо, общeturкско-монгольский, так как встречается как в большинстве тюркских языков, так и в монгольском языке. Ср. башк. *буьзэнэ*; кумык. *бьодене*; ног. *буьдене*; узб. *бедана*; уйг. *бьодуьнэ*; монг. *бьоднь*.¹ Ср. еще азерб., тур. *билдирчин*.

4. Кьогьурчуьн „голубь“.

В некоторых тюркских языках для наименования голубя употребляется это же слово, лишь в соответствующих фонетическим особенностям того или иного языка вариантах, например: азерб. *кьийэрчин*; башк. *куьгэсэн*; кумык. *кьогьурчуьн*; ног. *кьогершин* и т. п. Ср. еще монг. *кьогелчин*.²

5. Шорбат чыпчыкъ „воробей“.

К карачаево-балкарскому термину наиболее близким является кумык. *жымчыкъ, къаранай жымчыкъ*.

В остальных тюркских языках для наименования воробья употребляются различные слова: азерб. *сэрчэ*; уйг. *кьушкъач*.

6. Чаука „грач“, „галка“.

Термин свойственен только карачаево-балкарскому и чувашскому языкам. В. Ф. Каховский чувашское слово **чавка** сравнивает с современным болгарским **чавка** в том же значе-

¹ Монголько-русский словарь. М., 1957, стр. 80.

² Об этимологии термина *кьогьурчуьн—кьогелчин* в тюркских и монгольских языках см. Г. Н. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание (перевод с немецкого). М., 1957, стр. 189.

нии и в этом видит далекую общность волжских болгар и дунайских болгар, а следовательно и современных чувашей, несмотря на многовековую обособленность их исторического развития¹.

В остальных близкородственных языках это понятие передается составными терминами, где вторым компонентом выступает общетюркское слово **къаргъа**, например, азерб. *гара къаргъа*; башк., кумык., уйг. *къара къаргъа*; кирг. *чар къаргъа*; ног. *кара карга*; узб. *гуьна къаргъа* и т. п.

7. Чибин „муха“.

Наиболее близкими к карачаево-балкарскому термину **чибин** по звучанию и значению являются кар. *чибин*; кумык. *жибин*; ног. *шыбын*; уйг. *чивин*. Ср. еще карач.-балк. *бал чибин*; кар. *бал чибин*; кумык. *балжибин*; ног. *бал шыбын* в значении „пчела“.

Понятие „оса“ в карачаево-балкарском языке передается термином *сары чибин* Ср. кумык. *телижибин* в том же значении.

8. Голунгкъылды „дрозд“.

Термин свойственен только карачаево-балкарскому языку. В остальных тюркских языках это понятие передается другими словами: азерб. *гаратоюг*; уйг. *серикъ къушкъач*; кумык. *къаратавукъ*; кирг. *дрозд*.

9. Гоббелекке „бабочка“, балк. (диалек.) дибилдирик.

Литературный вариант этого термина имеет фонетические соответствия в других тюркских языках с тем же значением: к.-калп. *губелек*; кир. *коьпюльок*; кумык. *гоббелек*; уйг. *кепинек*.

VIII. Слова, обозначающие явления природы

1. Хауа „воздух“.

Слово, хотя и заимствовано из арабского языка многими тюркскими языками (азерб., башк., к.-калп. казах, кирг., кумык., ног., тат., тур., туркм., узб., уйг.), на современном

¹ В. Ф. Каховский. Об историко-культурных связях предков чуваш с народами Кавказа по данным этнографии. («Уч. зап. Чувашского госпед-института», вып. XXI, Чебоксары, 1965, стр. 204.).

уровне их развития, осознается как исконно тюркское и имеет свои фонетические разновидности по соответствующим языкам. Ср., например: азерб. уйг., тат. *hava*; башк. *haua*; к.-калп. *хауа*; кумык. *гъава*, туркм. *хова*; казах. *ауа*; кирг., ног. *ава*.

Исключения составляют хакасский, алтайский, тувинский языки, в которых понятие „воздух“ передается монгольским словом *хий* в соответствующем фонетическом оформлении (хак. *кии*; алт. *кей*; тув. *хей*). В карачаево-балкарском языке термин *хауа* употребляется также и в значениях „атмосфера“, „климат“, „погода.“¹

2. Толкъун „волна“.

Термин—общетюркский. Ср. алт. *толку*; башк., тат. *тулкъын*; казах., к.-калп., ног. *толкын*; кумык., туркм., уйг. *толгун*; узб. *туълкин*, шор. *толкуг*; якут. *долгун*. Ср. еще монг. *долгион* || *долгин*.

3. Кокъ куькуьреу „гром“.

Термин имеет свои фонетические соответствия в башк., тат. *куьк куькуьрэуь*; кумык. *коьк коькуьрев*; к.-калп. *коьк гукиреу*. Близки к карачаево-балкарскому *коьк куькуьреу* также к.-калп. *куьннинг куькиреуи*; ног. *коьк куьотирев*; туркм. *гоьк гувьруьлдиси*.

4 Шыбыла „молния“.

Термин является специфическим только для карачаево-балкарского языка. В остальных тюркских языках понятие „молния“ передается другими словами: азерб. *илдырым*; алт. *дыалкъын*; башк. *йэшен*; казах. *найзагъай*; кар. *илдырым*, диал. *отхуна*;² к.-калп. *жылдырым*; кирг. *чагылган*; кумык. *яшмын*; ног. *айындырык*; тат. *яшен*; туркм. *йылдырым*; узб. *яшин*; шор. *тегри налыжы* и т. п.

Кроме термина *шыбыла* для передачи понятия „молния“ в карачаево-балкарском языке употребляются также термины *коьк джашнау*, *коьк чартлау*, *элия*.

¹ Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965, стр. 31,

² К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 122.

5. Джангур „дождь“, балк. (диал.) джауун.

В большинстве современных тюркских языков рассматриваемые термины имеют свои фонетические соответствия. Ср. кумык. *янгур* (*йангур*); башк. *ямгъыр*; казах. *жауны*; к.-калп. *жамгыр*; кирг. *жамгыр*; ног. *ямгыр*; туркм. *ягмыр*; узб. *ѐмгыр*; уйг. *ямгур*; алт. *дыангмыр*; хак. *нангмыр*; шор. *нагбур* и т. п.¹

6. Къырау „иней“.

Термин—общетюркский. Ср. азерб. *гыров*; алт. *куру*; башк., казах. *къырау*; к.-калп. *кърау*; кирг. *кыроо*; кумык. *кърав*; ног. *кырав*; тат. *кърау*; тув. *хыраа*; туркм. *гырав*; узб. *кѝиров*; уйг. *кѝирав*; хак. *хыро*; шор. *кыраа*; якут. *кырыа*.

7. Чыкъ „роса“.

Термин имеет фонетические соответствия в большинстве современных тюркских языков. Ср. кумык. *чыкъ*; казах., к.-калп. *шыкъ*; ног. *шык*, тат. *чык*; туркм. *чыг*; башк. *ысыкъ*; якут. *сик* и т. д.

В остальных тюркских языках в значении „роса“ употребляются другие слова: азерб. *шен*; алт. *чалым*; кирг. *шууьудуруум*; узб. *тудринг*; хак. *салын* и т. п.

8. Джангкылыч „радуга“.

Термин является собственно карачаево-балкарским и ни в одном из тюркских языков соответствий не имеет. Ср. азерб. *кыйгуршаггы*; башк. *йэйгѝор*; к.-калп. *Хасан-Хусен окъ жайы*, *Хазиреты Алидин кылышы*; кирг. *коьк желе*, *асануьсоьн*, *асымандагы жаа*; кумык. *энемжая*, *тенгрижая*, *солтанжая*; тат. *салават куьпере* и т. п.

9. Тубан „туман“; балк. (диал.) туман.

Понятие „туман“ в подавляющем большинстве тюркских языков передается разными фонетическими вариантами одного и того же слова, звучащими: *думан* (азерб., к.-калп., тур.,

¹ Об этимологии хак. *нангмыр* (<*чыгъмыр*) и шор. *нагбур* (<*чагбур*) см. Ф. Г. Исхаков. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. IV, М., 1962, стр. 56.

туркм.); *туман* (алт., башк., казах., кирг., кумык., ног., тув., узб., уйг., якут.); *тубан* (карач.-балк., хак.); *томан* (тат.)

В карачаево-балкарском языке в значении „туман“ в отдельных случаях упогребляется также и слово *чарс*, которое в остальных близкородственных тюркских языках соответствий не имеет.¹

10. Буз „град“.

В языке карачаевцев и балкарцев этот термин употребляется также и в значении „лед“. Ср. еще башк., тат. *боз*; уйг. *муз*; чув. *пар* в значении „град“ и одновременно „лед“.

В остальных тюркских языках понятия „град“ и „лед“ четко различаются и имеют соответствующие обозначения. Ср. азерб. *долу* „град“, *буз* „лед“; кумык. *бурчалъ* „град“, *буз* „лед“; ног. *буршак* „град“, *буз* „лед“; хак. *тонгдол* „град“, *пус* „лед“ и т. п.

IX. Соответствия в названиях дней недели

Значительный интерес представляют лексические соответствия в названиях дней недели. Из семи названий дней недели в карачаево-балкарском языке три имеют соответствия в караимском, половецко-куманском и половецко-армянском языках, на пример:

	карач.-балк. яз.	кар., полов.-арм.
Понедельник	баш куьн	(йех) баш куьн
суббота	шабат куьн	шаббат (шапат) куьн
воскресенье	ыйых куьн	йех куьн

В названиях остальных дней языки расходятся: „вторник“ в кар. *орта куьн*, в полов.-арм. *ногари куьн*, в карач.-балк. *гуьрге куьн* | *геууьрге куьн* (балк. диал.); „среда“ в кар. и полов.-арм. *хан хуьн* (*хаин хуьн*), в карач.-балк. *барас куьн*; „четверг“ в кар. (трокайский диалект) *кичи бараски*, в ка-

¹ Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965, стр. 641.

рач.-балк. *орта куьн*; „пятница“ в карач.-балк. *байрым куьн*, в кар. (тракайский диалект) *бараски*.¹

Таким образом, в названиях дней недели в карачаево-балкарском, караимском и половецко-армянском языках встречаются еврейские (*шаббат* „суббота“), греческие (*paraskene* „пятница“), тюркские (*баш куьн* „понедельник“, *орта куьн* „четверг“) слова, анализ которых дает дополнительный материал о взаимоотношениях этих народов на ранних этапах их истории.

Здесь небезынтересно отметить то, что рассмотренные выше термины *барас (куьн)*—*бараски* „среда“ и *шабат (куьн)* *шаббат (куьн)* „суббота“ имеют свои фонетические соответствия и в некоторых иберийско-кавказских языках. Ср., например: адыг. *бэрэскэ—жъый*, каб. *бэрэжъей | бэрыжъей* (<*бэрэскIэжъей*||*бэрэсчIэжъей*) „среда“, груз. *пIараскIеви* „пятница“; адыг. *шэмбэт*, каб. *шъэбэт*, груз. *шабати* „суббота“.

Вполне допустимо, что эти слова в адыгские и грузинский языки проникли еще в седую старину через посредство соседних тюркоязычных племен предгорий и гор Северного Кавказа, близкородственных по языку современным карачаецам, балкарцам и караимам.²

Подобный перечень лексических соответствий по сферам их употребления между карачаево-балкарским языком и остальными близкородственными языками тюркской семьи языков можно было бы расширить в более значительной степени. Однако, на наш взгляд, в этом нет острой необходимости. Как явствует из приведенного иллюстративного конкретного материала, тюркский элемент насквозь пронизывает лексику языка карачаевцев и балкарцев, занимая в нем самое видное место.

Как было показано выше, по своему происхождению рассматриваемые термины в большинстве своем являются обще-

¹ О названиях дней недели в караимском языке и языке половецких армян см. К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 23; Сб. «Документы на половецком языке XVI в.». М., 1967, стр. 383, 395, 400, 422.

² А. Шагиров термины *бэрэскэжъэй* и *шъэбэт—шэмбэт* в адыгских языках считает заимствованными через посредство грузинского языка. См. его «Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков», Нальчик, 1962, стр. 208.

тюркскими и общетюркско-монгольскими и охватывают все стороны жизни карачаевского и балкарского народов, а именно: названия семейно-родственных отношений, анатомические названия, названия животных и их мастей, термины растительного мира, названия предметов домашнего обихода и орудий труда, названия продуктов питания, названия средств передвижения, названия признаков и свойств предметов, названия небесных светил, атмосферных явлений и географических объектов, местоимения, числительные и т. п.

Среди рассмотренных терминов имеется и другой столь же мощный слой, как и общетюркский, также ниоткуда не заимствованный, но выработанный карачаевцами и балкарцами в их трудовой и жизненной практике на протяжении многих столетий.

ГЛАВА III

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Язык любого народа на протяжении своей многовековой истории подвергается в той или иной степени иноязычным влияниям, так как народ, носитель языка, в разные периоды своего существования вступает в многообразные по форме, продолжительности и результатам связи с носителями иных языков. В результате чего наблюдается взаимопроникновение и взаимообогащение словарного состава.

Иными словами, заимствованные слова в лексике любого языка являются одним из приметных источников пополнения его словаря и вместе с другими словами свидетельствуют о его богатстве.

Все заимствованные слова в составе лексики языка карачаевцев и балкарцев можно подразделить на:

- а) ранние заимствования (до Великой Октябрьской революции);
- б) поздние заимствования (после Великой Октябрьской революции).

Ранние заимствования в карачаево-балкарском языке

Совершенно прав К. Черемисов говоря, что ранние заимствования в составе лексики любого языка, „хранимые памятью народною, являются памятником и документом былых культурно-исторических связей и экономико-политических взаимоотношений этого народа с другими народами, часто в

такой седой древности, от которой других свидетельств кроме слов либо не осталось, либо еще не обнаружено¹.

Хотя еще полностью не очерчен круг всех языков, с которыми карачаево-балкарский язык имел лингвистические контакты на ранних этапах своего становления, к заимствованиям такого рода в составе лексики языка карачаевцев и балкарцев можно отнести заимствования из греческого языка, иранских языков (персидский, осетинский), арабского языка и из соседних с ними иберийско-кавказских языков (абазинский, грузинский, кабардино-черкесский и т. п.)

Греческий пласт карачаево-балкарской лексики ограничивается буквально несколькими словами, о путях проникновения которых мы затрудняемся высказать какие-либо предположения. Возможно эти слова заимствованы через посредство алан—одного из основных этнических компонентов в формировании карачаевской и балкарской народностей.

К заимствованным из греческого языка в карачаево-балкарском языке относятся следующие слова:

афенди „мусульманский священник“ (из греч. *arhentes* „барин, господин, хозяин“);

барас (куьн) „среда“ (из греч. *paraskene* „пятница“);

къаранпил | къалампир „гвоздика“.

клиса „церковь“ (из греч. *ekklesia*);

тамал „основа, фундамент“ (термин употребляется только карачаевцами; ср. балк. диал. *мурдор* в том же значении);

урумлу „грек“;

фонар „фонарь“;

эришиу „состязание, соревнование“ (из греч. *egis* „спор, диспут“).

Возможно к этим же словам относится и карачаево-балкарское *патеген* „керосин“ (<? греч. *фото—ген*).

Адыгские (кабардино-черкесские, адыгейские) элементы в составе лексики языка карачаевцев и балкарцев относятся к так называемым местным заимствованиям и в подавляющем большинстве своем составляют наименования различных блюд и продуктов питания. Встречаются и другие слова, хотя и в незначительном количестве, охватывающие различные стороны быта карачаевцев и балкарцев.

¹ К. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке. Журн. «Свет над Байкалом», Улан-Удэ, 1965, стр. 142.

Так, например, к заимствованным словам из адыгских языков в карачаево-балкарском языке относятся следующие:

баста „каша из кукурузной крупы“;

либже | **илибже** „курятина в соусе“ (из каб.-черк. джед-лыбжьэ);

къояжабхе „блюдо из сыра“ (термин карачаевцами не употребляется);

хантус „пшеничный суп“ (из каб.-черк. *хьэнтхъупе*);

быхы „морковь“, „морковка“ (из каб.-черк. *пхъы*).

наша „огурец“ (из каб.-черк. *нащэ*; ср. еще адыгейск. *наш* „дыня“, абхаз. *а-наш-а* „огурец“);¹

нартух „кукуруза“ (из каб.-черк. *нартыху*);²

зынтхы „овес“ (из адыгейск. *зэнтхъ*);

мароко „земляника“ (из каб.-черк. *мораклуэ*);

къушхамиш „мушмула“ (из каб.-черк. *къушхьхьэмышх*)

шибижи || **чибижи** балк. диал. „перец“ (из каб.-черк. *шыб-жий* „красный перец“) Ср. карач. **къызыл** **шибижи** „красный перец“, **пурч** „черный перец“³.

абезек || **абазех** „круговой танец“.

адакъа „петух“ (из каб.-черк. *эдакъэ*)—термин употребляется только в близких к кабардинцам селах (ср. карач. *гузурукку*, *къычырычу*; балк. *хораз*, *къыттай* в том же значении)⁴.

адеж—термин означает „вести коня за уздцы“,

гоьрох „наган, пистолет“ (из каб.-черк. *кӀьэрахъуэ* || *чэрахъуэ*) (ср. название пистолета в остальных близкородственных тюркских языках: кумык. *тапанча*, ног. *тапанша*, азерб. *тапанча*, уйг. *тапанча* и т. п. Ср. еще абхаз. *а-кӀьарахъу*. Рассматриваемый термин в адыгских языках этимологически.

¹ Г. А. Климов основу слова **а-наш-а** «огурец» не считает общеадыгским. Подробно см. Г. А. Климов. Абхазско-адыгские этимологии (заимствованный фонд). Сб. «Этимология», М., 1968, стр. 293

² А. К. Шагиров относительно этимологии слова **нартух** в каб. языке пишет: «Кукуруза в адыгских языках обозначается сложным словом **нартыху** (адыг. **нартыф**). Во втором компоненте этого слова следует видеть **хуы** «просо в зерне». Что касается первого компонента, то использованием слова **нарт** язык выделит как основной признак кукурузного зерна, отличающий его от зерна проса, его большую величину». См. А. К. Шагиров. Очерки сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962, стр. 28

³ Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965, стр. 415.

⁴ Там же, стр. 417.

мотивируется глаголом *чIэрахъуэ-н* „вращаться“: наименование револьверу дано по признаку вращения его барабана);

гузаба „второпях“;

джуьйуьсхан „господин“ (из каб. зиусхьэн);

истемэ || исламей „лезгинка“;

лаудан „вид шелковой ткани“ (из каб. -черк. *лэудан*);¹

мамырлык „мир“ (из каб.-черк. мамырыггэ);

муджура „штык“ (из каб.-черк. мыжурэ);

хадауус „проклятие“

хаух „напрокат“ (из каб.-черк. хьэху);

эжиу „подпевание“.

Возможно к этим же словам относится и карачаево-балкарское *кьама* „кижал“, так как в подавляющем большинстве современных тюркских языков (за исключением ногайского) для передачи этого понятия пользуются фонетическими вариантами одного и того же слова: азерб. *хэнджэр*, кумык. *ханжарал*, уйг. *хэнджэр*, узб. *ханжар* и т. п. Ср. каб.-черк. *кьамэ*, абаз. *кьама*.

К заимствованиям из абхазского и абазинского языков можно отнести следующие два слова:

бау „хлев“ (из абхаз. *а-боу-ра* „хлев“, ср. еще мегрел. *абоура—абуура* „хлев“, каб. *бо* „конюшня“),²

быкты „небольшой столбик, устанавливаемый чабанами перед кошарой“ (из абхаз. *а-быкьэв* „столб, бревно“; ср. еще адыгейск. *пкьэуы*, каб. *пкьэу* в том же значении).

¹ В. И. Абаев слово *лэудан* считает исконно адыгским сложным термином и относительно этимологии его пишет, что во второй части этого термина «имеем хорошо известное адыгское (черкесское, кабардинское) *данэ* «шелк» «шелковая ткань». Первая часть (*лэу*), насколько мы могли выяснить, в настоящее время уже не осмысливается. Но об этом элементе можно высказать следующую догадку. Одним из торговых пунктов на Черноморском побережье, через которые адыги поддерживали связи с другими причерноморскими странами, был Лоо (*Лэуэ*) северо-западнее Сочи. В числе других товаров через Лоо поступали к адыгам также шелковые ткани из Закавказья и Турции. Сочетание *лэу-дан(э)* означало, стало быть, «лоовский шелк», «шелк, доставленный из Лоо» (сб. «Этимология», М., 1968, стр. 119).

² П. Чарая основу этого слова считал исконно абхазским. См. П. Чарая. Об отношении абхазского языка к яфетическим. «Материалы по яфетическому языкознанию», IV, СПб., 1912, стр. 18. Противоположной точки зрения по этому вопросу придерживается Г. А. Климов. [См. Г. А. Климов. Абхазско-адыгские этимологии (заимствованный фонд)]. Сб. «Этимология», М., 1963, стр. 291—292.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Персидские заимствования в карачаево-балкарском языке

Точная хронологизация персидских заимствований в карачаево-балкарском языке представляется делом нелегким; она может быть исполнена в специальной работе. Здесь мы ограничимся указанием лишь на то, что преобладающее большинство этих слов в карачаево-балкарский язык проникло еще в древнейшее время (возможно в болгарско-аланскую эпоху). Если это так, то эти заимствования являются своего рода памятником, свидетельствующим о том периоде истории карачаевцев и балкарцев, который предшествовал оформлению этих народностей. Следовательно, всестороннее исследование этого слоя лексики карачаево-балкарского языка должно пролить дополнительный свет как на историю языка, так и на историю его носителей — карачаевцев и балкарцев.

К персидским заимствованиям в карачаево-балкарском языке относятся около 50 слов.

Значение карачаево-балкарской формы

абдез *сущ. рел.* омовение, очищение
ант *сущ.* клятва
апас *сущ.* монета в 20 коп.

ауаз *сущ.* голос; *ачыкъ тау-ушла къуру ауаз бла къура-ладыла* гласные звуки образуются посредством голоса
ашхам *сущ.* вечер; *в карачаево-балкарском языке понятие вечер передается еще словом ингир,*² ср. еще

Значение персидской формы

абдэст *сущ.* 1) вода для мытья рук;
2) омовение
ант *сущ.* клятва
аббаси (по имени шаха Аббасал)¹
аваз *сущ.* звук

акшам *сущ.* 1) сумерки, вечерняя заря; 2) вечером

¹ Об иранском происхождении этого слова см. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, стр. 24.

² Русско-карачаево-балкарский словарь, М., 1965, стр. 63.

чув. (*диал.*) енэрхи „вчерашний“¹

аперим bravo! (возглас одобрения)

Кулизар—женск. имя собств.

В балкарском компоненте карачаево-балкарского языка понятие „цветок“ передается словом *гуьл*, заимствованным из персидского языка. Например: *уйде обьген гуьлле* комнатные цветы.²

Кулистан—жен. имя собственное
гуьнах суц. рел. грех

къумач суц. мануфактура
тос суц. любовник; *тос кгатын* любовница
дарман суц. лекарство

дин суц. религия, вера
зар (адам) суц. завистник
сынджыр суц. цепь
Зумрат суц. жен. имя собственное
мурдар суц. убийца

маймул суц. обезьяна
мухур суц. печать
намаз суц. рел. молитва
Нияз— муж. имя собственное
Науруз— муж. имя собственное; ср. еще карачаевскую фамилию— Наурузлары

афэрин с тем же значением

гульзар суц. 1) цветник;
2) луг, покрытый цветами

гульстан суц. 1) цветник
2) цветочный сад
гоьнах суц. рел. 1) вина, проступок; 2) грех
гомаш суц. мануфактура
дост суц. друг, приятель

дэрман суц. 1) средство, способ; 2) лекарство, снадобье; 3) сила, мощь
дин суц. религия³
зар прил. ничтожный
зэнджир 1) цепь, 2) оковы
зоьмрэд 1) оливин, хризолит; 2) изумруд
мордар суц. 1) мертвечина, падаль; 2) труп; 3) нечистый.
мэймун суц. обезьяна
моьхэр суц. печать, штамп
намаз суц. рел. молитва
нийаз суц. просьба, мольба
нэуьруз суц. **Ноуруз**— первый день иранского нового года (21 марта)

¹ Материалы по чувашской диалектологии, вып. II, Чебоксары, 1963, стр. 139.

² Русско-карачаевс-балкарский словарь, М., 1965, стр. 695.

³ Об иранском происхождении данного слова см. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, ч. I, М.—Л., 1958, стр. 363.

патчах *сущ.* царь, король, шах

пайгъамбар *сущ. рел.* пророк

принч *сущ.* рис

оружнама *сущ. архаизм* календарь (лунный)

ораза *сущ. рел.* ураза (мусульманский пост)

ыспас балк. *диал. сущ.* благодарение, хвала; в карачаевском компоненте карачаево-балкарского языка это слово в том же значении употребляется в составе сложного термина **буьсуьреу-сыпас**

тукъум *сущ.* фамилия, род

Пердауус—женск. имя собственное

Файруз—женск. имя собственное

чыракъ *сущ.* свеча, лампа

чугуьндуьр *сущ.* свёкла

кемар *сущ.* пояс (женск.)

шакирт || шыкирт *сущ. архаизм* учащийся медресе в до-революционное время

шай *сущ.* монета достоинством в пять копеек

шекер *сущ.* сахар

шаптал *сущ.* абрикос

шахар *сущ.* город

умут *сущ.* надежда

уста *сущ.* мастер

джан *сущ.* душа, дух

Джандар—муж. имя собственное, ср. еще карачаевскую

падишэ *сущ.* царь, король, шах

пэйгамбэр 1) пророк 2) основатель какой-либо религии

пэрэндж *сущ.* рис

рузнамэ 1) газета, 2) дневник, календарь

рузэ *сущ.* с тем же значением

сипас *сущ.* 1) благодарение, признательность, хвала, восхваление (бога)

тухум *сущ.* возможно из перс. 1) семья, 2) яйцо

фирдэвус *сущ.* 1) сад, 2) рай, райский сад

фэйруьзэ *сущ.* бирюза

чираг *сущ.* 1) лампа, свет; светильник, фонарь; 3) освещение, свет

чогъондар *сущ.* свёкла

кэмэр *сущ.* пояс, кушак

шагирд *сущ.* 1) ученик, студент 2) учащийся медресе

шахи *сущ.* мелкая иранская монета

шикэр *сущ.* сахар

шэфталу *сущ.* персик

шэхэр *сущ.* город

оьмид *сущ.* надежда

оьстад 1) учитель, воспитатель; 2) мастер; 3) профессор

джан *сущ.* душа, дух

джандар *прил.* 1) живое существо, живая душа; 2) энергич-

фамилию—Джандарлары
Джанкир—1) муж. имя собственное; 2) лоботряс

аждагъан *суш. фолк.* дракон;
ср. еще кумык. аждагъа в том же значении
азбар *суш.* наизусть

хаман *нареч.* непрерывно, непрерывно, все время, беспрестанно
хьяр *суш.* тыква; слово употребляется представителями балкарского компонента карачаево-балкарского языка

ный человек
джихангир *суш.* 1) повелитель вселенной; 2) покоритель мира

эждаха *суш. фолк.* дракон

эзбэр наизусть учить, знать наизусть

хэман *нареч.* 1) очень быстро, без задержки; 2) непрерывно, все время, беспрестанно
хийар *суш.* огурец, возможно из перс.

II. Заимствования из осетинского языка

На объединенной научной сессии, посвященной проблеме происхождения карачаевского и балкарского народов (июнь, 1959, Нальчик), проф. В. И. Абаев, по интересующей нас проблеме, процитировал небольшой отрывок из своей прежней работы „Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев“ (журн. „Язык и мышление“, № 1, Л., 1933), где, в частности, сказано:

„Осетинские элементы в балкарском и карачаевском языке не могут быть объяснены распространением из нынешней Осетии.

В этом случае количество этих элементов резко убывало бы с востока на запад и в далеком Баксане или Карачае не могло быть значительным. Между тем на Баксане и Карачае аланизмов (т. е. якобы староосетинских элементов (!)—**примеч. авт.**) не меньше, причем некоторые из них не встречаются в Верхней Балкарии“¹

Мы с большой благодарностью и с глубоким уважением относимся ко всем тем, кто хоть в какой-то мере внес свой

¹ В. И. Абаев. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. (Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр.132).

вклад в дело разработки и исследования взаимосвязанных сторон языка карачаевцев и балкарцев. Но вместе с тем мы не можем умолчать, когда факты, приводимые в отдельных исследованиях, противоречат действительному положению вещей. Дело в том, что вышеприведенный тезис проф. В. И. Абаева не находит подтверждения на конкретном языковом материале и число осетинских лексических соответствий в карачаево-балкарском языке возрастает именно с запада на восток, а не наоборот.

Досаднее всего и то, что на страницах „Очерков истории Карачаево-Черкесии“, выпущенной Карачаево-Черкесским научно-исследовательским институтом экономики, истории, языка и литературы, находим полное повторение содержания вышеприведенного тезиса проф. В. И. Абаева, без критического осмысления и проверки на фактах топонимики и лексических соответствий.

Чтобы не быть голословным, приведем выдержку из „Очерков“: „По мнению В. И. Абаева, в карачаево-балкарском языке имеется аланский (иранский) языковой субстрат—подоснова. Помимо поздних заимствований в осетинском языке из карачаево-балкарского и, наоборот, в карачаево-балкарском из осетинского, в этих языках имеются общие термины, возникшие у этих народов в древние времена. Термины эти объясняются из аланского (иранского) языка. Интересно, что число этих терминов в Карачае и Балкарии увеличивается не с запада на восток, но направлению от Осетии. Это обстоятельство говорит против предположения о позднем заимствовании этих терминов“¹.

Ради справедливости, следует заметить, что некоторую ошибочность своего прежнего тезиса уже в 1964 году заметил сам В. И. Абаев (чего не заметили по каким-то неясным нам причинам составители „Очерков истории Карачаево-Черкесии“ в 1967 году!).

Так, на страницах сборника „Проблемы индоевропейского языкознания“ (1964) по этому же вопросу у В. И. Абаева сказано, что если „мы подойдем к вопросу об участии алан в этногенезе балкар и карачаевцев, мы должны будем признать, что это участие не было одинаковым для обоих народов. В самом деле, на территории Карачая мы имеем аланскую то-

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1967, стр. 115.

понимки, некоторые памятники материальной культуры аланского периода и некоторое количество осетинских слов в карачаевском языке (*разрядка наша*)...

Другое дело—Балкария. Здесь, помимо обильной аланской топонимики, аланской археологии и множества осетинских слов в балкарской речи (*разрядка наша*), мы находим еще знаменательную алано-балкарскую фонетическую изоглоссу—цоканье: общетюркским шипящим аффрикатам *чи* и *дж* в балкарском (точнее, в так называемом верхнебалкарском) отвечают свистящие аффрикаты *ц* и *з*. Эту черту балкарской речи следует, бесспорно, считать аланским наследием. Ни один из тюркских языков Северного Кавказа—ни карачаевский, ни кумыкский, ни ногайский—не являются цокающими. Нет цоканья и в близкородственных им тюркских языках за пределами Кавказа. В одно время высказывалось мнение, что цокающим был куманский (половецкий) язык, но это мнение не получило признания и сейчас, насколько могу судить, никем не разделяется. Стало быть, балкарское цоканье в кругу родственных тюркских языков—явление изолированное¹.

Думается, что теперь становится ясным, в каком направлении (от Осетии или в сторону Осетии) увеличивается количество осетинских лексических соответствий в карачаево-балкарском языке.

В трудах проф. В. И. Абаева приводится более двухсот слов общего характера, частью илущие от карачаево-балкарского корня, другою—от осетинского.

Мы должны заметить, что из общего количества этих слов представителями карачаевского компонента карачаево-балкарского языка употребляются всего лишь около 80 слов.

Приведем эти слова².

Значение карачаево-
балкарской формы

Значение осетинской
формы

Термины неживой природы

чегет лес
дуппур бугор, холм

цэгат северный склон горы
туппур бугор, холм

¹ Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, стр. 116.

² Примеры взяты из работы В. И. Абаева «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и «Черека». (См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 275—289).

гымых низко остриженный
дорбун пещера
ырхы русло дождевого по-
тока
тылпыу пар, дыхание
халы нитки
чурукъ сапог
коьнчарыкъ кожанные чувяки¹
гебенек пальто из войлока
хызин сумка
багуш свалка
стауат стойбище для скота

гэмэх место, покрытое скуд-
ной растительностью
дорбун букв. каменный пол;
слово в самом осетинском не
употребляется
эрхэ русло дождевого потока,
балка, лощина
тулфэ пар, дыхание (диг.
диал.)
халэ нить
цулукъ || цучукъ сапог
гонцарук чувяки (диг. диал.)
гебена короткая шуба
хызын || хизин сумка, мешок
фагус навоз
стонуат стойбище для скота²

Термины живой природы

нызы ель
чум кизил
туьртуь барбарис
наныкъ малина
такъвъзуьрк рябина
муртху калина
кырдык трава
мурса крапива
къызыл шкилди брусника
джыгыра наз. съедобной тра-
вы
джугьутур горный тур
уку сова
джумарыкъ горная индейка

назу ель
цум кизил
турту барбарис
нинэгъ малина (диг. диал.)
тэкъузгэ рябина
муртгэ калина
кэрдэг трава
пурса || пуруса крапива
скелды брусника (диг. диал.)
зэгэрэг то же самое, что и в
карач.-балк. яз.
зэбодур горный тур
уг сова
зумаргъ горная индейка

Анатомические и медицинские термины

джукка женская грудь, сосок
базук предплечье

зуккэ сосок
базук предплечье

¹ Термин образован из тюрк. коьн «шкура», «кожа», «сырец» (см. Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 42) и чарыкъ «чувяк».

² Слово у В. И. Абаева дано с пометкой «ныне устарело» (В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 280).

хамхот морда
тулу темя у детей
дордан зоб у птиц
чымылтыр грыжа
чыгыр парша
хыппил волдырь

хэмхоттэ морда
тулэ темя у детей
дордонэ зоб у птиц
цэлмартэн грыжа
цэгэр парша
хэппил волдырь

Социальные и этнические термины

ныггыш место в дореволу-
ционном ауле, где собирались
старики
тегейли осетин

нихас место в ауле, где со-
бирались старики на совет

тэгиа-тэ осетины-тагаурцы

Название качеств физических и психических

чубур куцый, короткий
мылы сырой
мысты кислый
къолан пестрый, пятнистый

цубур короткий
утэл сырой(?)
маст горький
гъолон || къулон пестрый, пят-
нистый

мутхуз тусклый, неопреде-
ленного цвета
джут алчный, скупой
мухар обжора
сант полоумный

мудхуз букв. медового цвета

зуд жадный
фурхуар обжора
сонт полоумный, идиот

Название культурных растений

хумеллек хмель
къудору бобы

хумэллэг хмель
къэдорэ бобы

Название домашних животных

уанык бычок
гылыу осленок
гаджи сука

уэныг бычок
кэлэу осленок
газа || гасса сука

Термины материальной культуры

балас плетенка из молодых
деревьев, на которой волокут
сено с гор

бэлас дерево

гырмык веревка, свитая из травы

дырын неубранное сено

тыбына шерстяная веревка
чана сани

габдеш ясли, кормушка для скота

тырхык земляная полка
буруу ограда

шиндик скамья, стул
джыккыр кадка (небольшая)

чолпу ковш, черпалка
лыхдын толстая палка

хыджи палка с крюком на конце

гоппан большая деревянная чаша

гыбыт бурдюк

гырджын хлеб, чурек

к'эрмэг || **к'элмэг** веревка, свитая из травы, затычка, сделанная из травы

дэрэн неубранное сено, разбросанное

тэбын шерстяной
цонэг сани

къэвдх ясли, кормушка для скота

тэрхэг каменная скамья, полка
буру ограда

сынтэг кровать

цыхгээр кадка (небольшая)

цолпи ковш, черпалка

лук-дун букв. с обрезанным концом; слово в самом осетинском языке не употребляется

хээ палка с крюком на конце, багор

коппа большая деревянная чаша

гэбет бурдюк

кэрзэн хлеб, чурек (не пшеничный)

Разное

бусхул тряпка

биттир летучая мышь

гыбы паук; мал **гыбы** клещ

зайын яйцо под наседкой

саггыш дума, раздумье

хыппырыкъ мокрота при харканьи

мыллык труп (животного), туша

хуппеги сыворотка

тегене корыто

бузгъур тряпье

биттир летучая мышь

гэбу клещ

зайэм яйцо под наседкой

саггэс дума, раздумье

хэппэр мокрота (при харканьи)

мэллэг худой, тощий

хуппаг жидкая каша

тэгэна корыто

Есть еще несколько составных осетинско-карачаево-балкарских терминов, как *ыстым кече* „ночь совершения над но-

ворожденным известного обряда“, где первый компонент *ыс-тым* из осетинского *эстэм* значит „восьмой“, *кече* карач.-балк. „ночь“, *ырнык киштик* „дикая кошка“, где первый компонент *ырнык* является, по-видимому, заимствованным, так как в осетинском оно имеет самое общее значение „дикий, одичавший“; *киштик* карач.-балк. „кошка“.

Таким образом, вывод ясен. Количество осетинских лексических соответствий в составе лексики карачаево-балкарского языка резко убывает с востока на запад, т. е. в караче „осетинизмов“ гораздо меньше, чем в Балкарии, расположенной в непосредственной близости к Осетии.

Все это, разумеется, говорит не в пользу существующей теории о том, что „осетинские элементы в балкарском и карачаевском языке не могут быть объяснены распространением из нынешней Осетии“¹, и что территория верхнего Прикубанья (современная Карачаево-Черкесия) будто бы „была значительный период времени населена народом, говорящим на осетинском языке, точнее на дигорском наречии осетинского языка“².

Несколько слов относительно цоканья в черекском (верхнебалкарском) диалекте современного карачаево-балкарского языка.

До последнего времени это явление старались объяснить влиянием соседнего осетинского языка.³ Более того, верхнебалкарское цоканье в кругу близкородственных тюркских языков некоторыми авторитетными лингвистами ошибочно считается явлением изолированным⁴.

О том, что эти утверждения далеки от истины, не распространяясь широко, отсылаем к специальным серьезным исследованиям по этому вопросу⁵.

¹ О происхождении балкарцев и карачаевцев, Нальчик, 1960, стр. 132.

² В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 249.

³ Н. А. Караулов, Краткий очерк грамматики горского языка «болкар». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 42, Тифлис, 1912, раз. 3, стр. 2.

⁴ В. И. Абаев, О происхождении фонемы *h* в славянском. Сб. «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 116.

⁵ Ш. Х. Акбаев, Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения), Черкесск, 1963, стр. 88—85; А. Ж. Будаев, Система фонем современного карачаево-балкарского языка, Нальчик, 1968, стр. 128 — 129.

Здесь же отметим то, что цоканье, вопреки этим утверждениям, свойственно и другим тюркским языкам как Северного Кавказа, так и за пределами Кавказа.

Так, например, цоканье имеет место в близкородственном караимском языке: *чач—цац* „волосы“; *чайпа—цайна* — „уничтожать“; *ачы—ацы* „горький“; *балчых—балцык* „болото, глина“; *биянч—биенц* „радость“¹.

Цоканье наблюдается в языке западносибирских татар: *чэй—цай* „чай“; *чалышаю—цалышу* „кривиться, покривиться“; *чэчрэуь—цацрау* „брызгать“² и т. п. и в ордубатском диалекте азербайджанского языка³. Это явление наблюдается, хотя и не регулярно, в северных диалектах киргизского языка⁴.

В результате всего сказанного, мы полностью присоединяемся к мнению Ш. Х. Акбаева, которое гласит: „Зоканье и цоканье, наблюдаемые в диалектах тюркских языков, возникли в результате собственно фонематических процессов и уходят в общетюркскую (или пратюркскую) даль времени“⁵.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

В количественном отношении арабских слов в составе лексики карачаево-балкарского языка гораздо больше, чем, например, персидских, хотя установить генетическую принадлежность того или иного слова к одному из этих двух языков часто нет возможности, так как очень многие из арабских и персидских слов являются общими для них обоих.

Проникновение арабизмов в карачаево-балкарский язык началось, по-видимому, очень рано, по крайней мере, задолго до принятия ислама карачаевцами и балкарцами, через посредство языка древнетюркских племен Северного Кавказа и Поволжья, участвовавших в их этногенезе.

К заимствованиям из арабского языка в карачаево-балкарском языке относятся следующие слова:

¹ К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 40.

² Д. Г. Тумашева. Язык западносибирских татар (грамматический очерк и словарь), Казань, 1961, стр. 216 — 217. (на тат. яз.).

³ М. Ш. Ширалиев. Азербайджан тилида кыпчакъ элементлари. Сб. «Узбек тили ва адабиёти масалалари», Ташкент, 1961, стр. 39.

⁴ И. А. Батманов. Северные диалекты киргизского языка, вып. I. Фрунзе, 1938, стр. 23.

⁵ Ш. Х. Акбаев. Ук. соч., стр. 94.

Значение арабской формы

амал мн. ч. от эмэл *сущ.* надежда, чаяние, опора

амин *прил.* 1) верный, надежный, честный, достоверный; 2) безопасный; благополучный; 3) доверенный

аманат *сущ.* 1) доверенность, доверие; 2) *перен.* дар; 3) вещь, отданная на хранение, заклад

Асият *сущ.* 1) женщина-врач; 2) лечащая

асыл *сущ.* 1) корень, основа, суть; 2) начало, происхождение; 3) красивый, прекрасный

адеб *сущ.* 1) хорошее воспитание, вежливость, добрые нравы; 2) воспитанность, благопристойность, приличие

ахир *прил.* последний, конечный

ахирэт *сущ.* 1) загробная жизнь; 2) верный, закадычный друг

айат *сущ.* 1) знак, метка; 2) стих Корана

амма *част.* 1) однако, однако же; 2) возглас удивления, восхищения

аджал *сущ.* смерть, кончина

азаб *сущ.* мука, страдание

Азраил *сущ. рел.* 1) ангел

Значение карачаево-балкарской формы

амал *сущ.* способ, выход из положения

Амин муж. имя собственное

аманат *сущ.* 1) поручение; 2) вещь, отданная на хранение; ср. **аманат касса** сберегательная касса

Асият—женск. имя собственное

асыл *прил.* 1) настоящий, благородный; 2) происхождение (родовое)

адеб *сущ.* вежливость, добрые нравы, приличие

ахыр *прил.* конечный, последний

ахырат *сущ. рел.* загробная жизнь

аят *сущ. рел.* стих Корана

амма *союз* но, однако, зато; Ср. у Аз. Ургенова: „Бу джылдуз тууарыкъды хар къайда: Германияда. Балкандэ эм Кытайда, амма бирлешсинле джарлыла хайда-хайда! деб боллукъчан сёлешген Ленин къайда“. (Избр. произв., стр. 26)

аджал *сущ.* смерть, кончина
азаб *сущ.* 1) мука, страдание; 2) наказание

Азраил *сущ. рел.* ангел смерти

смерти; 2) жестокосердный, жестокий

айыб масдар 1) недостаток, порок; 2) порицание

акъыл суц. 1) ум, разум, интеллект; 2) понимание, здравый смысл

алим пр. действ. залога 1) знающий, сведущий; 2) ученый

ансар суц. мн. ч. 1) помогающие, помощники, приверженцы, сторонники; 2) *рел.* сподвижники Мухаммеда

ануар пр. ст. залога от нур—лучистый, светлый, лучезарный

асир || **эсир суц.** 1) пленный; 2) раб, невольник

ассаламу алейкум фраз. „Да будет мир над Вами!“

аскер суц. армия, войско
астофируллах фр. рел. „Прости господи!“

ахлы || **ахыл суц.** 1) человек, люди, хозяин; 2) население, жители; 3) способный (к чему-либо) человек; 4) родственники, супруги

ашраф пр. ст. залога от шериф 1) знатный; 2) благородный, честный

башир прил. приносящий радостную вещь, вестник радости
Боракъ суц. рел. животное, на котором Мухаммед якобы вознесся на небо

айыб суц. стыд

акъыл суц. ум

алим суц. ученый

Ансар—муж. имя собственное

Ануар—муж. имя собственное

джесир суц. плен, пленный

салам алейкум формула приветствия „Здравствуйте!“ (у мужчин)

аскер суц. армия, войско
астопирилла част. употребляется для выражения чувства недоумения, растерянности, удивления

ахлы суц. родственник; **ахлылары мн. ч.** родственники. Ср. у Аз. Уртенова:

„Чыдаб боламагъан халда ичим куьйуьб, термилеем ахлыма, ичим куьйуьб“.
(Избр. произв., стр. 13)

Ашраф—муж. имя собственное

Башир—муж. имя собственное

Боракъ суц. рел. с тем же значением

берекет *сущ.* 1) изобилие, благоденствие; 2) экономность, бережливость

биллахи *словосочет. рел.* „Клянусь аллахом!“

Джабраил *сущ. рел.* архангел Гавриил

векил *сущ.* 1) представитель; 2) уполномоченный, агент
дэкъыйкъэт (*ун*) *сущ.* 1) минута; 2) частица, физ. молекула; 3) тонкость

дараджат (*ун*) *сущ.* 1) степень; 2) ранг, звание, квалификация; 3) градус; 4) класс (в поезде, на пароходе)

дарс (*ун*) *сущ.* урок, лекция
дунья *сущ.* свет, мир

джин *сущ. собир. миф.* духи, демон

джума *сущ.* 1) молитва, совершаемая вместе; 2) пятница; 3) неделя

джаббар *прил.* 1) могущественный, могучий; 2) эпитет аллаха; 3) жестокий, немилосердный; 4) астр. Арион

джамагъат *сущ.* 1) группа людей, толпа; 2) общество, община

джамал *сущ.* красота, миловидность, привлекательность

джаназы *сущ.* 1) покойник, подготовленный для погребения; 2) похороны, похоронная процессия

джаннет *сущ.* 1) сад; 2) *рел.* рай.

берекет *сущ.* изобилие, благоденствие

биллахи *рел.* архаизм формула клятвы

Джабраил *сущ. рел.* архангел Гавриил

оькуьл *сущ.* адвокат

такъикъа *сущ.* секунда

дараджа *сущ.* степень; ср. **сыфатны тенгешдириу дараджалары** степени сравнения прилагательных

дерс *сущ.* урок, лекция

дунья *сущ.* свет, мир, вселенная; ср. **саулай дуньяда**

тынчлыкъ уьчуьн куьрешуи борьба за мир во всем мире

джин *сущ. миф* духи

джума (**намаз**) *сущ. рел.* день коллективного совершення молитвы, пятница

Джаббар— муж. имя собственное

джамагъат || **джамауат** (*балк. диал.*) *сущ.* общество

Джамал— муж. имя собственное

джаназы *сущ. рел.* похороны, похоронная процессия

джандет *сущ. рел.* рай. ср. еще

джаухарат *сущ.* 1) драгоценный камень (алмаз, жемчуг, бриллиант и т. п.); 2) драгоценность

джихэннэм *сущ. рел. ад,* преисподняя

джауаб *сущ.* ответ

джахил *пр. дей, залога* 1) невежественный, неграмотный; 2) невежа, неуч

даим *пр. действ. залога* 1) длящийся, непрерывный, длительный; 2) постоянный, вечный

Даджджал имя собств. Анти-мухаммед (который, по религиозному поверью, появится перед кончиной мира)

илм (ун) *сущ.* 1) знание; 2) наука

имам *сущ. рел.* 1) духовное лицо; 2) мусульманский деятель, располагающий духовной и светской властью; вождь; 3) основатель религиозной секты; 4) авторитет в науке

иман масдар IV 1) вера, убеждение; 2) иман (слова, произносимые для заверения в верности богу)

инсан *сущ.* человек

дину-л-исламу *сущ.* мусульманская религия

исраф масдар IV 1) расточительность; 2) расточительство

Джандет — женск. имя собственное

Джаухарат — женск. имя собственное

джаханиб *сущ. рел. ад*

джууаб *сущ.* ответ

джахил *прил.* неграмотный

дайым нареч. постоянно

Таджал — *рел.* имя собственное в том же значении

илму *сущ.* наука; ср. **табигъат илмула** естественные науки

имам *сущ. рел.* духовное лицо в дореволюционных Карачае и Балкарии

иман *рел. славосоч.,* произносимое в дореволюционных Карачае и Балкарии для заверения в верности Исламу

инсан *сущ.* человек

дин-ислам *сущ.* 1) мусульманская религия; 2) Динислам, Ислам — муж. имена собственные

зыраф *сущ.* безмерная трата; расточительство; ср. **зыраф джоючу** расточитель; **зыраф**

исрафил *сущ. рел.* Исрафил (архангел, который, по поверью мусульман, будет трубить о наступлении страшного суда)

Исмаил 1) муж. имя собственное; 2) имя восьмого пророка из двадцати восьми, упоминаемых в коране

къадар *сущ.* судьба, рок, предопределение

къазий *сущ.* 1) победитель, завоеватель, захватчик; 2) воин

къайсар *сущ.* 1) Цезарь, царь; 2) император; 3) падишах

къалам *сущ.* 1) тростниковое перо, перо; 2) *перен.* стиль письма, почерк; 3) грамм. состав предложения

къасым *пр. действ. залога* делящий, разделяющий

къассаb *сущ.* мясник

къатифат (ун) *сущ.* бархат, плюш

къаум *сущ.* 1) народ, нация; 2) потомство, племя, род; 3) люди одной профессии, одной группы

китаb *сущ.* 1) книга; 2) письмо, послание, грамота

къабр *сущ.* 1) могила

къахм *сущ.* 1) проститутка, шлюха; 2) подлый, идущий на любую подлость в корыстных целях

къудрет *сущ.* 1) могущество, мощь, сила; 2) способность

къыбла *сущ.* 1) къыбла (сторона, к которой мусульманин обращается лицом во время

джояргъа расточать
Исрафил || **Срапил**—муж. имя собственное

Исмаил—муж. имя собственное

къадар *сущ. архаизм* рок. предопределение

Къазий—муж. имя собственное

Хайсар—муж. имя собственное

къалам *сущ.* ручка (для письма)

Къасым—муж. имя собственное

къассаbчы *сущ.* мясник

къатапа *сущ.* бархат, плюш

къаум *сущ.* группа; ср. спортсменлени къаууму группа спортсменов

китаb *сущ.* книга

къабыр *сущ.* могила

къахм *сущ.* проститутка

къудрет *сущ.* 1) мощь, сила; 2) множество

къыбыла *сущ.* юг; ср. юйню, терезелери къыбылагъа айланбыдыла окна дома обраще-

молитвы; 2) юг
къурбан *сущ.* 1) жертва, жертвоприношение; 2) самопожертвование (ради какого-либо дела)

къыбланамэ *араб.-перс. сущ.* компас

къыямат *сущ.* 1) *рел.* воскресенье, конец света; 2) столпотворение, суматоха, беспорядок

казибат *сущ.* обманщица

къяфир *пр. действ. залога*
1) отвергающий, непризнающий; 2) непризнательный, неблагодарный; 3) *рел.* неверующий, нечестный, неверный; 4) безбожник, гяур

Кааба *сущ.* 1) мусульманский храм в г. Мекке; 2) *перен.* центр притяжения

кайф (ун) *сущ.* 1) удовольствие, наслаждение; довольствие; 2) хорошее расположение духа, настроения

калимат *сущ.* слово

кеуьсар *сущ.* 1) медовый напиток; 2) *бот.* нектар; 3) *рел.* Аль-кяусар (название райского источника)

керим *прил.* 1) щедрый, великодушный, благородный; милосердный, любезный; 2) почтенный, великий; уважаемый, дорогой

керам *сущ.* щедрость, великодушие, благородство

кебин *сущ.* саван

кетен *сущ.* 1) лен; 2) льняное

ны на юг

къурман *сущ. рел.* название мусульманского праздника

къыбылама *сущ.* компас

къыямат куьн *сущ. рел.* день суда, воскресенье

Казибат—женск. имя собственное

кафир *сущ. рел.* безбожник, неверующий (в бога)

Кеба *сущ.* мусульманский храм в г. Мекке

кеф *сущ.* удовольствие, наслаждение; ср. *перен.* **кефли адам** человек, слегка выпивший (веселый)

Келимат—женск. имя собственное

Кеусар || **Кяусар**—женск. имя собственное

Керим—муж. имя собственное

Керам—муж. имя собственное

кебин *сущ.* саван

кетен *сущ.* льняная ткань

волокно; 3) льняная ткань
изн (ун) *сущ.* 1) позволение,
разрешение; 2) ордер

лакин союз однако

лейла *сущ.* 1) ночь, вечер;
2) имя собственное (женское)
— Лейла

Локъман— муж. имя собственное (имя древнего арабоязычного мудреца и баснописца)

лукъмат (ун) *мн. ч. лукъум *сущ.** кусочек, нечто малое по размерам, пища на один глоток, ломтик

мал *сущ.* имущество, достояние, состояние, богатство (деньги, скот и др.)

Малик *пр. действ. залога*

изин *сущ. архаизм* разрешение; слово встречается в произведениях одного из основоположников карачаево-балкарской советской поэзии Аз. Уртенова, на пример:

Джылтырагъан, джанган нуър
джулдузланы
Билим тенгизинде джюзген
къызланы
Атындан джурекчигинг,
колюнг сувер,
Азатлыкъ салам иерге **изин**
бер!..

(Избр. произв., стр. 99)

лакин союз однако; ср в произведениях Аз. Уртенова:

Быланы барындан да таза
болса,
Лакин билгени аракъы, боза
болса,
Бу эки затха халкъны оза
болса,
Муълкуьбуьзнуь бошаса уа
не этербиз!?

(Избр. произв., стр. 27)

Лейла— женск. имя собственное

Локъман— муж. имя собственное

локъум *сущ.* кусочки жареного теста

мал *сущ.* скот; ср. дуня мал богатство, имущество, достояние и т. п.

Малик— муж. имя собственное

1) обладатель, собственник;
2) царь, король
масдар *сущ.* 1) источник, происхождение; 2) *грамм.* отглагольное имя, неопределенное наклонение

машаллах 1) *рел букв.* то, что пожелал (захочет) аллах; 2) *перен.* как это прекрасно!

маджид *пр. действ. залога* славный, прославленный

миллет *сущ.* нация

масала || **мисал** *сущ.* 1) пример; 2) модель, образец

михраб *сущ.* 1) ниша в мечети, показывающая направление моления; 2) святилище

мурат *пр. ст. залога* 1) цель, желание; 2) предмет желания

залим *пр. действ. залога*
1) несправедливый, жестокий;
2) притеснитель, тиран

заман *сущ.* 1) время, пора, эпоха; 2) *грамм.* время

(встречается очень редко)

Масдар *терм. грамм.* отглагольное имя

машалла *возглас* одобрения „молодец!“

Маджид—муж. имя собственное

миллет *сущ.* нация, народность

мисал *сущ.* пример; ср. **мисал келтирирге** привести пример

михраб *рел.* *архаизм* в дореволюционных Карачае и Балкарии ниша в мечети, показывающая направление моления

мурат *сущ.* 1) цель, желание; 2) предмет желания; 3) **Мурат**—муж. имя собственное

залим *прил.* 1) сильный, могучий; 2) *архаизм* притеснитель, тиран; ср. в языке поэзии 30-х годов:

Куьчлуьлуьк дунясына улуу
кьорктуу салгъан,
Залимлени башын кесе кьолу
талгъан,

Оьхдем коьрсе ачууланьб
коькуьрек керген,

Ишчи, элли сыныф ючюн
джан берген'

(А. Уртенев. Избр. произв., стр. 36)

заман *сущ.* 1) время, пора; ср. **иш заман** рабочее время; **джазгъы заман** весенняя пора; 2) *грамм.* время; ср. **бу-сагъат заман** настоящее вре-

зат *сущ.* 1) вещь, предмет; 2) личность, особа, субъект; 3) сущность, суть, существо

зейтун *сущ.* масличные деревья, оливы

зеки *прил.* 1) пронизательный, умный, способный; 2) смысленый

зауукъ *сущ.* 1) вкус; 2) склонность; 3) вкушение, наслаждение, удовольствие; 4) способность отличить хорошее от плохого

зекат *сущ. рел.* подходящий налог на торговцев в размере 1/40 дохода

земзем *сущ.* 1) Земзем (колодец при храме Кааба в г. Мекке); 2) *перен.* вино, водка

зина *сущ.* 1) прелюбодеяние, распутство; 2) проституция

зикр *сущ.* 1) упоминание; 2) воспоминание; 3) зикр (моленье, заключающееся, главным образом, в непрерывном произношении хором имени аллаха)

зулкърнайн *сущ.* 1) двурогий; 2) прозвище Александра Македонского

иблис *сущ. рел.* дьявол, черт

мя; озгъан заман прошедшее время и т. п.

зат *сущ.* вещь, предмет

Зейтун—муж. имя собственное

зекий *прил.* умный, способный; ср. у Аз. Уртенова;

Саулукъда саулугъу барды, бек **зекийди**;

Сейир туюлюмюд окъуудан джахилме дейди!
(Избр. произв., стр. 25)

зауукъ *сущ.* наслаждение, удовольствие; ср. **зауукъ этдирирге** доставлять удовольствие (кому-либо)

зекат *сущ. рел.* небольшой сбор с каждого члена семьи для верующих (в настоящее время это слово почти не употребляется)

земзем (суу) *сущ. рел.* святая вода; слово встречается в старинных карачаевских песнях

зийна *сущ.* прелюбодеяние, распутство

зикр *сущ. рел.* моленье, заключающееся главным образом, в беспрестанном произнесении хором имени аллаха

Зулкърнайн—муж. имя собственное

иблис *сущ. рел.* дьявол, демон

изафет *терм. грамм.* определенная группа имен существительных

мустафа *пр. стр. залога*

1) избранный, избранник;
2) эпитет пророка Мухаммеда;
3) муж. имя собственное

мухтар *пр. стр. залога* 1) полномоченный, самостоятельный, автономный; 2) выборный; 3) избранный; свободно действующий

магъдан *сущ.* 1) рудник, шахта, копь, россыпь; 2) руда, металл

медед *сущ.* помощь, поддержка

изафет *терм. гр.* изафет— сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому—своему определяемому и одновременно дополняемому¹

Мустафа—муж. имя собственное

Мухтар—муж. имя собственное; ср. азерб. *прил.* мухтар автономный; **мухтар республика** автономная республика²

магъадан *сущ.* металл, руда; **магъадан къатышлы топуракъ**—россыпь; **магъадан къазылгъан джер**—копи (мн. ч. от копь)

медед—слово употребляется в значении возгласа о помощи, поддержке, сожаления, например:

Ишедытгуър, джигер эди
Джигерликде эрлени озгъан
эр эди.

Не файда, джазыкъ джан.

Сеннге медет-медет,

Налат сеннге эски дуня,

эски адет!

(А. Уртенев. Избр. произв., стр. 162)

ср. еще **ай медет!**—возглас безвыходности положения

¹ Подробно см. С. С. Майзер. Изафет в турецком языке, М.—Л., 1957.

² Русско-азербайджанский словарь, Баку, 1955, стр. 14.

медресе *сущ.* 1) место, где обучаются; 2) школа, училище

меккар *сущ.* 1) коварный человек; 2) коварный, хитрый
мектеб *сущ.* школа, учебное заведение

макъсуд *пр. стр. залога*
1) предмет желания; 2) стремление, желание
мекан *сущ.* 1) место, местечко; 2) местопребывание, 3) жилище; 4) *перен.* степень, ранг, чин

мелек *сущ. рел.* ангел
минара *сущ.* башня, минарет
марджан *сущ.* коралл

месджит *сущ.* мечеть
махмуд *пр. стр. залога* 1) хвалимый, прославленный; 2) муж. имя собственное

махди *сущ.* 1) стоящий на верном пути; 2) наставляющий на верный путь, мессия; 3) Махди—имя 12-го шиитского имама

меджису *прил.* 1) языческий; 2) огнепоклонник

медресе—название духовного учебного заведения в дореволюционных Карачае и Балкарии

Мекер—муж. имя собственное

мектеб—название школы в дореволюционных Карачае и Балкарии

Махсуд—муж. имя собственное

мекам *сущ.* жилище

моьлек *сущ. рел.* ангел

минара *сущ.* минарет
Марджан—женск. имя собственное

межгит *сущ.* мечеть
Махмуд—муж. имя собственное

Махти—муж. имя собственное

меджисуу || **меджисуулуьк** *сущ.* язычество; **меджисуу** адам язычник

Очень часто слово **меджисуулуьк** употребляется в переносном значении— „дикость“, „невежественность“, „отсталость“ и т. п. Ср., например: „Педтехникум бла педрабфакны бизни областны культура-

муаллим *пр. действ. залога*

1) обучающий; 2) учитель, преподаватель

мунир *пр. действ. залога*

1) освещающий; 2) светящийся

мурид *пр. действ. залога*

1) последователь, ученик;
2) *рел.* мюрид — последователь духовного руководителя — мюршида

муслимун *сущ.* мусульманин, магометанин

муадзин *пр. действ. залога*

1) призывающий на молитву;
2) муэдзин

мухаджир *пр. действ. залога*

1) переселяющийся, эмигрирующий; 2) переселенец, эмигрант

мискин *прил.* 1) бедный, неимущий; бедняга;

2) убогий, несчастный

сын обсудурууде, халкъны арасында къарангылыкъны, меджисуулукъну къурутууда уллу джарагъанлары ким да сейирсиничада".

(газ. „Ленини байрагы“ №1, 1969)

мугъалим *сущ.* название учителя в дореволюционных Карачае и Балкарии

Мунир — муж. имя собственное

муьруьт *сущ. рел.* мюрид

муслиман *сущ.* мусульманин, магометанин

муадзин *сущ. рел.* призывающий на молитву: ср. еще **азанчы** в том же значении:

Пример из художественной литературы:

„Байыракъ адам оьлген болур: муадзин, джанын-къанын аямай, минараны алгы тешигинден да башын узатыб, бек къоб салах тартды.

(Х. Анпаев. „Къара къюьр“)

Мухаджир — муж. имя собственное

мискин *прил.* архаизм бедный, неимущий, ср., например:

Тушманланы джуьрегине окъ саблагъан,
Эзиучуьлени джелкелеринден къаблагъан,

Мискин халкъны кърругъан
эмда кърурукъ,
Аны куъчуъ бла джарлы
халкъ солурукъ,
Джашасын, пролетарны темир
къаласы
Къызыл аскер ишчи, элли ба-
ласы!
(Аз. Уртенев. Избр. произв. стр. 36)

низам масдар III 1) порядок,
строй; 2) система, режим,
регламент, устав,

назир пр. действ. залога
1) смотрящий, наблюдающий;
2) заведующий; 3) руководи-
тель учреждения; 4) министр

назим пр. действ. залога
1) организующий, приводящий
в порядок; 2) организатор;
устроитель; 3) стихогворец
назму сущ. 1) стихотворение;
2) стихи, поэзия

наиб пр. действ. залога 1) за-
мещающий;
2) наместник, заместитель

намыс сущ. 1) честь, досто-
инство, репутация; 2) закон,
основоположение; 3) чистота,
целомудрие

наджас прил. нечистый, по-
ганный, грязный

накъыш сущ. рисунок; укра-
шение, резьба, резная надпись
нафисат сущ. 1) драгоценная
вещь, изящная вещь 2) кра-

низам сущ. порядок, режим;
в том же значении употреб-
ляется балк. (диал.) **низам**;
ср. **мизамгъа** || **низамгъа са-**
лыргъа привести в порядок!
мизамны || **низамны туаргъа**
соблюдать порядок и т. п.

Назир—муж. имя собственное

Назим—муж. имя собственное

назму сущ. стихотворение,
стих; ср. **назмула окъургъа**
читать стихи

Наиб—муж. имя собственное

намыс сущ. честь; **намыслы-**
лыкъ целомудрие; ср. **намы-**
сынгы сакъла береги свою
честь

начас сущ. плут

накъыш сущ. рисунок, рез-
ная надпись, украшение
Написат—женск. имя собст-
венное

савица

насыб *сущ.* 1) часть, доля, пай; 2) удел, судьба

неках *масдар III* женитьба, брак, бракосочетание

нишан *сущ.* 1) метка, след, знак; 2) цель, мишень; 3) обручальное кольцо; 4) орден, знак отличия

нийет *сущ.* намерение, цель

нур *сущ.* свет, блеск

риязият *сущ.* математика

рамазан *сущ.* девятый месяц лунного календаря

рашид *пр. действ. залога* 1) правильный, идущий по правильному пути; 2) храбрый, мужественный, зрелый умом

расул *сущ.* 1) посланец посол, посланник, эмиссар; 2) апостол, пророк

рахат *сущ.* 1) спокойствие, покой, отдых, удобство, блаженство; 2) наслаждение, удовольствие

рауф *сущ.* милосердный, добрый, старательный

лагънат *сущ.* 1) проклятие; 2) изгнание

насыб *сущ.* счастье; ср. мени **насыбыма** на мое счастье: **насыбынгы коьруьрге** попытать свое счастье

неках *сущ. рел.* бракосочетание

ышан *сущ.* мишень, цель

иннет *сущ.* намерение, цель

нуьр *сущ.* свет, блеск; ср. **куьннуь нуьруь** свет солнца
Разнят—женск. имя собственное

Рамазан—муж. имя собственное

Рашид—муж. имя собственное

Расул—муж. имя собственное

рахатлыкь *сущ.* спокойствие

Рауф—муж. имя собственное

налат (бериу) *сущ.* проклятие; ср. „**Налат ол джанны бойнун кесген билекге! Налат ол мархаматсыз къаты джуьреке! Налат! Къоркъмай, тартынмай адам бууаргъа, аны джыртхан, паралагъан джаныуаргъа!**“

(Аз. Уртенев. Избр. произв. стр. 78—79)

ризкъ(ун) сущ. продукт, пища, пропитание

реджеб сущ. седьмой месяц лунного календаря

сабыр сущ. 1) терпение, выносливость, стойкость; 2) ожидание; 3) название лекарственного растения

саби сущ. мальчик, младенец
садакъа сущ. милостыня, пожертвование (с религиозной целью)

салауат сущ. хвалебные молитвы, славословие

салах сущ. 1) благо, добро; 2) благочестие, праведность; 3) пригодность (к чему-либо)

салим прил. целый, невредимый, здоровый

салих прил. 1) хороший; благой; добрый; 2) праведный, благочестивый

сани || саният—чис. второй(ая)

саф сущ. ряд, строй, шеренга

солтан сущ. Султан, правитель, государь

субхан аллах фр. рел. форм.

В произведениях А. Урте-нова это слово встречается и в форме **лагъана**.¹

рысхы сущ. богатство, добро

Эреджеб—муж. имя собственное

сабыр прил. терпеливый; **сабырлыкъ** терпеливость

сабий сущ. ребенок (вообще)
садакъа сущ. милостыня

салауат сущ. 1) рел. хвалебные молитвы; 2) **Салауат—муж.** имя собственное.

Салах—муж. имя собственное

Салим—муж. имя собственное

Салих—муж. имя собственное

Саният—женск. имя собственное

Саф—сущ. ряд; ср. в произведении Х. Аппаева „Къара кюбюр“: „Ал сафда олтурганладан къалганла, селешгенлерин тохтатаь, къурманлыкъла таба кетер къайгылы бола тебрегенлеринде...“

Солтан—муж. имя собственное

субхан аллах фр. возглас

¹ Ертенланы Азрет. Джазганларыны сайламылары, Черкесск, 1959, стр. 37.

мула восхваления, произносимая при удивлении, испуге и т. д.

сурат *сущ.* 1) картина, снимок, портрет; рисунки; 2) вид, образ, подобие; 3) статуя, форма, фигура

суфи *прил.* 1) набожный, благочестивый, воздерживающийся от дурных поступков; 2) суфи, мистик

суфийат *сущ.* воздерживающаяся, благочестивая, постоянно молящаяся женщина

сынфун *сущ.* 1) класс; 2) род, сорт, вид, категория

сырат(ун) *сущ.* 1) путь, дорога; 2) *рел.* труднопроходимый мост над адским огнем

сыфат *сущ.* 1) качество, свойство, характер, особенность; 2) *грамм.* имя прилагательное

себеб *сущ.* причина, повод, мотив

сагъат *сущ.* 1) час, часы; 2) время

салам *сущ.* приветствие, привет

саламат *сущ.* 1) безопасность, целость, благополучие; 2) здравость

сафар *сущ.* 1) путешествие, поездка; 2) проезд, рейс

удивления, неожиданности

сурат *сущ.* рисунок, снимок, картина, портрет

суфи *сущ. рел.* набожный, суфи

Супият — женск. имя собственное

сыныф || **синиф** *сущ. архаизм* класс; ср. „Джашасын ишчи **сыныфны** бирлиги, аны азат этерик джангыз тирилиги!“ (Аз. Уртенев. Избр. произв., стр. 15)

сырат **копьюр** *сущ. рел.* труднопроходимый мост над адским огнем

сыфат *сущ.* 1) *грамм.* имя прилагательное; 2) физиология; 3) образ

себеб *сущ.* причина, повод, мотив

сагъат *сущ.* часы, час

салам *сущ.* привет; **саламлашыу** приветствие; **саламлаширгъа** приветствовать

сау-саламат *нареч.* благополучно; **сау-саламатлыкъ** *сущ.* благополучие; ср. **сау-саламат джетдик** благополучно добрались (доехали)

Сафар || **Сапар** — муж. имя собственное

суура *сущ.* сура (название главы в Коране)

тебийет *сущ.* природа; натура; природные свойства предмета

талакъ *сущ.* развод (супругов)

талгат *сущ.* 1) внешность; вид, лик; 2) лицо, красота

тауарих *сущ.* 1) *мн. ч.* от тарих — история; 2) летопись

тауаккел масдар V 1) полагаться на свои силы, быть самонадеянным; 2) решительность; 3) *рел.* упование (надежда) на аллаха

теурат *сущ. рел.* Тора, „пятикнижие Моисея“.

тоба *сущ.* 1) раскаяние; 2) обет, зарок

уммет *сущ.* 1) *рел.* последователи (какого-либо) пророка; 2) нация, народ

устаз, устад *араб.-перс. сущ.*

1) преподаватель; учитель;

суура *сущ. рел.* название главы в Коране

табигъат *сущ.* природа; **табигъат билим** естествознание

харам талакъ салды фр. рел. развелся по шариату

Далхат — муж. имя собственное

таурух *сущ.* сказка; по-балкарски **таурухла** — небольшие рассказы и легенды, предания типа бывальщины¹

таукеллик *сущ.* решительность; **таукел** решительный

таурат *сущ. рел.* „пятикнижие Моисея“²

тоба *сущ. рел.* раскаяние

уммет *сущ. рел.* последователи пророка Мухаммеда (слово встречается в дореволюционных переводах книг духовного содержания с арабского языка, например, в „Маулуат китаб“)

устаз *сущ.* преподаватель; учитель; **уста** *сущ.* мастер,

¹ Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору, Нальчик, 1962, стр. 22.

² Среди арабских заимствований из области религии встречаются отдельные слова, относящиеся не к исламу, а к другим религиям. Таковы, например, **инджил** «Евангелие» и **таурат** «пятикнижие Моисея». Интересно отметить, что карачаевцы и балкарцы **инджил** и **таурат** рассматривают как исламские священные книги. Аналогичное явление, по наблюдениям А. К. Шагирова, встречаются и у кабардинцев, которые наряду с кораном клянутся и этими книгами, например: **Инджилч!е солуэ!** «клянусь инджилем!» **Теурат!че солуэ,** «клянусь теуратом!» (см. А. К. Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии языков. Нальчик, стр. 177).

2) мастер, умелец
файда *сущ.* польза; выгода, приобретение, барыш

фасыкъ *прил.* развратный, беспутный, порочный; 2) *рел.* безбожный; нечестивый, неверующий; 3) прелюбодей

факъыр *прил.* 1) бедный, нуждающийся; 2) *сущ.* бедняк

фарида *сущ.* 1) редкостная, драгоценная, бесподобная вещь, уникум; 2) жемчужина
фахм *сущ.* понимание, разумение

хадис *сущ.* 1) событие, явление; 2) обстоятельство
хаджи *сущ.* полонник, хаджи (человек, совершивший полонничество в г. Мекку)

хазинэ *сущ.* 1) сокровище, клад; 2) казна, казначейство;¹ 3) сокровищница, хранилище, шкатулка

хазрет *сущ.* 1) мулла; 2) господин; 3) величество, высочество, сиятельство

хайуан *сущ.* животное, зверь, скотина

хаким *сущ.* 1) судья, арбитр; 2) правитель, губернатор, начальник, 3) хозяин

умелец
файда || **пайда** *сущ.* польза; ср. андан не **файда барды?** какая от этого польза?

пасыкъ *прил.* 1) поганый, беспутный; 2) *перен.* убийца

факъыр *прил.* бедный, нуждающийся

Фарида—женск. имя собственное

фахму || **пахму** *сущ.* способность, талант, дар; **фахмулу** способный, талантливый

Хадис—муж. имя собственное

хаджи *сущ.* 1) человек, совершивший полонничество в г. Мекку; 2) **Хаджи**—муж. имя собственное

хазна *сущ.* 1) богатство, сокровище, 2) *перен.* союз **хазна лексика**

Азрет—муж. имя собственное

хайуан *сущ.* животное; **уйй хайуанла** домашние животные; **кийик хайуанла** дикие животные

Хаким—муж. имя собственное

¹ О пути заимствования слова казна в русском языке из арабского языка см. И. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1966, стр. 137.

хакъ *сущ.* 1) плата, цена; 2) истинный, настоящий, подлинный, правильный; 3) доля, пай; 4) бог; 5) право

халал *прил.* разрешенный, законный, незапрещенный

гъалат *сущ.* 1) ошибка, погрешность, неправильность; 2) заблуждение

халек *сущ.* гибель, смерть
халис *прил.* 1) чистый, неподдельный, искренный; 2) натуральный, настоящий

халуа *сущ.* 1) сладость, кондитерские изделия; 2) халва

хамам *сущ.* баня, ванна

хамид *прил.* похвальный, достойный похвалы

ханафи *прил. рел.* ханифит (последователь учения имама Абу-Ханифы)

хабар *сущ.* 1) известие, весть, сообщение; 2) новость, слух

хакъ *сущ.* заработная плата; доля, пай; ср. на пример: Ай...джангыла болумуса, Рамазан!

Ол сан джукъгъа санамагъан „учузсыман“

Онгсуз джарлы чени кибик-леден тартыб

Хакъын толу алгъан заманды бу заман!!!

(Аз. Уртенев. Избр. произв., стр. 76.)

2) *прил.* истинный; **хакъ керти** истинная правда

халал *прил.* добродушный, искренний; ср. **халал адам** добродушный человек; **халал тенг** искренний друг; 2) *сущ. рел.* продукт || пища, разрешенная религией к употреблению

халат *сущ.* ошибка, погрешность; ср. **халатсыз джазаргъа** писать безошибочно (т.е. грамотно); **халатны туъзетирге** исправить ошибку

халек *прил.* гибельный

Халис—муж. имя собственное

халыуа *сущ.* халва

хамам *сущ.* баня

Хамит—муж. имя собственное

Ханафи || **Ханапи**—муж. имя собственное

хапар *сущ.* 1) известие, весть; 2) рассказ (произведение); ср. **къууанч хапар** радостное

харам *прил.* 1) запретный, запрещенный религией; 2) незаконный

хисаб *сущ.* 1) исчисление; 2) счёт, расчёт

хасан *прил.* 1) красивый, прекрасный; 2) хороший, благой

хауа *сущ.* 1) воздух, атмосфера; 2) погода; 3) климат

хазыр *прил.* готовый

хайр *сущ.* добро, благо

Хызыр—собственное имя литературического пророка (в религиозных сказках он появляется перед людьми в образе старика)

Хыйанат *сущ.* предательство,

известие; **джангы хапарла** последние известия; **хапарланы джыйымы** сборник рассказов; 3) *грамм. термин* **хапарчы**—сказуемое

харам *прил. рел.* запретный, запрещенный религией

хыйсаб *сущ.* 1) счёт, расчёт; ср. без счёту **хыйсабсыз** || **эсебсиз коьб**; **туьз хыйсаб** правильный расчёт; 2) арифметика

Хасан—муж. имя собственное

хауа *сущ.* 1) воздух, атмосфера; 2) погода; 3) климат; ср. **хауа болум** климатические условия; **джай хауа** летняя погода; **хауаны басымы** атмосферное давление; **ариу хауа солургъа** дышать свежим воздухом;

4) **Хауа**—женск. имя собственное

хазыр *прил.* готовый; ср. **хазыр кийим** готовое платье; **хазыр бол!** будь готов! **биз сизни бла барыргъа хазырбыз** мы готовы идти с вами; **хазырлыкъ** готовность

хайыр *сущ.* выгода; ср. **хайыр алыргъа** извлечь выгоду

Хызыр—муж. имя собственное

хыянат *сущ.* отступничество;

вероломство, измена, коварство

куррият *сущ.* свобода, воля

хыянатчы адам отступник

хур *сущ.* свобода, воля; слово очень часто встречается в произведениях видного карачаевского поэта Аз. Уртенова. Так, один из первых своих сборников (1929) поэт открыл стихотворением „Башладым“ (Я начал), где говорится:

Къоркъунчлу къара тубан
Къуршалаб тургъан коьк-
нуь,

Урду до темир табан
Джерге джарыгъын тоьк-
дуй!

Ол куьн джыртыучу къуш-
дан

Къутулгъан бир къанатлы,
„Хур бол!“ деген тауушдан
Меннге сауьга узатды.

(Избр. произв., стр. 45)

Ср. Хур бол! будь свободен!
хурмет *сущ.* уважение

хурмат (ун) *сущ.* 1) запретное; 2) священное; 3) святость, неприкосновенность; 4) уважение; 5) жена; 6) женщина

шахид *сущ.* 1) свидетель; 2) наблюдатель; 3) надгробный камень; 4) нотариус (в Тунисе)

шаркъ *сущ.* 1) восток; 2) перен. жители востока

шагъат *сущ.* свидетель; ср. шагъатлагъа соруу допрос свидетелей (на суде); шагъатлыкъ къагъыт свидетельство (удостоверение)

шаркъ *сущ.* восток; слово встречается в произведениях поэта Аз. Уртенова, например:

Козьге тубан, чарс чабыр-
гъан озьенледен,

шарт *сущ.* условие, положение
шимал *сущ.* 1) левая сторона; левая рука; 2) север

шербет *сущ.* лимонад, фруктовая вода; прохладительные напитки

шайтан *сущ.* 1) сатана, дьявол; демон; шайтан; 2) *перен.* совратитель, соблазнитель
шейх *сущ.* 1) старик, старец; 2) шейх, глава племени; предводитель; 3) духовный вождь
шакк(ун) *сущ.* 1) сомнение; 2) неуверенность, подозрительность, недоверчивость
шекел *сущ.* 1) форма, вид; 2) образ; внешний вид; фигура; 3) рисунок

шериат *сущ.* законоположение

Къабырча тар эм къарангы
гоьзенледен.

Тутмакъ булбуллары къалмай
бош болгъанча

Шаркъдан куьн тийиб дуня
нуьрден толгъанча.
(Избр. произв., стр. 16).

Ср. **шаркъдан** с востока.

шарт *сущ.* условие; ср. **шартуруш** условное наклонение.
шимал *сущ.* север; слово встречается в произведениях видного балкарского поэта К. Кулиева, например:

Одоевский мында

Шимал коьгуьне ушаш

Ол коьк коьзтерин жумад.

Лермонтов сакъ жаууну

Тубьбуьнде окъдан жыгъылад.

(Избр. произв. т. 1, стр. 9)

Ср. **шимал коьгуьне ушаш**
похожие на северное небо

шарбат суу *сущ.* сладкая
фруктовая вода

шайтан *сущ.* сатана, чёрт,
шайтан

шыйых *сущ. рел.* духовный
вождь, шейх

ишек *сущ.* сомнение; **ишек-сиз** без сомнения

шекелли *послелог* со значением подобно, как ср. **сени шекелли бир адам** такой же человек, как ты

шериат *сущ. рел.* шариат, религиозное законоположение

шехид *сущ.* 1) погибший в борьбе за правое дело; 2) погибший за веру
юсуф *прил.* 1) красивый, привлекательный; 2) муж. имя собственное

шейит || **шийит** *сущ. рел.*
1) погибший в борьбе за правое дело
Юсуф || **Уьсуьп** || **Джьюьсуьп**
муж. имя собственное

Вот далеко не полный перечень арабских и персидских элементов в составе лексики карачаево-балкарского языка. Как явствует из приведенного перечня заимствованных слов, значительная часть их—это слова отвлеченного значения, имеющие отношение к духовной жизни человека. Все это в свою очередь свидетельствует о глубоком и длительном процессе воздействия арабской и персидской культур на предков современных карачаевцев и балкарцев.

В заключение любопытно отметить, что в словарном составе карачаево-балкарского языка встречается достаточное количество лексических соответствий с венгерским языком. Вполне возможно, что большая часть этих слов является общим достоянием от языка древних носителей, которые участвовали как в формировании карачаевцев и балкарцев, так и венгров. К примеру можно привести следующие факты:

Венгерский язык

agyek—бедро
alma—яблоко
apa—отец
agra—ячмень
valta—топор
vator—смелый, храбрый
vezelni—говорить

vecsak—карманный нож
vorc—черный перец
derek—ствол дерева
emlo—грудь женская (соски)
esz—ум, разум
kanasz—невежа, грубиян

Карачаево-балкарский язык

аякъ(айакъ)—нога
алма—яблоко
ата—отец
арпа—ячмень
балта—топор
батыр—смелый, храбрый
бездирирге—надоедать болтовней
бычакъ—нож
пурч—черный перец
терек—дерево
эмчек—соски вообще
эс—ум, разум, способность
къаназ—презрительная личность

karcolat—гравюра

körte—груша

kuka—глупый

ökög—вол

serke—гнида

taraj—гребешок

teknö—корыто

tenger—море

tepsi—противень

torma—хрен

tönk—пень, обрубок

tyuk—курица

къарасауут—гравюра (насе-
чка)

кертме—груша

кука—подхалим

оыуыз—вол

сирке—гнида

тара къ—гребешок

тегене—корыто

тенгиз—море

тепси—маленький столик для
принятия пищи

турма—редиска

тоьнгек—пень, обрубок

тау укь—курица и т. п.

К поздним заимствованиям после Великой Октябрьской революции в составе лексики карачаево-балкарского языка относится непосредственное заимствование русских слов и заимствование интернациональных терминов через русский язык.

Здесь следует заметить, что проникновение определенного количества русских слов в язык карачаевцев и балкарцев началось еще до Великой Октябрьской революции. Но русизмы этого периода в основном носили административно-управленческие и военные понятия. Они связаны с эпохой колониального угнетения и не составляли общенародного пласта в составе карачаево-балкарской лексики.

Вопросу о прогрессивном влиянии русского языка (в послеоктябрьский период) на карачаево-балкарский язык посвящена готовящаяся к печати специальная монография. Поэтому, автор здесь решил ограничиться указанием на аналогичные работы по этому вопросу в других близкородственных языках.¹

¹ Ф. Б. Астемирова. Роль русского языка в развитии кумыкского языка. Уч. зап. Даггсуниверситета им. В. И. Ленина, т. VI, Махачкала, 1960; Э. М. Ахунзянов. Фонетическое освоение русских слов, заимствованных в татарском языке: («Изв. Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, № 2, 1957); С. Исаев. О роли русского языка в формировании казахской терминологии. (Кн. «Прогрессивное влияние русского языка на казахский», Алма-Ата, 1965).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Немецкая идеология. Соч., т. III, 1955.
2. Ф. ЭНГЕЛЬС. Анти-Дюринг. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XIV).
3. Ф. ЭНГЕЛЬС. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948.
4. В. И. АБАЕВ. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. Журн. «Язык и мышление», № 1, Л., 1933.
5. В. И. АБАЕВ. Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949.
6. В. И. АБАЕВ. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958.
7. В. И. АБАЕВ. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960.
8. В. И. АБАЕВ. О происхождении фонемы (h) в славянском. Сб. «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964.
9. Ш. Х. АКБАЕВ. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963.
10. Ш. Х. АКБАЕВ. К вопросу о происхождении названия Минги-Тэу. Доклады АН Азерб. ССР, т. XX, № 2, Баку, 1964.
11. В. А. АЛБОРОВ. Новые чтения Зеленчукской надписи. «Уч. зап. СОГПИ им. К. Хетагурова», т. XXI, вып. II, 1951.
12. В. П. АЛЕКСЕЕВ. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960.
13. Е. П. АЛЕКСЕЕВА. Карачаевцы и балкарцы—древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
14. У. Д. АЛИЕВ. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык), Кисловодск, 1930.
15. У. Б. АЛИЕВ. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев. Сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1963.
16. А. М. АППАЕВ. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
17. М. И. АРТАМОНОВ. История хазар. Л., 1962.
18. Т. Г. БАИШЕВ. Некоторые материалы по говору башкир, проживающих в Саратовской и Куйбышевской областях (на башк. яз.). Сб. «Вопросы башкирской филологии», М., 1959.
19. Н. А. БАСКАКОВ, Т. М. ТОЩАКОВА. Ойротско-русский словарь, М., 1947.

20. Н. А. БАСКАКОВ. Алтайский язык, М., 1958.
21. Н. А. БАСКАКОВ. Тюркские языки. М., 1960.
22. И. А. БАТМАНОВ, З. Б. АРАГАЧИ, Г. Ф. БАБУШКИН. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962.
23. А. БАХТИАРОВ. Осколки «исчезнувших» аланов. Журн. «Туркменоведение», № 8—9, Ашхабад, 1930.
24. Н. Я. БИЧУРИН. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. I.
25. А. К. БОРОВКОВ. Карачаево-балкарский язык «Яфетический сборник», вып. III, Л., 1932.
26. А. К. БОРОВКОВ. Лексика среднеазиатского тевфира, М., 1963.
27. А. Ж. БУДАЕВ. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968.
28. А. БУДИЛОВИЧ. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Нежин, 1878.
29. С. А. БУРНАШЕВА. Некоторые вопросы лексики татарского языка. ИСГТЯ, ч. IV, М., 1962.
30. Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ. Турецкие элементы в монгольском языке. «Зап. Восточного отд. Русского Археологического общества», т. XX, СПб., 1911.
31. Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. «Доклады Российской Академии наук», Л., 1924.
32. Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.
33. Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ. Арабские слова в монгольском языке. «Зап. коллегии востоковедов», т. V, 1930.
34. ГАН К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, вып. 40, Тифлис, 1909.
35. ГАРДИЗИ. Украшения известий. «Зап. АН, серия VIII», т. I, № 4, СПб., 1897.
36. В. Г. ГНИЛОВСКИЙ. Занимательное краеведение. Ставрополь, 1954.
37. И. А. ДЖАВАХАШВИЛИ. Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, М., 1939, № 4.
38. Н. К. ДМИТРИЕВ. О категории грамматического рода в азербайджанском языке. «И»в. Акад. пед. наук РСФСР», вып. 40, 1952.
39. Н. К. ДМИТРИЕВ. Строй тюркских языков. М., 1962.
40. Г. И. ДОНИДЗЕ. Глагольные топонимы в тюркских языках. Сб. «Топонимика Востока». М., 1964.
41. А. И. КАРАЕВА. Очерк истории карачаевской литературы, М., 1966.
42. Н. А. КАРАУЛОВ. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар». СМОМПК, вып. 42, Тифлис, 1912.
43. В. Ф. КАХОВСКИЙ. Об историко-культурных связях предков чуваш с народами Кавказа по данным этнографии. «Уч. зап. Чувашского госпединститута» вып. XXI, Чебоксары, 1965.
44. А. Ж. КАФОВЕВ. Адыгские памятники, Нальчик, 1963.
45. Г. А. КЛИМОВ. Абхазско-адыгские этимологии, II (заимствованный фонд). Сб. «Этимология». М., 1963.
46. В. Н. КЛЮЕВА. Взаимные связи словарного состава двух языков «Уч. зап. 1-го Московского пединститута иностранных языков», т. XI, 1957.

47. А. П. КОВАЛЕВСКИЙ. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.
48. Дж. Н. КОКОВ. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
49. Е. И. КРУПНОВ. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Кн. «Против вулгаризации марксизма в археологии», М., 1953.
50. В. А. КУЗНЕЦОВ. Надписи Хумаринского городища. Журн. «Советская археология» № 1, 1963.
51. К. Т. ЛАЙПАНОВ. О тюркском элементе в этногенезе осетин. Сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967.
52. Л. И. ЛАВРОВ. К попытке чтения Майкопской надписи. Журн. «Советская этнография», М., 1967.
53. Я. ЛАЗАРЕВ. О гуннах Дагестана. Тифлис, 1859.
54. С. Е. МАЛОВ. Памятник древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
55. С. Е. МАЛОВ. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1961.
56. П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. «Изв. ОРЯС АН», т. X, кн. 4, СПб., 1905.
57. Вс. МИЛЛЕР. Осетинские этюды, ч. II, «Уч. зап. Императорского Московского университета», вып. I, 1881.
58. Вс. МИЛЛЕР. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. «Материалы по археологии Кавказа», III, 1893.
59. Э. М. МУРЗАЕВ. Центральноеазиатские топонимические миниатюры. Сб. «Топонимика Востока», М., 1964.
60. Э. и В. МУРЗАЕВЫ. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
61. К. М. МУСАЕВ. Грамматика караимского языка., М., 1964.
62. В. А. НИКОНОВ. Вопросы топонимики Востока. Сб. «Топонимика Востока», М., 1962.
63. В. А. НИКОНОВ. Введение в топонимику. М., 1965.
64. В. А. НИКОНОВ. Краткий топонимический словарь, М., 1966.
65. К. И. ПЕТРОВ. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.
66. Л. А. ПОКРОВСКАЯ. Термины родства в тюркских языках. ИСГТЯ М., 1961.
67. Н. Н. ПОППЕ. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и татарским языкам. «Изв. Российской АН»; VI серия, т. XVIII (1924), 12—18, 1925.
68. Г. И. РАМСТЕДТ. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
69. А. Н. САМОЙЛОВИЧ. К истории среднеазиатско-тюркского языка. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928.
70. Г. Д. САНЖЕЕВ. Сравнительная грамматика монгольских языков, ч. I, М., 1953.
71. Г. Д. САНЖЕЕВ. Современный монгольский язык, М., 1961.
72. Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ. О праязыке. Журн. «Иностранные языки в школе», вып. 3, 1951.
73. С. М. СЕРЕДОНИН. Историческая география. П., 1916.
74. В. М. СЫСОВЕВ. Карачай в географическом отношении. СМОМПК, XXIII, Тифлис, 1913.

76. Э. В. СЕВОРТЯН. Аффиксы именных словообразования в азербайджанском языке, М., 1966.
77. Л. А. СМОРКАЛОВ. Эссенцуки. Историко-экономический очерк (1798—1958), Нальчик, 1961.
78. Д. Г. ТУМАШЕВА. Язык западносибирских татар. Казань, 1961 (на тат. яз.).
79. Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ. Еще раз о древнезеленчукской надписи. «Эпиграфика Востока», изд. АН СССР, № 12, 1958.
80. Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ. Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2.
81. М. ФАСМЕР. Этимологический словарь русского языка, т. I, 1964.
82. В. И. ФИЛОНЕНКО. Материалы и исследование по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
83. Х. И. ХАДЖИЛАЕВ. К вопросу исследования и истории карачаево-балкарского языка. «Уч. зап. Азгосуниверситета», серия общественных наук, Баку, 1961, № 1.
84. Х. И. ХАДЖИЛАЕВ. Состав лексики карачаево-балкарского языка (на карач.-балк. яз.). Сб. «Вопросы изучения языков и литератур народов Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1968.
85. Х. И. ХАДЖИЛАЕВ. К топонимике Карачая. «Труды Карачаево-Черкесского НИИ», вып. VI (серия историческая), 1970.
86. С. М. ХАЙДАКОВ. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961.
87. А. ЧАРАЯ. Об отношении абхазского языка к яфетическим. «Материалы по яфетическому языкознанию», IV, СПб., 1912.
88. К. ЧЕРЕМИСОВ. О ранних заимствованиях и бурятском языке. Журн. «Свет над Байкалом», Улан-Удэ, 1956.
89. А. К. ШАГИРОВ. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.
90. ШАПШАЛ ОГЛУ СЕРАИЯ. Кырым карай тюрклери. Сб. «Тюрк йылы». Стамбул, 1928.
91. М. Ш. ШИРАЛИЕВ. Основы азербайджанской диалектологии (на азерб. яз.), Баку, 1962.
92. А. М. ЩЕРБАК. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. ИСГТЯ, М., 1961.
93. Б. М. ЮНУСАЛИЕВ. Киргизская лексикология, ч. I, Фрунзе, 1959.

ЖУРНАЛЫ, СБОРНИКИ, ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Журн. «Вопросы истории», М., 1965.
2. Журн. «Известия Всесоюзного географического общества СССР», Л., 1952, № 3.
3. Журн. «Революция и горец», № 1—2 (3—4), Ростов-на-Дону, 1929.
4. Изв. Сев.-Осет. НИИ, т. XXIV, вып. I, 1964.
5. История Сев.-Осет. АССР, изд. АН СССР, 1959.
6. Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, Черкесск, 1967.
7. Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. V, 1966.
8. Сб. «Вопросы башкирской филологии», М., 1959.
9. Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку, 1958.
10. Сб. «Башкирская лексика», Уфа, 1966.
11. Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», вып. II, Чебоксары, 1963.

12. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», извлечение В. Г. Тизенгаузена, т. II, М., 1941.
13. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960.
14. Сб. «Против вулгаризации и извращения марксизма в языкознании», Сб. I, 1951; сб. II, 1952.
15. Сб. «Топонимика Востока», М., 1962.
16. Сб. «Топонимика Востока», М., 1964.
17. Сб. «Топонимика Востока», М., 1968.
18. Сб. «Филология и история монгольских народов», М., 1958.
19. Яфетический сборник, вып. II, П., 1923; вып. III, Л., 1932.
20. Сб. «Балканско езикознание», III, 2, София, 1961.
21. Сб. «Этнонимы», М., 1970.

С Л О В А Р И

1. Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1962.
2. Башкирско-русский словарь, М., 1958.
3. Венгерско-русский словарь, М., 1964.
4. Лезгинско русский словарь, М., 1966.
5. Монгольско-русский словарь, М., 1957.
6. Э. К. ПЕКАРСКИЙ И. Словарь якутского языка, т. II, вып. 5—9, 1959.
7. В. В. РАДЛОВ. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV, СПб. 1893—1911.
8. Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.
9. Русско-кумыкский словарь. М., 1960.
10. Русско-турецкий словарь. М., 1946.
11. Русско-уйгурский словарь М., 1956.
12. Л. УСПЕНСКИЙ И. Краткий этимологический словарь. Журн. «Наука и жизнь», № 5. М., 1966.
13. К. М. ЧЕРЕМИСОВ. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.
14. Чувашско русский словарь, М., 1961.
15. Н. М. ШАНСКИЙ И, В. В. ИВАНОВ, Т. В. ШАНСКАЯ. Краткий этимологический словарь, М., 1961.
16. К. К. ЮДАХИН. Киргизско-русский словарь, М., 1940.
17. Ш. ЛУВСАНВАНДАН, Б. ДЭМЧИГДОРЖ. Монгол хэлний зуьй, нэгдүүгээр дэвтэр. Улаан-баатар, 1951.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Atalay. Besim. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme, Istanbul, 1942.
2. H. Vambery. Die primitive cultur turkotatarischen Volkes, Leipzig, 1879.
3. M. Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch, III, Heidelberg, 1958.

4. M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. I, Heidelberg, 1956.

5. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus, СПб., 1887.

6. Räsänen. Die Wolga—bolgarische Einfluss im Weste im Lichte der Wortgeschichte — «Finnisch — ugrische Forschungen», Bd. XXIX.

7. W. Sturmfels, H. Bischof. Unsere Ortsnamen, Bonn, 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	5
Глава I.	
К топонимике Карачая и Балкарии	15
Глава II.	
Состав лексики современного карачаево-балкарского языка	46
Тюркизмы и собственно карачаево-балкарские слова	70
Лексические соответствия:	
I. Слова, связанные с анатомией человека	70
II. Слова, связанные с анатомией животных	80
III. Слова, связанные с анатомией растений	82
IV. Соответствия по терминам родства	84
Термины родства по крови	84
Термины родства по браку	89
V. Соответствия по названиям домашних и диких животных	94
VI. Соответствия по названиям деревьев и кустарников	103
VII. Соответствия по названиям птиц и насекомых	105
VIII. Слова, обозначающие явления природы	107
IX. Соответствия в названиях дней недели	110
Глава III.	
Заемствованная лексика карачаево-балкарского языка	113
Ранние заимствования в карачаево-балкарском языке	113
Заимствования из иранских языков	117
I. Персидские заимствования в карачаево-балкарском языке	117

II. Заимствования из осетинского языка

120

Заимствования из арабского языка	127
Библиография	152
Журналы, сборники, отдельные издания	155
Словари	156
Литература на иностранных языках	156

Хаджи-Мурат Исавенч Хаджилаев

ОЧЕРКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

160 стр. без иллюстр.

Редактор **Б. О. Джанибеков.**

Художник **Ф. И. Марков.**

Художественный редактор **М. П. Бертини.**

Технический редактор **З. Т. Агирбова.**

Корректор **Н. А. Северина.**

Сдано в набор 3-XI-1969 г. Подписано в печать 27-X-1970 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Физ. п. л. 10, Усл. п. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,1.

Заказ № 4082. Тираж 500 экз. ВУ 72263. Цена 65 коп.

Ставропольское книжное издательство,
Карачаево-Черкесское отделение, г. Черкесск, Ленина, 38
Карачаево-Черкесская областная типография
г. Черкесск, ул. Первомайская, 47.

О П Е Ч А Т К И

Строка	Напечатано	Следует читать
3 снизу	Монги-Тау	Минги-Тау
18 снизу	Бабугаент	Бабугент
10 снизу	дэгъэр	дэгтэр
6 сверху	монгольский	монголист
11 сверху	ле	эл
5 снизу	атылыкъ	аталыкъ
18 снизу	кардош	кардаш

Очерки карачаево-балкарской лексикологии

65 коп.